

ВВРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1903.

№ 12.

ІЮНЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

	Стр.
Православная Церковь по ученію нашихъ свѣтскихъ писателей: А. С. Хомякова, Ф. Г. Тернера и В. С. Соловьева. <i>В. И. Попова</i>	745—757
Екатерининокъ коммисія въ ея отношеніи къ духовенству, какъ сословію (окончаніе). <i>Витора Крылова</i>	758—771
Отець Серафимъ, іеромонахъ Саровской пустыни, пустынножитель и затворникъ, его жизнь и подвиги (окончаніе). <i>Г. Н. Бороуна</i>	772—798
Теорія вдохновенія и происхожденія Св. Писанія на Западѣ въ XVIII и XIX вѣкахъ. (Историко-критическій очеркъ) (продолженіе). <i>Д. С. Леонардова</i>	799—822

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Признавалъ ли Кантъ бытіе вещей въ себѣ? (окончаніе). <i>М. Однцова</i>	483—493
Понятіе объ „ <i>officis</i> “ (о должностяхъ) во второй книгѣ осужденія Цицерона „ <i>De officiis</i> “ (Объ обязанностяхъ) (окончаніе). <i>А. Попровскаго</i>	499—510

Критическая замѣтка: „Необоснованныя благопожеланія“ (Отвѣтъ Г. Е. М.—ву).
Д. Боголюбова 1—4

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Высочайшія награды.—Опрежденія Святѣйшаго Синода: 1) Разъясненіе относительно сбора въ пользу казны съ причтовъ, не получающихъ казеннаго содержанія и 2) о льготѣ вдовосиновымъ окончившимъ курсъ воспитанникамъ семинаріи, которые поступаютъ на должность учителей церковно-приходскихъ школъ.—Отъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ: разъясненіе некоторыхъ недоумѣнныхъ вопросовъ въ церковно-школьной практикѣ.—Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.—Отъ Правленія Братства Св. Великомученицы Варвары.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи за 1902—1903 уч. г.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Списокъ воспитанницъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища за 1902—1903 уч. г.—Краткій отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища за 1902—1903 уч. г.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровский пер., д. № 17.
1903.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлая мысль языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листовъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редаціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія лавія, контора В. Гляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзипкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1895 г., по 8 р. за 1896—1900 годы. За 1901 г.—9 р. и 1902 г. 10 рублей. Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 180 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редаціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перовель Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство“. Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. Біографическій очеркъ жизни, пастырской дѣятельности и литературныхъ трудовъ Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. Протоіеря Т. И. Буткевича. Харьковъ. 1902 г. Цѣна 2 руб. съ перес.

Πίστις νοοῦμεν.
Вѣрота разумѣаемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 30. Іюня 1903 года.
Цензоръ Протоіерей Павелъ Солтцесъ.

Православная Церковь по учению нашихъ свѣтскихъ писателей: А. С. Хомякова, Ф. Г. Тернера и В. С. Соловьева.

Въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ издавна (со времени преобразования Руси Петромъ Великимъ) замѣчалось вліяніе западныхъ вѣроисповѣданій—католическаго и протестантскаго. Это вліяніе проявлялось не только въ усвоеніи нѣкоторыми изъ образованныхъ людей нашего общества духа католицизма и, особенно, протестантизма, но и открытымъ переходомъ ихъ въ эти вѣроисповѣданія. Съ другой стороны, бывали и такія времена (да не то же ли самое видимъ мы и въ настоящее время?), когда интеллигенція наша явно отвращалась отъ Православія, какъ отъ чего-то не стоящаго вниманія, даже далеко отстоящаго отъ истины, какъ отъ чего-то преисполненнаго суевѣрія и предрасудковъ, свойственныхъ развѣ только простымъ неразвитымъ людямъ. Такое печальное явленіе происходило и происходитъ, намъ кажется, отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, наша интеллигенція не имѣла и не имѣетъ вполне правильнаго и точнаго понятія о сущности своей Православной Церкви, и во-вторыхъ,—недостаточно знакома съ духомъ инославныхъ исповѣданій. Ясно, что для нашего образованнаго общества всегда чувствовалась, и теперь быть можетъ особенно настоятельно, крайняя необходимость—точно и съ достаточной полнотою уяснить истинное понятіе о Церкви, обосновавъ его на твердыхъ и несомнѣнныхъ данныхъ, раскрыть самую сущность Церкви, такъ сказать, отыскать эту неизвѣстную обществу Православную Церковь и такимъ образомъ открыть ему

путь къ свободному вступленію въ нее и дать возможность *жить* въ Церкви, а не принадлежать къ ней однимъ только внѣшнимъ, формальнымъ образомъ, оставаясь въ дѣйствительности внѣ ея. И дѣйствительно, явились на Руси люди, которые, стоя весьма близко къ западно-европейской наукѣ и исповѣданіямъ и видя всю несостоятельность послѣднихъ и крайность первой, обратились къ изслѣдованію Православія. И вотъ, послѣ долгаго и глубокаго изученія роднаго Православія, нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ и, что весьма примѣчательно, свѣтскихъ писателей довольно полно и обстоятельно раскрыли сущность истинно—православной Церкви.

Мы остановимся на трехъ замѣчательныхъ и, можно сказать, главныхъ представителяхъ по данному вопросу: Хомяковъ, Тернеръ и Соловьевъ ¹⁾.

Заслуга уяснить и логически формулировать идею святой Церкви принадлежитъ А. С. Хомякову. Онъ опредѣляетъ Церковь слѣдующимъ образомъ: *„Церковь есть живой организмъ истины, внутренней взаимной любви“*, или: *„свобода въ единствѣ и единствѣ въ свободѣ“*, или: *„свобода въ гармоніи ея проявленій“*, иначе говоря, она состоитъ въ стройномъ выраженіи ея внутренняго согласія ²⁾.

Методъ, посредствомъ котораго Хомяковъ пришелъ къ такой формулировкѣ понятія о Церкви, можно назвать историко-философскимъ или историко-сравнительнымъ.

Пояснимъ это. Глубоко усвоивъ, не только умомъ, но и сердцемъ и волею, словомъ—всею душою сущность христіанства, равно прекрасно изучивъ исторію христіанской

¹⁾ Нужно замѣтить, что и другіе наши извѣстные писатели—публицисты т. е. славянофильскаго направленія—И. С. Аксаковъ, И. В. Кирѣевскій, Н. П. Гиляровъ—Платоновъ и др. живо интересовались вопросомъ о Церкви и ея значеніи; но мы не будемъ на нихъ останавливаться,—во 1-хъ потому, что это усложнило-бы нашу скромную задачу, а во 2-хъ потому, что, можно сказать, взгляды въ по этому вопросу примыкаютъ въ общемъ къ взглядамъ указанныхъ лицъ (въ особенностъ-же Хомякова).

²⁾ Должно сказать, что это не вполнѣ буквальные выраженія Хомякова, но взяты у Ю. Ф. Самарина—въ его предисл. къ II т. соч. Хомякова, (стр. 35 и др.); однако опредѣленія Церкви послѣдняго почти буквально сходны (съ ними; см. напр. „Опытъ катихизиса, изложенія ученія о Церкви“ стр. 3, 24; ср. въ томъ-же томѣ стр. 58, 110—11, 162, 209, 243, 245, 258).

Церкви и западныхъ исповѣданій, Хомяковъ пришелъ къ тому рѣшительному выводу, что только *Восточная* (Греко-россійская) Церковь сохранила во всей неизмѣнности истинный духъ христіанства,—духъ свободнаго единенія вѣрующихъ, и что, слѣдовательно, только она одна—*истинная Церковь Христова*. Что-же касается западныхъ вѣроисповѣданій, то они, какъ это очевидно изъ ихъ историческаго возникновенія, утратили—какъ истинную свободу, такъ и дѣйствительное единство вѣрующихъ: католицизмъ принесъ свободу въ жертву внѣшнему (значить—недѣйствительному) единству, а протестантизмъ—единство въ жертву мнимой свободѣ¹⁾. „Единственная моя цѣль, говоритъ Хомяковъ, состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить характеръ обѣихъ половинъ западнаго міра въ глазахъ Церкви и вмѣстѣ дать возможнымъ читателю понять духъ Православія“²⁾.

Господь, нашъ Іисусъ Христосъ, явившись на землю спасти грѣшный родъ человѣческій, открылъ Себя во всей безконечности любви и въ то же время—во всемъ совершенствѣ свободы³⁾. Отходя ко Отцу Своему, Онъ заповѣдалъ своимъ ученикамъ, а въ лицѣ ихъ и всей Церкви, любовь къ Нему и ближнимъ, какъ отличительный признакъ членовъ Церкви (Іоан. 14, 34—5; 15, 10),—любовь, свободно объединяющую всѣхъ членовъ, ея—и между собою, и между ними и Господомъ (Іоан. 17, 11, 21—23). Онъ Самъ требовалъ свободнаго изслѣдованія истины, свободнаго убѣжденія въ истинѣ Его и Его ученія (Іоан. 5, 39). Такимъ образомъ христіанская религія является свободнымъ союзомъ чловѣка съ Богомъ, а Церковь Христова—свободнымъ единеніемъ вѣрующихъ, имѣющимъ въ основѣ своей *любовь*. Нравственная свобода есть существенное свойство чловѣческаго духа. Спаситель, примирившій насъ съ Собою свободнымъ опредѣленіемъ безграничной любви къ намъ, выразившемся съ реальнымъ единеніемъ съ тварью, допускаетъ и насъ къ такому-же единенію съ Собою,—также

¹⁾ См. „Нѣсколько словъ православнаго христіанина о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ“ во II т. его сочин., стр. 115; ср. на стр. 243. (2-е Москва 1880 г.).

²⁾ Тамъ же, стр. 57.

³⁾ Тамъ же, стр. 150; ср. 223—4.

по средствомъ свободнаго влеченія, свободной любви къ Нему. Въ этомъ единеніи съ Господомъ мы только и можемъ получить спасеніе. Но безъ свободнаго стремленія къ нему, безъ свободнаго участія въ своемъ спасеніи, человекъ былъ-бы недостойнъ его, равно какъ не былъ бы достоинъ и разумнѣя истины. Свободное изслѣдованіе составляетъ единственное основаніе истинной вѣры ¹⁾. Всякое разумное вѣрованіе есть уже актъ свободы; даже самое начало обращенія—когда Господь призываетъ грѣшника,—состоитъ въ свободномъ актѣ признанія человекомъ призывающаго его Божественнаго голоса и слѣдованіи за нимъ ²⁾. Эту свободу мы находимъ такъ сказать узаконенною и освященною на вселенскихъ соборахъ. Такъ VI вселенскій соборъ (противъ монофелитовъ), признавъ двѣ воли въ лицѣ Іисуса Христа, тѣмъ самымъ „подразумѣвательно“ подтвердилъ право и человѣческой свободы; такъ VII вселенскій соборъ установилъ („подразумѣвательно“) свободу въ выборѣ формъ богопочитанія и обряда ³⁾. Но особенно замѣчательнъ тотъ фактъ, что даже и столь большіе соборы, какъ напр. соборъ 500 отцовъ въ Римини, не могли ограничить свободы христіанской совѣсти: Церковь отвергла этотъ соборъ, принявшій еретическій (полуаріанскій символъ) ⁴⁾. И такъ, исторія церкви свидѣтельствуетъ намъ, что разумнѣе Откровенія ввѣрено свободѣ мысли Церкви, однако просвѣщенной Божественною благодатію ⁵⁾.

Но непогрѣшимая свобода есть признакъ всей Церкви, въ ея цѣлости, отдѣльный-же человекъ не избавляется отъ возможности заблужденія, какъ-бы высоко онъ не стоялъ по своему умственному развитію и нравственному достоинству. Исторія говоритъ намъ, что даже такіе столпы православія, какъ св. Діонисій Александрійскій, Григорій Нисскій, блаж. Августинъ и др. не были свободны отъ ошибочныхъ мнѣній ⁶⁾. И это вполне по-

¹⁾ Тамъ же, стр. 48.

²⁾ Тамъ же, стр. 230; ср. на стр. 157—9.

³⁾ Тамъ же, стр. 240.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 252; ср. 244.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 250.—Но сколь велика свобода въ Церкви, видно изъ того, что она не осудила этихъ богослововъ, трудившихся на добрыхъ уясненіи истинъ вѣры (стр. 250).

нятно: вѣра отдѣльнаго человѣка,—будь она слѣдствіемъ свободного убѣжденія человѣка,—никогда не можетъ исключать возможности сомнѣнія и даже заблужденія, ибо полная истина возможна только безгрѣшному. На свободѣ вѣрующаго, оторванной отъ единенія съ ближними въ Иисусѣ Христѣ, нѣтъ благословенія Божія; такая свобода есть не иное что, какъ произволь (какъ это и видимъ въ протестантствѣ), неизбежно проявляющійся въ противорѣчивыхъ вѣрованіяхъ различныхъ людей, въ сомнѣніи и даже въ невѣріи. Не таковъ плодъ истинно-христіанской свободы: прямой плодъ и проявленіе ея есть единство вѣрующихъ, иначе: гармоническое соединеніе всѣхъ личныхъ свободъ ¹⁾. Только такой свободѣ, т. е. необходимо проявляющейся въ единствѣ всѣхъ вѣрующихъ, ввѣрена охрана истины Христовой, и только при такомъ, т. е. свободномъ, единеніи, законъ котораго есть *любовь*, и возможно избѣжать заблужденія. Въ сознаніи своего личнаго недостойнства, христіанинъ и долженъ, поэтому смиренно преклоняться предъ вѣрою *всей* Церкви, въ ея нераздѣльномъ единствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, попытка отдѣльнаго немощнаго разума проникнуть въ тайны Божіи можетъ считаться прегрѣшеніемъ, такъ какъ тайны Божіи сами по себѣ невыразимы; не могутъ быть опредѣлены слабымъ человѣческимъ словомъ и непонятны для насъ. Открытія въ Церкви съ самаго ея основанія, онѣ и были выражены только для Церкви и только ею одною, находящеюся въ самомъ тѣсномъ единеніи съ Господомъ и заключающею въ своемъ нравственномъ единствѣ вѣрующихъ (членовъ), къ духовномъ организмѣ, Духа Святаго,—только ею одною могутъ быть поняты ²⁾. Ясно: отсюда, что и слова, выражающія тайны Божіи, могутъ быть правильно поняты только такимъ человѣкомъ, жизнь котораго находится въ полномъ согласіи съ реальностью Божественнаго міра (т. е. міра тайнъ Божіихъ) и который составляетъ живую, неотъемлемую часть живого организма—Церкви ³⁾. Здѣсь человѣкъ въ своей вѣрѣ не надѣется на свои силы, но всю надежду возлагаетъ на святость единства и любви, связующей его съ Церковію, какъ

1) Тамъ же, стр. 248.

3) Стр. 245.

2) Стр. 244—5; ср. 58.

тѣломъ самаго Господа, а въ ней—и съ самимъ Господомъ ¹⁾). Церковь такимъ образомъ является для христіанина не внѣшнимъ авторитетомъ, но истинною, и въ тоже время жизнію его. Какъ скоро человѣкъ живетъ въ Церкви вселенскою жизнію любви и единства, то и Христосъ и Его Церковь живутъ въ немъ,—живутъ жизнію болѣе тѣсною и дѣйствительною, нежели его быющее въ груди и сердце или кровь, текущая въ его жилахъ ²⁾). Такъ хотя „разумная свобода вѣрнаго“ не знаетъ надъ собою никакого внѣшняго авторитета; но оправданіе этой свободы въ единомысліи ея съ Церковію, а мѣра оправданія опредѣляется согласіемъ всѣхъ вѣрныхъ“ ³⁾).
 Такъ обнаруживается единство вѣрующихъ (членовъ Церкви), единство истинное, внутреннее, плодъ и проявленіе свободы, единство свободное,—точнѣе—единство какъ „сама свобода, въ стройномъ выраженіи ея внутренняго согласія“ ⁴⁾). Основаніе такого единства есть нравственный законъ любви и молитвы ⁵⁾). Свобода и единство—таковы существенныя, отличительныя свойства истинной Церкви Христовой и ея основныя начала. Такая именно Церковь—въ ея цѣлости или единствѣ, „начертала Священныя Писанія; она же дала имъ смыслъ въ преданіи; иными словами: писаніе и преданіе, эти два проявленія одного и того же Духа, составляютъ одно проявленіе; ибо писаніе не иное что, какъ преданіе начертанное, а преданіе не иное что, какъ живое писаніе“ ⁶⁾). Такая только Церковь непогрѣшима (ибо она—проявленіе Духа Святаго въ человечествѣ), и потому всякая попытка покуситься отнять что либо изъ писанія или преданія, равно и попытка человеческого разума постичь истину одними лишь своими силами, въ Церкви дѣлается безуміемъ и богохульствомъ ⁷⁾).
 Самымъ непререкаемымъ свидѣтельствомъ этого единства Церкви, при ея полной свободѣ ея членовъ, оказывается ея исторія, всего ярче выразившаяся во вселенскихъ соборахъ ⁸⁾). Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, какъ (известно) были и еретическіе

1) Стр. 227.

2) Стр. 54.

3) Стр. 245.

4) Стр. 73; ср. 253

5) Стр. 253.

6) Стр. 58, ср. 7 и 8.

7) Стр. 63—4.

8) Тамъ же; стр. 159.

соборы, повидимому, ничѣмъ не отличавшіеся отъ соборовъ вселенскихъ ¹⁾; однакоже Церковь отвергала ихъ; были ереси, охватывавшія цѣлыя области (напр. несторіанство охватило нѣкогда весь Антиохійскій патріархатъ), точно также единодушно отвергнутыя Церковью ²⁾. Почему-же эти соборы и эти ереси были низложены Церковію? „Потому единственно, отвѣчаетъ Хомяковъ,—что эти соборы, эти ереси не были признаны за голосъ Церкви *всѣмъ церковнымъ народомъ*, тѣмъ народомъ и въ той средѣ, гдѣ въ вопросахъ вѣры нѣтъ различія между ученымъ и невѣждою, церковникомъ и міряниномъ, мущиною и женщиною, государемъ и подданнымъ, рабовладѣльцемъ и рабомъ; гдѣ, когда это нужно, по усмотрѣнію Божію, отрокъ получаетъ даръ вѣдѣнія, младенцу дается слово премудрости, ересь ученаго епископа опровергается безграмотнымъ пастухомъ, дабы всѣ были едино въ свободномъ единствѣ живой вѣры, которое есть проявленіе Духа Божія“ ³⁾. Теперь для насъ понятна формула вселенскихъ соборовъ, употреблявшаяся при опредѣленіи догматовъ: „изволился Духу Святому и намъ“. Въ этихъ словахъ, говоритъ Хомяковъ, выражалось не горделивое притязаніе, но смиренная надежда, которая въ послѣдствіи оправдывалась или отвергалась согласіемъ или несогласіемъ всего народа церковнаго ⁴⁾ или всего тѣла Христова“ ⁵⁾.

Церковь, какъ проявленіе Духа Святаго въ человѣчествѣ, какъ единство благодати живущаго въ ней Духа Святаго ⁶⁾, какъ живой организмъ—тѣло Іисуса Христа, естественно, должна обнимать всѣхъ членовъ,—какъ живущихъ на землѣ (видимый элементъ Церкви); такъ и въ вѣрѣ умершихъ и Ангеловъ и даже будущія поколѣнія,—словомъ, Церковь видимую и невидимую. Только по отношенію къ человѣку, жи-

1) На нѣкоторыхъ изъ нихъ даже и отцовъ было значительно больше, чѣмъ на вселенскихъ; такъ на упомянутомъ соборѣ въ Римѣ ихъ было на 200 болѣе чѣмъ на I вселен. соборѣ.

2) Тамъ же, стр. 157—9.

3) Стр. 72; ср. 241—2.

4) Стр. 71; ср. 48.

5) „Опытъ катихизиса. изложенія ученія о Церкви“ стр. 8; ср. „Нѣсколько словъ правосл. христіанина о западн. вѣроисповѣданіяхъ“, стр. 64.

вущему на землѣ, можно говорить о Церкви видимой и невидимой; въ сущности-же то, что мы разумѣемъ подъ видимою и невидимою Церковію—только два различныя вида единой Церкви ¹⁾. Церковь, и въ земномъ ея призваніи, въ тоже время видима и невидима ²⁾. Какъ общество избранныхъ, подчиняющихся принципу христіанской жизни—*любви*, составляющее одну душу и тѣло,—она невидима; но какъ общество людей, *признающихъ* этотъ принципъ и *подчиняющихся* ему, *по крайней мѣрѣ съ виду*,—она видима. Но ясно, что Церковь видимая тогда только и можетъ существовать, когда подчиняется Церкви невидимой, когда, такъ сказать, соглашается служить ея проявленіемъ, признавая принципъ любви. Но какъ скоро это начало Церкви отвергается, тогда невидимая Церковь вынуждается такъ или иначе заявить протестъ ³⁾.

Какъ живой организмъ истины и любви, Церковь, естественно, должна жить. Внѣшняя (видимая) жизнь ея проявляется въ таинствахъ, а внутренняя—въ дарахъ Св. Духа: вѣрѣ, надеждѣ и любви ⁴⁾. Собственно говоря, въ каждомъ дѣйствіи Церкви—св. Писаніи, преданіи и вообще всякомъ богоугодномъ дѣлѣ—обнаруживаются всѣ эти дары (ибо дары Св. Духа неразрывно соединены въ одномъ единствѣ); но въ богоугодномъ дѣлѣ всего болѣе выражается любовь, въ молитвѣ—надежда и въ исповѣданіи—вѣра ⁵⁾. Единство, проявляющееся въ общеніи таинствъ, есть внѣшнее единство; единство, проявляющееся въ духѣ Церкви—вѣрѣ, надеждѣ и любви—единство внутреннее. Первое не такъ важно ⁶⁾: (ибо наприм. мученики спасались и безъ приобщенія таинствамъ); но второе—необходимо: безъ приобщенія вѣрѣ, надеждѣ и любви—этимъ дарамъ Св. Духа, составляющимъ святость Церкви, спастись уже нѣтъ никакой возможности ⁷⁾.

1) Отсюда ясно, какъ заблуждаются католики, такъ рѣзко раздѣляющіе Церковь на видимую и невидимую, и протестанты, отвергающіе Церковь, какъ общество живущихъ на землѣ людей, и признающіе, что Церковь (=невидимая) могла существовать и въ средѣ общества исповѣдующаго ложные догматы и совершающаго ложные обряды. (=стр. 234).

2) Тамъ же, стр. 238.

3) Стр. 234.

4) Опытъ катихизиса, изложенія о Церкви, стр. 17.

5) Тамъ же, стр. 9.

6) Стр. 18.

7) Странно считать не такъ важнымъ общеніе въ св. таинствахъ; указаніе на примѣръ мучениковъ является въ данномъ случаѣ, не совсѣмъ уличающимъ. *Пенз*

Для того, чтобы лучше и, такъ сказать, рельефнѣе представить отличительныя черты истинной (православной) Церкви, Хомяковъ выясняетъ—изъ историческаго происхожденія—принципы католицизма и протестантизма и сопоставляетъ съ ними принципы истинной Христовой Церкви—*свободу и единство любви върующихся*. Съ самаго начала своего существованія Церковь была тѣсно связана единствомъ любви. Никакія ереси не могли поколебать этого единства. Церковь собирала соборы и общимъ голосомъ рѣшала догматическіе вопросы ¹⁾. Но вотъ помѣстная римская церковь, своимъ произвольнымъ измѣненіемъ символа вѣры (=введеніемъ новаго догмата *filioque*), присвоила право рѣшенія догматическихъ вопросовъ, вмѣсто всей вселенской Церкви, церкви помѣстной—римской, свое областное мнѣніе римская церковь поставила выше непогрѣшимаго голоса Церкви вселенской и такимъ образомъ отпала отъ единства съ нею; вмѣсто вселенскаго закона любви она поставила принципомъ Церкви горделивую свободу изслѣдованія въ области вѣры, совершенно лишенную единства ²⁾. Такъ римская церковь, самымъ своимъ отдѣленіемъ отъ Церкви вселенской, заявила себя протестантствомъ ³⁾. Но какъ узаконеніе принципа свободного изслѣдованія на первыхъ порахъ, при живомъ сознаніи прежняго строя церковной жизни, было неудобно ⁴⁾; то, чтобы прикрыть этотъ произволь, римская Церковь узаконила другое начало—начало «боговдохновенности» и святости, приписавъ римскому епископу (папѣ) безусловную непогрѣшимость ⁵⁾. Очевидно, что въ католицизмѣ нѣтъ и тѣни отличительныхъ началъ истинной Церкви: свободы и единства. Единство римской церкви, явившееся какъ необходимость прикрыть начало рационализма, есть единство искусственное и потому недействительное. Оно состоитъ въ порабощеніи членовъ Церкви главѣ ея—папѣ; върующій католикъ—подданный, оставаясь, по видимому, въ Церкви, на самомъ дѣлѣ—вънѣ ея: Церковь и

1) См. Письма о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ, стр. 48.

2) Тамъ же, стр. 51.

3) Стр. 51.

4) Потому что вслѣдствіе такого произвола римская церковь могла стать расколомъ въ глазахъ Церкви вселенской (Стр. 102; ср. 68).

5) Тамъ же, стр. 52; ср. 102 и др.

вѣрующій ' перестали быть единымъ ¹⁾. Какъ скоро римскій епископъ сдѣлался верховнымъ авторитетомъ, измѣнилось и отношеніе людей между собою; прежняя связь ихъ, состоящая въ свободной всеобщей любви, исчезла: ее замѣнила общеподданническая зависимость всѣхъ отъ верховной власти римскаго первосвященника. Папа, которому всѣ вѣрующіе—католики должны безусловно подчиняться, сталъ такимъ образомъ тираномъ, а христіане—рабами. Отсюда понятно, что о свободѣ совѣсти и убѣжденій въ римской Церкви не можетъ быть и рѣчи; она является въ ней преступленіемъ; самое единство римской церкви совершенно ее исключаетъ ²⁾. Изъ сейчасъ сказаннаго вытекаетъ, какъ у католиковъ, такъ и протестантовъ, раздѣленіе Церкви на учащую и поучаемую, раздѣленіе, составляющее также одну изъ самыхъ отличительныхъ чертъ католицизма и протестантизма отъ Православія ³⁾. И дѣйствительно, кромѣ того, что (какъ было уже доказано) истинныя вѣры Христовой вѣрены не іерархіи, и не пасомымъ, по всей Церкви; въ ея цѣлости,—отсутствіе этого раздѣленія Церкви представляетъ догматическій фактъ. Послание восточныхъ патріарховъ (въ отвѣтъ на окружное посланіе папы Пія IX, изданное въ 1848 г.), принятое и русскою церковію и сдѣлавшееся такимъ образомъ голосомъ Церкви вселенской, торжественно провозгласило, что „непогрѣшимость почіетъ единственно на *вселенскости* Церкви, объединенной взаимною любовію, и что неизмѣнность догмата равно какъ и чистота обряда вѣренна охранѣ не одной іерархіи, но всего народа церковнаго, который есть тѣло Христово“ ⁴⁾. Какъ уже выше было сказано, римская церковь, своимъ произвольнымъ измѣненіемъ символа вѣры отторгнувшаяся отъ единства Церкви вселенской, узаконила новый принципъ—самопроизвольнаго изслѣдованія въ области вѣры. Изъ этого

1) Тамъ же, стр. 52.

2) Стр. 55, 79, 243 и 258.

3) У протестантовъ это раздѣленіе—необходимое слѣдствіе упраздненія заочнаго преданія, съ тѣмъ только различіемъ, что мѣсто преданія здѣсь заступала наука, а мѣсто священника—ученый (См. о семъ стр. 46—7 и 57).

4) Тамъ же, стр. 61; ср. 162.

положенія Хомяковъ вполнѣ естественно дѣлаетъ тотъ выводъ, что если частная (римская) церковь присвоила себѣ право по отношенію къ цѣлой Церкви опредѣлять и хранить истины вѣры, то одинаковое-же право на это должна имѣть и всякая другая помѣстная церковь—по отношенію къ церкви римской,—всякая епархія—по отношенію къ римскому патріархату,—всякій приходъ—по отношенію къ своей епархіи,—наконецъ, всякій отдѣльный человѣкъ—по отношенію ко всѣмъ остальнымъ ¹⁾. Такъ изъ католичества съ логическою необходимостію возникло протестантство, это (какъ выражается Хомяковъ) „закононое по своему происхожденію исчадіе романтизма“ ²⁾. Понятно, что у протестанства не можетъ быть и тѣни единства: потому что совершенно невѣроятно предполагать даже и возможность единства тамъ, гдѣ каждое лицо имѣетъ полное право сочинить для себя какую ему будетъ угодно религію ³⁾. Выходило бы,—съ признаніемъ принципа протестантства,—что „тайна единства Творца съ тварью чрезъ Христа была ввѣрена раздору“ ⁴⁾. Тѣмъ не менѣе протестанты, отвергнувъ закононое преданіе ⁵⁾, хотятъ видѣть свое единство въ признаніи Библии ⁶⁾. Но это единство такое жѣ вѣшнее, какъ и единство у католиковъ: оно „держится,—говоритъ Хомяковъ,—не на смыслѣ Св. Писанія (ибо толкованія его противорѣчатъ одно другому), а на единствѣ *вещи*, т. е. писаннаго слова, какъ книги, независимо отъ его значенія и отъ мысли въ ней заключенной“ ⁷⁾. Притомъ, даже и сама-то Библия не имѣетъ, такъ сказать, строго опредѣленныхъ границъ въ протестантствѣ. Потому что кто поручится (при отсутствіи церковнаго канона), что та или иная книга св. Писанія есть дѣйствительно произведеніе Св. Духа, а не апокрифическая?... Такъ можно; пожалуй, заподозрить какую угодно книгу св. Писанія ⁸⁾,—какъ это и показалъ горькій опытъ протестантскихъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 102—8. ²⁾ Тамъ же, стр. 106—8.

³⁾ Стр. 55; ср. 54 и 73. ⁴⁾ Тамъ же, стр. 109.

⁵⁾ Что весьма скоро и обнаружилось въ возникновеніи множества протестантскихъ сектъ, съ разнообразными до противорѣчій вѣрованіями (=см. стр. 109).

⁶⁾ Тамъ же, стр. 936.

⁷⁾ Въ этомъ Хомяковъ и видитъ сущность протестанства (=см. 42—48 стр.).

⁸⁾ Стр. 109.

⁵⁾ Тамъ-же, стр. 109.

⁶⁾ Стр. 104.

ученыхъ. Такимъ-то образомъ единство протестантовъ состоитъ въ униженномъ для человѣческаго достоинства служеніи Бяблии—кумиру, въ грубомъ фетишизмѣ¹⁾.—Что-же касается протестантской свободы изслѣдованія въ области христіанскихъ истинъ, которою они такъ много гордятся,—то нужно замѣтить, что свобода эта далеко не истинная: свобода у протестантовъ не увѣренная въ своемъ проявленіи, постоянно колеблющаяся— для цѣлой общины; а для отдѣльнаго лица—свобода сомнѣнія, проявляющаяся въ полномъ безсиліи узнать истину, или же гордый произволь, создающій для себя вѣру и религію²⁾. Въ обоихъ видахъ эту свободу нельзя назвать истинною: это не иное что, какъ произволь, чуждый единенія въ Исусѣ Христѣ, въ которомъ (=единеніи) только и возможно познаніе истины.

Изъ сказаннаго о католицизмѣ и протестантизмѣ вытекаетъ тотъ окончательный выводъ, что вѣроисповѣданія эти не имѣютъ признаковъ истинной Христовой Церкви: свободы основанной на взаимной любви и обнаруживающейся въ единствѣ вѣрующихъ, и слѣдовательно ни то, ни другое не могутъ быть истинною Церковію—живымъ организмомъ, иначе—тѣломъ Господа Исуса Христа. Католицизмъ это,—по сравненію Хомякова—зданіе состоящее изъ кирпичей, которые, находясь въ полномъ распоряженіи каменщика, нисколько не измѣняются и не улучшаются отъ своего положенія. Такъ можно сказать, что католицизмъ есть „внѣшнее единство, отвергающее свободу и потому не дѣйствительное“³⁾. Протестантизмъ-же—это беспорядочная масса песка, гдѣ всякая случайно заброшенная песчинка не имѣетъ орѣшительно никакой солидарности съ массой и точно также не получаетъ отъ нея новаго бытія. Значить, можно смѣло сказать, что протестантизмъ есть „внѣшняя (призрачная) свобода, не дающая единства“⁴⁾. Истинная-же (православная) Церковь Христова—это живой организмъ,—образующійся изъ свободы, основанной на любви и проявляющійся въ единствѣ,—гдѣ каждая частица вещества (членъ Церкви), вошедшая въ организмъ, становится неотъемлемою его частию и чрезъ это самое

1) Стр. 109—10; ср. 200—1.

2) Тамъ же, стр. 253.

3) Стр. 249 и 74.

4) Тамъ же стр. 243; ср. 74.

получаетъ отъ него новый смыслъ и новую жизнь ¹⁾. Такое различіе въ идеѣ православнои Церкви и западныхъ обществъ необходимо,—какъ справедливо думаетъ Хомяковъ,—должно отозваться и на характерѣ проявленій какъ первой, такъ и послѣднихъ. И дѣйствительно, главнѣйшія проявленія церковной жизни—молитва и таинства вполнѣ подтверждаютъ намъ это. Но мы не будемъ останавливаться на пространномъ разсужденіи Хомякова о молитвѣ и таинствахъ православнои Церкви, католицизма и протестантизма, такъ какъ; это повело бы насъ очень далеко; къ тому-же изъ сказаннаго совершенно ясно опредѣлился характеръ Церкви православнои, въ отличіе отъ западныхъ вѣроисповѣданій.

Таково въ общихъ и существенныхъ чертахъ раскрытіе главою славянофиловъ—А. С. Хомяковымъ понятія о Церкви, понятія несомнѣнно истиннаго, составляющаго вмѣстѣ съ тѣмъ самую сущность православія. Хотя, конечно, трудно исчерпать всю глубину мыслей Хомякова о Церкви, но сказаннаго, кажется, для нашей цѣли достаточно.

В. И. Поповъ.

(Окончаніе, будетъ).

¹⁾ Стр. 115.

ЕКАТЕРИНИНСКАЯ КОММИССІЯ

ВЪ ЕЯ ОТНОШЕНІИ КЪ ДУХОВЕНСТВУ, КАКЪ СОСЛОВІЮ.

(Обомятіе *).

„Проектъ правъ средняго рода людей и бѣлаго духовенства“ въ Дирекціонной комиссіи и возраженія противъ него Преосвященнаго Гавріила, Архіепископа С. Петербургскаго.

Въ Дирекціонной комиссіи въ числѣ ея немногихъ членовъ засѣдалъ, между прочимъ, и синодскій депутатъ—Преосвященный Гавріиль, сдѣлавшійся фактически депутатомъ и всего приходскаго духовенства, носителемъ и выразителемъ его словныхъ нуждъ и желаній. Какъ представитель духовнаго сословія, Гавріиль не могъ оставить безъ возраженій „проектъ правъ средняго рода людей и бѣлаго духовенства“, а тѣмъ болѣе фактъ зачисленія послѣдняго „въ средній или мѣщанскій родъ людей“. Поэтому, оставивъ пока разборъ всѣхъ частныхъ пунктовъ проекта, Преосвященный сосредоточилъ всѣ свои усилія на томъ, чтобы какъ-нибудь защитить приходское духовенство, побудивъ своихъ коллегъ исключить послѣднее изъ „средняго или мѣщанскаго рода людей“ и выдѣлить его въ отдѣльную, совершенно самостоятельную и привилегированную группу русскаго общества. Къ этому побуждали его, и мѣсто, занимаемое имъ въ законодательной комиссіи, и его убѣжденія, и его собственное знакомство съ бытомъ сословія, изъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1908 г. № 11.

котораго онъ происходилъ, и многочисленныя и настойчивыя заявленія со стороны духовенства, и, наконецъ, опредѣленіе Св. Синода, уже извѣстное какъ въ формѣ замѣчаній на „проектъ правъ средняго рода людей“, гдѣ высшимъ органомъ церковнаго управленія въ Россіи рѣшительно высказано было желаніе, чтобы приходское духовенство „положено было въ особливомъ родѣ“. Трудная задача выпала на долю Преосвященнаго Гавріила: онъ долженъ былъ выдержать сильную борьбу, идти въ разрѣзъ съ духомъ времени и стараться согласить двѣ цѣли, издавна поставленныя у насъ во враждебное отношеніе. Справедливо замѣчено, что чувства чистой совѣсти достаточно для смерти; но для жизни необходимо сверхъ того чувство нравственнаго достоинства, т. е. другими словами—сознаніе человѣческихъ и общественныхъ правъ и обязанностей ¹⁾. Эти двѣ цѣли, земная и небесная, поняты были у насъ такимъ образомъ, что духовенству предоставлено преимущественно то, что нужно для неба, и презрѣны и полузабыты условія земнаго существованія. Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, если мы припомнимъ возраженія членовъ комиссіи „о среднемъ родѣ людей“ на замѣчанія Св. Синода. Такая замкнутость, такое отчужденіе духовенства отъ жизни общественной отчасти перешли къ намъ, какъ византійское наслѣдство, отчасти возникли отъ неблагопріятныхъ мѣстныхъ условій. Существенное различіе между восточною и западною церковью представляется въ томъ, что восточная девизомъ своимъ избрала: „Божіе Богови“, а западная: —„кесарево кесареви“, т. е. земное земному, и на основаніи этого принимала участіе въ тревоженіяхъ политической жизни и добилась земныхъ, политическихъ правъ. Опираясь на несомнѣнное свидѣтельство исторіи, нельзя и у нашего духовенства отрицать стремленія къ участію, порою рѣшительному, въ событіяхъ общественной и государственной жизни; но бюрократическое начало, съ такою щедростью внесенное въ церковное управленіе, поставило для дѣятельности подвѣдомыхъ ему лицъ такіе замкнутые предѣлы, для выхода изъ которыхъ требова-

¹⁾ Исторія російской Академіи, М. И. Сухомлинова, в. I, стр. 86. Статья о Преосвященномъ Гавріилѣ.

лось много большаго гражданскаго мужества. Даже въ эпоху всеобщаго возбужденія умовъ, чѣмъ, несомнѣнно, было екатерининское время, слышалась готовность примириться съ печальною, земною судьбой людей не отъ міра сего. И это даже со стороны самаго великорусскаго духовенства. Преосвященный епископъ Крутицкій Сильвестръ писалъ Гавріилу; „Въ причисленіи къ мѣщанству духовенства, de quo olim obiter et paucis, труда много, чтобъ отстоять; однако не будетъ-ли годиться предложеніе такое, что мѣщанамъ дозволены способы многихъ выгодъ и корыстей, какъ-то: торги, откупы и прочее, почему и государственныя тягости имъ сносны. А какъ духовные мѣщанскихъ выгодъ по указамъ не имѣютъ, и имѣть правилами возбраняется, такъ и въ тягостяхъ общества соучастны быть ими ex natura status sui не могутъ, какова поставка рекрутъ въ солдатство, складка рекрутская и прочее: или что и могутъ *vifacillatum suagum*, отъ всего того, по правиламъ и примѣрамъ всѣхъ вѣковъ церкви, да и самихъ иновѣрческихъ державъ, быть свободны. А буде смѣщать духовенство съ мѣщанствомъ, то надо дать ему и корыстей средства, чего однимъ дать не хочется, другимъ имѣть не можно: такъ останутся только тягости мѣщанскія на духовныхъ безвыгодно. *Но ежели то идетъ къ уравненію только, въ разсужденіи чести одной, духовныхъ съ мѣщанами *praesice* отъ тягостей и корыстей, въ такомъ случаѣ мы, не требуя разбору почестей своихъ, готовы остаться въ глушь попрежнему, какъ и предки наши и другихъ державъ наши, братья, ибо Царство Христово нѣсть отъ міра сего*“¹⁾. При такомъ положеніи дѣла Преосвященному Гавріилу, дѣйствительно, нужно было не мало гражданскаго мужества, чтобы выступить на защиту сословныхъ правъ духовенства и съ успѣхомъ протестовать противъ факта причисленія послѣдняго „къ среднему или мѣщанскому роду людей“. Гавріиль представилъ нѣсколько возраженій, обосновывая ихъ и Св. Писаніемъ, и „богодуховеннымъ“, какъ самъ выражается, Наказомъ Императрицы Екатерины II и нѣкоторыми другими нравственными и юридическими соображеніями. Но

¹⁾ Рукопись № 415, л. 204 - 205. Письмо помѣчено: 1768 г. апрѣля 12 дня. Москва.

во всей его аргументаціи замѣтно. проглядываетъ одна характерная черта, которую нельзя не признать очень удачною. Это—стремленіе поставить каждое свое положеніе въ прямую связь съ Наказомъ Императрицы и даже показать членамъ Дирекціонной комиссіи, что его мысли есть ни болѣе, какъ простое заимствованіе изъ „богодухновеннаго произведенія“ вѣщественнаго философа или, по крайней мѣрѣ, строго логическіе выводы изъ него. Цѣль подобнаго стремленія вполне понятна и вызывалась самымъ положеніемъ дѣла. Известно, что Наказъ данъ былъ Императрицей въ непремѣнное и обязательное руководство депутатамъ законодательнаго собранія, отступать отъ „правиль“ котораго было не всегда возможно и тактично. Члены комиссіи прекрасно сознавали это, и потому всѣ свои предложенія старались согласовать съ данною имъ инструкціей, не позволяя себѣ нигдѣ почти противорѣчить ея предписаніемъ. Мы уже знаемъ, что „комиссія о среднемъ родѣ людей“ потому, между прочимъ, рѣшила зачислить бѣлое духовенство „въ средній или мѣщанскій родъ людей“, что въ Наказѣ Императрицы указаны только три сословныя группы, между которыми приходилось выбирать при разсужденіи о духовенствѣ. Гавріилъ понималъ это и чтобы достигнуть съ большимъ успѣхомъ намѣченной цѣли, старался вездѣ подкрѣплять свои мысли ссылками на Наказъ, выше котораго едва-ли знали какой-либо другой авторитетъ депутаты Екатерининской комиссіи. Пресвященныи Гавріилъ начиваетъ свои доказательства опредѣленіемъ священническаго служенія, заимствуя черты послѣдняго изъ Св. Писанія. „Священникъ есть особа согласіемъ Церкви, рукоположеніемъ архіерейскомъ и призваніемъ Св. Духа устроенная, чтобъ вкоренить въ сердцахъ вѣрныхъ истину Слова Божія, и совершать таинства“¹⁾. Такое опредѣленіе „основано на Словѣ Божіемъ, гдѣ они называются служителями Божиими и строителями тайнъ Его, часть избранная самимъ Богомъ“²⁾, что и „на соборахъ св. отцевъ греческими императорами и особенно ихъ законами утверждено“³⁾. Какъ служители алтаря, священники

1) Рукопись № 415, л. 208.

2) Ссылка на 1 Кор. 4, 1.

3) Рукопись, л. 208 и 212.

и діаконы „должны упражняться въ богомыслии и молитвѣ“, а какъ наставники и просвѣтители народа, „должны предупредить и исправлять пороки, наставлятъ всякаго, какъ бы званіемъ ни былъ, Закону Божию, дѣйствовать на умы и сердца людей, „всѣвая въ нихъ сѣмена богопочитанія“, обращаться къ ихъ совѣсти и водворять въ обществѣ нравственныя начала, „изнемогающихъ въ вѣрѣ укрѣпляя, упорныхъ обличая, обидящихъ увѣщаніями приводя въ чувство и приводя“, наконецъ, „въ признаніе не признающихъ авторитета церкви“¹⁾. Къ обязанностямъ священнослужителей относится также „совершеніе таинствъ, установленныхъ Спасителемъ нашимъ“, особенно же таинства исповѣди, въ которомъ человѣкъ „приводится духовникомъ къ признанію своихъ пороковъ и исправленію жизни“²⁾. Отсюда нельзя не видѣть, какъ велико и многосложно служеніе священника! Велико оно и по тѣмъ благимъ результатамъ, которые необходимо вытекаютъ изъ успѣшнаго прохожденія пастырскаго служенія. Первымъ и главнымъ благомъ явится, несомнѣнно, „христіанскій законъ и вѣра человѣка“, вѣра всего общества, которая водворяется въ послѣднемъ его духовными руководителями³⁾. Достоинство же и значеніе „христіанскаго закона и вѣры“ достаточно уже оцѣнены всѣми благомыслящими людьми. Но ихъ важное значеніе для общества указываетъ и въ „премудромъ“ Наказѣ Императрицы Екатерины II. Разсуждая о томъ, что служить основаніемъ благополучія каждаго отдѣльнаго человѣка и цѣлаго общества, авторъ Наказа указываетъ именно на „христіанскій законъ и вѣру“, какъ главныя „основанія благополучія, славы, блаженства и спокойствія Россіи“⁴⁾. Отсюда вполне естественно и желаніе самой Императрицы „и всякаго честнаго“ человѣка, чтобы эти христіанскія добродѣтели были насаждены въ русскомъ обществѣ при помощи хорошаго и успѣшнаго служенія пастырей православной церкви⁵⁾. Но возможно-ли, спрашиваетъ Преосвященный

1) Рукопись, л. 208—208 об.

2) Тамъ же.

3) Рукопись, л. 208.—208 об.

4) Наказъ, предисл. п. 1—2. II. С. З. XVIII, № 12949 и Рукоп., л. 208 об.

5) Тамъ же.

Гавриилъ, хорошее и успѣшное пастырское служеніе при зачисленіи духовенства въ „средній или мѣщанскій родъ“ жителей Русскаго государства? Прежде, чѣмъ отвѣтить на поставленный вопросъ, Преосвященный оппонентъ начинаетъ свои доводы съ опредѣленія самаго мѣщанскаго состоянія, ссылаясь, по обыкновенію, на „богодухновенное“ произведеніе русской Императрицы. Намъ извѣстно, какъ опредѣляется въ Наказѣ мѣщанское состояніе. „Мѣщане суть тѣ, которые обитаютъ въ городахъ и укрѣпляются въ ремеслахъ, въ торговлѣ, въ художествахъ и наукахъ“¹⁾. Слѣдовательно, „все основаніе средняго рода людей будетъ состоять въ добронравіи и *трудолюбіи*“; въ противномъ же случаѣ, т. е. „при нарушеніи сихъ правилъ“, мѣщанинъ долженъ быть исключенъ изъ средняго рода, подобно тому, какъ исключаются изъ общества члены его „за вѣроломство и за неисполненіе своихъ обѣщаній“, особенно, „если причина тому лѣнь или обманъ“²⁾. Не трудно теперь видѣть, можетъ-ли духовенство вполне подходить къ „среднему или мѣщанскому роду людей“? Какъ служители алтаря и какъ наставники и духовные руководители своего народа, пастыри православной Церкви прежде и болѣе всего должны исполнять свои прямыя священнослужительскія обязанности; значить, „не могутъ съ успѣхомъ ни торговать, ни быть учителями въ школахъ, ни художниками, ни всякими другими ремесленниками“³⁾. Соединить въ одномъ лицѣ обязанности и пастырскія и „людей средняго рода“ нѣтъ никакой, даже простой физической возможности. Необходимо предоста- вить духовенству что-нибудь одно изъ двухъ, или пастырскій или мѣщанскій трудъ. Хорошій ремесленникъ будетъ, безъ сомнѣнія, плохимъ пастыремъ своихъ духовныхъ овецъ, а это можетъ повлечь за собою непрочность и неустойчивость хри- стианскихъ вѣры и закона въ обществѣ, слѣдовательно, грозить и самому благоденствію и благополучію отечества, чего никто, конечно, не пожелаетъ своей родинѣ. Хорошій же па- стырь будетъ также, несомнѣнно, очень плохимъ мѣщаниномъ въ смыслѣ „трудолюбиваго“ мастераго; слѣдовательно, долженъ

¹⁾ Наказъ, гл. XVI, п. 377.

²⁾ Наказъ, гл. XVI, п. 383.

³⁾ Рукопись, л. 209.

быть исключенъ, на основаніи 383 п. Наказа, изъ „мѣщанскаго или средняго рода людей“¹⁾. Возникаетъ такимъ образомъ не малое затрудненіе, избѣжать котораго, по мнѣнію Преосвященнаго Гавріила, можно только при одномъ условіи, это если члены Дирекціонной комиссіи согласятся выдѣлить духовенство въ особенную, совершенно самостоятельную и привилегированную группу русскаго общества²⁾. Этому же требуетъ кромѣ того и самый способъ полученія духовнаго званія. Сравнить духовныхъ лицъ съ мѣщанами, значитъ, по мнѣнію Преосвященнаго Гавріила, нужно сдѣлать духовное званіе наследственнымъ; это такъ естественно и понятно: дворянинъ наследуетъ дворянскія права своего отца, мѣщанинъ—мѣщанскія; слѣдовательно, и сынъ священника долженъ также, по своему происхожденію, наследовать священническое званіе своего родителя, сынъ діакона—дьяконское и т. д. Но кто знаетъ каноны вселенской Церкви, тотъ, конечно, не станетъ утверждать, что такой порядокъ замѣщенія должностей церковныхъ можетъ быть терпимъ среди русскаго духовенства: духовное званіе не наследственно; для того, чтобы сынъ священника получилъ духовный санъ и занялъ священническое мѣсто, недостаточно того, что онъ сынъ священника: для этого требуется личное достоинство, а не право, переходящее по наследству. Необходимо дозволить вступать въ духовное званіе людямъ всѣхъ сословій, и дѣти духовенства должны имѣть на это отнюдь ни болѣе правъ, какъ и лица всѣхъ другихъ сословій³⁾. Имѣть также у духовенства и наследственныхъ правъ надъ имѣніемъ. Земля, на которой живутъ священнослужители, принадлежитъ Церкви, а не имъ, и не можетъ быть ими продана. Да и самыя дома священнослужителей довольно часто содержатся церковью на добровольныя пожертвованія прихожанъ. При-

1) Въ царствованіи Императрицы Екатерины II бывали случаи исключенія напр., церковниковъ изъ мѣщанства по причинѣ невыполненія ими обязанностей, соединенныхъ съ этимъ званіемъ. Объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ именной указъ, данный правящему должностъ Новгородскаго и Тверскаго генераль-губернатора Архарову объ обращеніи въ военную службу церковниковъ, кои, записавшись въ мѣщанство, не выполняютъ обязанностей „съ симъ званіемъ сопряженныхъ“. П. С. З. т. XXII, № 16674.

2) Рукопись, л. 209.

3) Рукопись, л. 210, 213 об и 214.

этомъ слѣдуетъ возбудить вопросъ,—не соединено-ли съ нравственнымъ вредомъ для Церкви дозволеніе духовенству строить и содержать дома, п. ч. по этому поводу возникаетъ много затрудненій и неурядицъ съ самыми печальными послѣдствіями: подъ видомъ торга домами скрывается продажа священно-служительскихъ мѣстъ, отчего „рождается добродѣтели обиды, достоинству оскорбленіе“, а зажиточные невѣжи похищаютъ званіе, на которое они не имѣютъ никакого нравственного права ¹⁾. Самый „богодухновенный“ Наказъ Императрицы, по мнѣнію Преосвященнаго Гавріила, также даетъ основаніе къ тому, чтобы не причислять духовенство къ „среднему или мѣщанскому роду людей“. Въ Наказѣ отличительнымъ признакомъ „средняго“ рода людей или мѣщанъ“ указанъ тотъ, что они (мѣщане) „живутъ въ городахъ“ ²⁾. Духовенство же „обитаетъ“ не только въ городахъ, но въ огромномъ количествѣ и въ селахъ, а также при полкахъ и за границей при русскихъ миссіяхъ ³⁾. Нужно замѣтить, что эта аргументація уже не новая,—она проводилась и членами Св. Синода въ ихъ замѣчаніяхъ на „проектъ правъ средняго рода людей“. Преосвященный же только подробнѣе развилъ свои мысли, указывая еще одну категорію духовныхъ лицъ, также „обитающихъ“ въ городахъ, но которыхъ едва-ли возможно, по самому ихъ званію и положенію, причислить къ мѣщанамъ. Это —высшіе представители духовенства—архіереи. Ихъ нельзя, конечно, причислить къ ремесленникамъ и торговцамъ, но нельзя также и отдѣлить отъ блага духовенства, п. ч., по существу своего званія, высшіе іерархи не отдѣлимы вообще отъ священно-служителей; по Слову Божію, *священство едино*, а съ Словомъ Божіимъ „Ея Императорское Величество въ своемъ премудромъ Начертаніи и въ генералъ-прокурорскомъ наказѣ почитаетъ все положеніе согласовать неизмѣнно“ ⁴⁾. Поэтому коммиссія о „среднемъ родѣ людей“ неправильно поступила, раздѣливъ духовенство на двѣ группы—черное и бѣ-

1) Рукопись, л. 214.

2) Наказъ, гл. XVI, п. 377.

3) Рукопись, л. 209 и 213 об.

4) Рукопись, л. 210 об. Собственноручная пометка Гавріила на поляхъ рукописи.

лое. Допустимъ даже, что „гдѣ-либо въ законахъ и нужно было сдѣлать подобное сему дѣленіе“, но только—не на черное и бѣлое; основаніемъ для „подобнаго сему дѣленія“ нужно избрать не цвѣтъ платья,—признакъ совершенно случайный,—а совокупность другихъ, болѣе существенныхъ признаковъ. Необходимо „вывести наименованіе изъ самой должности, а не изъ платья, чего, кажется, и величественность законовъ требуетъ“¹⁾. Да и полезно-ли для существа дѣла самое дѣленіе духовенства на двѣ группы? Преосвященный Гавріилъ очень сомнѣвается въ этомъ. „Опытъ доказываетъ, говоритъ онъ, что въ нѣкоторыхъ государствахъ и раздѣленіе дворянства на два рода приводитъ послѣдній родъ въ презрѣніе перваго“²⁾. Но, можетъ быть, членовъ Дирекціонной комиссіи смущаетъ то обстоятельство, что въ Наказѣ Императрицы указаны только три сословныя группы (дворянство, средій и низшій родъ жителей), на которое должно быть подраздѣлено все русское населеніе? Можетъ быть, депутаты законодательнаго собранія скажутъ, что нужно же къ какой-либо одной изъ трехъ намѣченныхъ группъ причислить духовенство, и, повидимому, естественнѣе всего—къ средней—„мѣщанскому роду людей?“ Преосвященный Гавріилъ, очевидно, прекрасно понималъ, почему, между прочимъ, комиссія „о среднемъ родѣ людей“ постановила причислить духовенство къ мѣщанамъ, когда обратился къ собранію съ подобными вопросами. Дѣйствительно, депутаты не рѣшались отступить отъ намѣченнаго Императрицей Екатериной подраздѣленія русскаго населенія, не рѣшались отступить отъ буквы даннаго имъ въ руководство „премудраго“ Наказа. При такомъ положеніи дѣла Преосвященному Гавріилу оставалось одно,—доказать членамъ Дирекціонной комиссіи, что намѣченное Императрицей подраздѣленіе не есть безусловно обязательное, отъ котораго уже и отступить ни въ чемъ нельзя. И въ этомъ случаѣ Преосвященный остался вѣренъ себѣ, занимствуя свои доказательства все изъ того же, авторитетнаго для депутатовъ Наказа. Указавъ, что „прозорливое намѣреніе великой Монархини нашей открываетъ путь всякому входить

1) Рукопись, л. 210 об.

2) Рукопись, л. 211.

на самыя высокія достоинства и степени, какъ военныя, такъ и штатскія¹⁾, Гавріиль высказываетъ по этому поводу свое убѣжденіе, что дослужившіеся „великихъ чиновъ“ ни въ какомъ случаѣ не должны „считаться въ мѣщанствѣ“, если бы даже они и приняли другое, напр., духовное званіе: ихъ большія заслуги предъ отечествомъ позволяютъ имъ „оставлять за собою выгоды своихъ чиновъ“. Слѣдовательно, „и не всѣхъ объемлетъ сіе (т. е. намѣченное въ Наказѣ) раздѣленіе гражданъ“²⁾; слѣдовательно, и нечего особенно безпокоиться, если рѣшено будетъ выдѣлить духовенство въ особенную, конечно, привилегированную сословную группу. Это тѣмъ болѣе возможно, что въ „премудромъ“ Наказѣ Императрицы духовенство въ числѣ „людей средняго рода“ не помѣщено. Здѣсь опять приводится Преосвященнымъ Гавріиломъ уже извѣстное намъ опредѣленіе Императрицы Екатерины „средняго или мѣщанскаго состоянія“ съ изъясненіемъ частныхъ, по которымъ можно бы отнести извѣстное лицо къ этому сословию³⁾. Кромѣ общаго признака обитаемости въ городахъ, мѣщанское состояніе характеризуется еще и самымъ родомъ занятій лицъ, къ сему принадлежащихъ,—„упраженіями въ ремеслахъ, въ торговлѣ, въ художествахъ, наукахъ и мореплаваніи“; „сверхъ того, къ этому же званію принадлежатъ всѣ тѣ, кои выходятъ будутъ, не бывъ дворянами, изъ всѣхъ Ея Величествомъ и предками Ея учрежденныхъ училищъ и воспитательныхъ домовъ, какого-бы тѣ училища званія ни были, духовныя или свѣтскія; также приказныхъ людей дѣти“⁴⁾. Такимъ образомъ, въ числѣ лицъ, принадлежащихъ „къ среднему роду людей“, духовенство не было указано „богомудрой“ Императрицей. А это, по мнѣнію Преосвященнаго Гавріила, „дастъ возможность „благонадежно заключить, что премудрая и Богомъ вразумляемая Государыня духовенство особенному разсужденію предоставляетъ“⁵⁾. Правда, можно возразить на это, что хотя „въ премудромъ Наказѣ, гдѣ разсуждается о среднемъ родѣ, о духовенствѣ и не упо-

1) Наказъ, гл. XV, п. 368—368.

2) Рукопись, л. 210.

3) Рукопись, л. 212 об.

4) Рукопись, л. 212 об.—213 и Наказъ, гл. XVI, п. 380—382.

5) Рукопись, л. 213.

мануто, но „то можно выводить, какъ слѣдствіе“, изъ самаго опредѣленія Императрицей „средняго или мѣщанскаго рода людей“. Но прибѣгать къ какимъ-либо заключеніямъ, не опираясь на буквальный смыслъ извѣстныхъ словъ Наказа, противно, по мнѣнію Преосвященнаго, тому же Наказу, которымъ должны руководиться депутаты во всѣхъ своихъ постановленіяхъ. На это ясно указалъ самъ „премудрый и Богомъ Вразумляемый“ авторъ Наказа: „нѣтъ ничего опаснѣе, говорить Императрица, какъ общее сіе изреченіе: *надлежитъ въ разсужденіе брать смыслъ или разумъ закона, а не слова. Сіе* не что иное значитъ, какъ сломить преграду, противящуюся стремительному людскихъ мнѣній теченію“ ¹⁾.

Наконецъ, по мнѣнію Преосвященнаго Гавріила, комиссія „о среднемъ родѣ людей“ и не должна была вовсе касаться вопросовъ, относящихся до духовенства. Разсуждать и рѣшать судьбу духовныхъ лицъ могла только „духовно-гражданская“ комиссія, которой право на это представлено самой виновницей созванія законодательнаго собранія. Такъ, въ „Начертаніи“ комиссіи прямо сказано, что въ духовно-гражданскую комиссію „вносится все, что касается до духовенства вообще, въ разсужденіи сношеній и сопряженій между собою законовъ, касающихся до ихъ лицъ“ ²⁾.

Въ заключеніе своей рѣчи Преосвященный Гавріилъ, предложивъ Дирекціонной комиссіи выдѣлить духовенство въ особую, привилегированную сословную группу, счелъ нужнымъ разъяснить своимъ коллегамъ, что его предложеніе вызвано не честолюбіемъ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Не честолюбіе, не тщеславіе заставляютъ духовенство добиваться общественныхъ правъ и преимуществъ, а прямая житейская необходимость. Какъ ни желательно, чтобы каждый постоянно помышлялъ о томъ, что онъ сынъ Церкви и обязанъ чтить своихъ духовныхъ пастырей, но опытъ показываетъ, какъ далеки бываютъ люди отъ подобнаго настроенія, особенно когда въ нихъ дѣйствуетъ страсть, и духовному лицу, въ отвѣтъ на слово увѣщанія и назиданія, не разъ при-

¹⁾ Наказъ, гл. X, п. 153 и Рукопись, л. 213.

²⁾ Начертаніе о приведеніи къ окончанію комиссіи проекта новаго уложенія, ч. 1, составъ 1, п. 5. II. С. З. т. XVIII, № 13095 и Рукопись, л. 210 и 213.

дется услышать: да ты тоже что кузнецъ, что рыболовъ, и т. п. ¹⁾. „Униженіе, съ которой стороны не будь, всегда унижаетъ“, и подавленные духомъ священнослужители теряютъ нравственную силу и не могутъ приносить обществу той пользы, которой оно въ правѣ было бы ожидать отъ нихъ при другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ. „Надлежитъ духовенство ободрить, возбудить въ нихъ ревность соответствовать достойно званію своему“ ²⁾.

Дирекціонная комиссія вполне согласилась съ доводами Преосвященнаго Гавріила и постановила: выдѣлить духовенство въ особый, совершенно самостоятельный и привилегированный классъ русскаго общества. Не противилась предложенію Гавріила и Императрицы Екатерины II. По крайней мѣрѣ, ею не выражено было никакого неудовольствія по поводу дѣятельности синодскаго депутата въ Дирекціонной комиссіи. Напротивъ, Екатерина почтила его новымъ знакомъ своего довѣрія, назначивъ Преосвященнаго въ сентябрѣ 1769 г. въ члены Св. Синода.

VI.

Вліяніе Екатерининской комиссіи на дальнѣйшее законодательство Императрицы Екатерины II о духовенствѣ.

Въ русской исторической литературѣ уже достаточно опредѣленно установлено истинное значеніе Екатерининской законодательной комиссіи. Не смотря на свой неудачный исходъ, комиссія достигла одной цѣли, которая, между прочимъ, имѣлась въ виду при созваніи представителей всей русской земли: она дала возможность правительству познакомиться съ нуждами и недостатками страны. Сама Екатерина впоследствии говорила, что „Комиссія Уложенія, бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должны“. Стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ“ ³⁾. И нужно правду сказать, что труды комиссіи не пропали даромъ для русскаго законодательства: многія изъ послѣдующихъ распоряженій и указовъ Императрицы Екатерины II были прямымъ отголоскомъ и подтвержде-

¹⁾ Рукопись, № 209 об. 210.

²⁾ Рукопись, л. 215 об.

³⁾ Русск. Арх. 1865 г. № 4, стр. 444. Цѣль созванія комиссіи была двоякая: 1) составленіе Новаго Уложенія и 2) ознакомленіе съ нуждами и недостатками страны.

ніемъ тѣхъ или иныхъ положеній. выработанныхъ депутатами законодательскаго собранія. Достаточно вспомнить въ этомъ отношеніи грамоту Екатерины II „о вольностяхъ дворянства“, которая была почти буквальнымъ повтореніемъ „проекта правъ благородныхъ“. Не остались безъ вліянія матеріалы комиссіи и на дальнѣйшее законодательство Екатерины II о русскомъ духовенствѣ. Такъ, прежде всего великорусское духовенство оставлено было въ томъ же отдѣльномъ, привилегированномъ общественномъ классѣ, въ которомъ находилось и до созванія Екатерининской комиссіи. Въ этотъ же классъ включено было въ 1789 г. и малороссійское духовенство, пользовавшееся прежде правами шляхетскаго или дворянскаго сословія. Кроме того, издано было нѣсколько правительственныхъ указовъ, гарантировавшихъ духовныхъ особъ отъ возможныхъ оскорбленій со стороны различныхъ богатыхъ и вліятельныхъ прихожанъ—помѣщиковъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія сенатскій указъ отъ 15 апрѣля 1769 г., который нельзя не поставить въ прямую и непосредственную связь съ жалобами приходскаго (великорусскаго въ особенности) духовенства, заявленными законодательному собранію. Указомъ подтверждалось: „чтобъ духовнымъ персонамъ во всѣхъ мѣстахъ никому обидъ и притѣсненія отнюдь чинено не было, а поступано бы съ ними было, какъ указами повѣлено; а ежели тѣмъ духовнымъ персонамъ отъ кого свѣтскихъ будутъ чинены обиды, о томъ слѣдовать, и съ виновными чинить по указамъ безъ упущенія“¹⁾. Но такъ какъ разслѣдованія свѣтскихъ судей большею частію были не совсѣмъ безпристрастными, то правительство Екатерины II нашло необходимымъ въ цѣляхъ правосудія назначить въ свѣтскіе суды „депутатовъ со стороны духовной“, которые могли бы способствовать болѣе справедливому рѣшенію судебныхъ дѣлъ о духовныхъ лицахъ. Депутатовъ „учреждалось по два на 10 и болѣе, но не свыше 15 приходовъ“; выбирались они изъ священниковъ и діаконівъ „безспорочнаго поведенія“ и всегда должны были готовы къ исполненію своихъ депутатскихъ обязанностей, п. ч. съ участіемъ ихъ производилось и первоначальное „обслѣдованіе съ городничими и зем-

¹⁾ П. С. З. т. XVII, № 19286. Этотъ указъ есть подтвержденіе сенатскихъ же указовъ отъ 1744 г. 10 октяб. и 29 ноября (т. XII, № 9079).

скими исправниками“ при случаяхъ „драки, ссоры или насилія“, если „гдѣ въ томъ замѣшаны будутъ и духовнаго званія люди“ ¹⁾. Правительство Екатерины II предпринимало мѣры и къ улучшенію матеріальнаго положенія приходскаго духовенства. Продолжая надѣлять сельскія церкви землей въ количествѣ 30 десятинъ пахотной и 3 сѣнокосной, правительство Екатерины II впервые предприняло попытку опредѣлить нѣкоторыя церкви т. н. „ружбыя“ на жалованье. Сначала (руга замѣнева была жалованьемъ въ церквахъ только одной Московской епархіи, но особенному ходатайству архіепископа Платона (въ 1775 г. онъ не былъ еще митрополитомъ) ²⁾, а потомъ—въ 1786 г.—въ церквахъ и другихъ епархіяхъ ³⁾. И въ этомъ правительственномъ распоряженіи нельзя не видѣть вліянія законодательнаго собранія. Но въ общемъ недостаточность вниманія Екатерининской комиссіи къ сословнымъ нуждамъ и желаніямъ духовенства не могла не отразиться неблагоприятно на законодательствѣ Екатерины II о духовномъ сословіи ⁴⁾. Всѣ правительственные указы Ея царствованія, касающіеся духовнаго сословія, носятъ какой-то случайный, отрывочный характеръ, будучи вызваны къ жизни большей частью по чьимъ нибудь частнымъ и отдѣльнымъ представленіямъ и ходатайствамъ; правительствомъ Екатерины II не было издано общаго, касающагося всего русскаго духовенства, Уложенія, подобно, напр., „грамотѣ о вольностяхъ дворянства“; многія сословныя нужды его получили свое удовлетвореніе уже въ позднѣйшія царствованія; нѣкоторыя же, какъ, напр., вопросъ о матеріальномъ обеспеченіи приходскаго духовенства, и въ настоящее время ждутъ еще своего окончательнаго разрѣшенія.

Викторъ Крыловъ.

1) П. С. З. т. XVIII, № 16986.

2) П. С. З. т. XX, № 14402.

3) П. С. З. т. XXIII, № 16448.

4) Мы считаемъ излишнимъ распространяться о законодательствѣ Екатерины II по отношенію къ духовенству, потому что этотъ вопросъ служить, между прочимъ, предметомъ изслѣдованія въ сочиненіяхъ: „Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра В.“ П. В. Знаменскаго. „Положеніе духовенства въ царствованіе Екатерины II и Павла I.“ П. Знаменскаго и „Законодательство и нравы въ Россіи въ XVIII в.“—Гольцева.

Отецъ Серафимъ, іеромонахъ Саровской пустыни, пустынно-житвль и затворникъ, его жизнь и подвиги.

(Окончаніе *).

Г л а в а VI.

Искушенія, испытываемыя о. Серафимомъ въ пустынѣ, его болѣзнь и возвращеніе въ Обитель. Новые подвиги о. Серафима въ пустынѣ, его молчальничество и затворничество.

Трудно было блаженному старцу Серафиму жить въ пустынѣ, въ полномъ уединеніи. Духъ злобы и коварства, различными видами страховъ устрашалъ крѣпкаго воина Христова; нерѣдко подвижнику, когда онъ стоялъ на молитвѣ, казалось, что келлія его распадается на части и множество звѣрей шло на него, какъ бы желая разорвать его на части. Иногда являлся предъ старцемъ отверстный гробъ и встававшій изъ него мертвецъ съ яростью схватывалъ подвижника, поднималъ на воздухъ и съ такою силою ударялъ его о землю, что отъ этихъ ударовъ могли бы сокрушиться всѣ кости его, еслибы не помощь Божія помогала ему и укрѣпляла. Часто вой звѣрей раздавался оглушительно подъ окнами келліи и казалось, что множество народа ломилось въ дверь. Неоднократно бѣсы являлись старцу и въ обыкновенномъ своемъ видѣ. Однажды, явсь такимъ образомъ къ нему, они бросили въ его келлію большой обрубокъ дерева, столь тяжелый, что его потомъ едва могли вынести восемь человекъ.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 10

Укрѣпленный благодатію Божіею старецъ оставался побѣдителемъ и діаволь каждый разъ оставлялъ его со стыдомъ.

Одинъ мірянинъ спрашивалъ подвижника: „Батюшка! впадали ли вы злыхъ духовъ“?

Старецъ отвѣчалъ: „Они гнусны... какъ на свѣтъ ангела взглянуть грѣшнику невозможно, такъ и бѣсовъ видѣть ужасно, потому что они гнусны“.

Діаволь не оставилъ въ покоѣ старца и придумалъ еще новое средство нападенія, наславъ на него злыхъ людей.

Однажды, это было 12 сентября 1804 г., когда старецъ въ лѣсу рубилъ дрова, къ нему подошли три крестьянина и стали требовать отъ него денегъ, какъ отъ человѣка, къ которому ходятъ люди и носятъ деньги, „къ тебѣ ходятъ мірскіе люди и носятъ деньги“,—говорили они. „Я ни отъ кого ничего не беру“,—крѣпко отвѣтилъ старецъ. Злодѣи не повѣрили. Одинъ изъ нихъ бросился на старца сзади, и хотѣлъ свалить его на землю, но вмѣсто того упалъ самъ. Серафимъ былъ силенъ и вооруженный топоромъ могъ бы защищаться отъ злодѣевъ. Эта мысль мелькнула въ головѣ старца, но ей противустали слова Спасителя „все пріемшии мечъ, мечемъ погибнуть“. Вспомнивъ это подвижникъ, не захотѣлъ сопротивляться, бросилъ на землю топоръ и скрестивъ руки на груди, кротко сказалъ злодѣямъ: „дѣлайте, что вамъ надобно“. Онъ рѣшился претерпѣть все ради Господа. Тогда одинъ изъ злодѣевъ, поднявъ съ земли топоръ, ударилъ имъ по головѣ старца такъ сильно, что у него изъ рта и ушей хлынула кровь и онъ впасть въ безпамятство. Злодѣи долго били его и хотѣли даже бросить его въ рѣку, но видя, что онъ какъ бы мертвъ, бросили его въ сѣняхъ келліи, сами же бросились въ келлію искать богатства. Безумные разломали даже печь въ келліи, въ поискахъ денегъ, но не нашли ничего. Келлія была пуста, злодѣи увидѣли икону да нѣсколько картофелинъ. Воочію убѣдившись въ нестяжательности старца, они раскаивались, что безъ всякой пользы для себя избили неповиннаго ни въ чемъ благочестиваго подвижника и объятые ужасомъ, отъ всего ими сдѣланнаго, злодѣи бѣжали.

По уходѣ ихъ, Серафимъ пришелъ въ чувство и, укрѣпивъ себя молитвою, возблагодарилъ Бога, что спободился попе-

сти страданіе безвинно. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ помолился, чтобы Господь простилъ обидчиковъ его и, проведши ночь въ страданіяхъ, на утро отправился въ обитель. Ужаснулась братія, увидя жестоко избитаго старца. Видъ его былъ ужасенъ. Волосы на головѣ его были облиты кровью, спутаны и въ пыли, лицо и руки избиты, уши и уста запеклись кровью, нѣсколько зубовъ вышиблено, одежда была измята, окровавлена и засохшая пристала къ ранамъ. Всѣ съ участіемъ и скорбью спрашивали страдальца что съ нимъ случилось. Не давъ никому отвѣта, страдалецъ просилъ позвать настоятеля и ему подробно рассказалъ о случившемся. Узнавъ о происшедшемъ, настоятель и братія огорчились и оставили Серафима въ обители. Страдалецъ былъ окруженъ заботливостью и уходомъ, но первые восемь дней онъ провелъ въ ужасныхъ страданіяхъ: не могъ ни ѣсть, ни пить, ни спать. На седьмой день болѣзни настоятель послалъ за врачами въ гор. Арзамасъ. Врачи, прибывъ къ постели страдальца, осмотрѣли его и нашли, что голова у него была проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана, а все тѣло было покрыто смертельными ранами. Они удивлялись, какъ только могъ остаться живъ старецъ послѣ столькихъ тяжкихъ побоевъ. По старинной методѣ леченія, врачи хотѣли открыть кровь. Настоятель сначала было не согласился на это, зная что больной и такъ потерялъ много крови, но по настоятельному убѣжденію врачей уступилъ и сказалъ объ этомъ больному. Но передъ этимъ больной впалъ въ забытіе и въ такомъ состояніи удостоился чуднаго видѣнія. Ему казалось, что къ постели его подходит Пресвятая Богородица, сіяющая славою въ царской порфирѣ, за нею слѣдовали апостолы Петръ и Іоаннъ Богословъ. Остановясь у одра, Пречистая, перстомъ правой руки своей, указавъ на больного, обратилась въ ту сторону, гдѣ стояли врачи, произнесла: „что вы трудитесь“? Затѣмъ посмотрѣвъ на болящаго сказала: „сей отъ рода нашего“. Видѣніе на этомъ кончилось и больной пришелъ въ сознаніе. Тутъ ему предложили медицинскую помощь, но старецъ, утѣшенный свыше, отказался отъ нея и просилъ настоятеля предоставить жизнь его Богу и Пресв. Богородицѣ. Уважая терпѣніе страдальца и удивляясь крѣпости его вѣры, оставили

его въ покоѣ. Въ тотъ же день въ девятомъ часу вечера старецъ почувствовалъ облегченіе, всталъ съ постели и подкрѣпился пищею, вкусивъ немного хлѣба и бѣлой квашеной капусты. Послѣ этого онъ быстро сталъ поправляться и, укрѣпляемый силою Божіею, скоро выздоровѣлъ совершенно. Но слѣды происшествія остались на немъ навсегда. Еще раньше онъ, во время рубки дерева въ лѣсу былъ придавленъ деревомъ и потерялъ свою естественную прямоу и стройность, а теперь послѣ столькихъ тяжкихъ побоевъ сдѣлался еще болѣе согбенъ, съ этого времени онъ всегда ходилъ согбенный, опираясь на палку или мотыку.

Со дня болѣзни, старецъ провелъ въ обители около пяти мѣсяцевъ. Когда онъ выздоровѣлъ совершенно и окрѣпъ для продолженія пустынноческой жизни, то просилъ позволенія у о. Исаіи возвратиться въ пустыню. Долго не соглашался настоятель исполнить его просьбу, представляя возможность повторенія того, что съ нимъ уже случилось. Но подвижникъ отвѣтилъ, что онъ готовъ претерпѣть все возможное для Господа, подражая въ этомъ св. мученикамъ; онъ боялся только душевныхъ разбойниковъ, памятуя слова Господни: „не убойтесь отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить, убойтесь же паче могущаго и душу и тѣло погубить въ гееннѣ“. О. Исаія уступилъ наконецъ неустрашимости духа и любви къ пустынѣ старца и благословилъ ему возвратиться въ пустыню.

Скоро были найдены избившіе старца крестьяне. Это были крѣпостные люди помѣщика Татищева изъ Кременокъ. О. Серафимъ простилъ ихъ и просилъ настоятеля обители и помѣщика не наказывать ихъ, хотя они настаивали на наказаніи. „Въ противномъ случаѣ, говорилъ онъ, я оставляю Саровскую обитель и удаляюсь ни для кого невѣдомо въ другія св. мѣста“. Также и настоятелю говорилъ любвеобильный подвижникъ, что лучше бы онъ желалъ быть удаленнымъ изъ обители, но не подверглись бы наказанію обидчики. Такъ былъ незлобивъ старецъ и столь великодушно прощалъ врагамъ обиды. Но избѣгши человѣческаго суда, предстательствомъ старца, злодѣи были наказаны судомъ Божіимъ; огонь въ

скоромъ времени истребилъ до основанія жилища ихъ и пожитки. Вразумленные этпмъ, они пришли къ Серафиму и со слезами просили у него прощенія и молитвъ горько раскаиваясь въ своемъ злодѣянїи.

Возвратившись въ свою пустынную келлію, Серафимъ предался обычнымъ подвигамъ и молитвамъ.

Въ 1807 г. скончался игумень Исаія, второй настоятель обители со времени поступленія въ нее о. Серафима. О. Исаія очень любилъ и уважалъ о. Серафима, и часто посѣщалъ его въ его уединенїи. Даже будучи въ послѣднее время своей жизни нездоровымъ, онъ просилъ братію возить его въ телѣжкѣ къ о. Серафиму, чтобы насладиться его дивною бесѣдою.

Тяжело было о. Серафиму разстаться съ о. Исаіей, къ нему онъ привязанъ былъ всею душою. Два любимые имъ старца Пахомій и Іосифъ, руководители его первыхъ шаговъ въ иноческой жизни, давно уже лежали въ могилахъ. Теперь къ нимъ присоединился и третій, горячо любимый Серафимомъ старецъ Исаія.

Серафимъ горячо любилъ этихъ трехъ старцевъ и по кончинѣ ихъ никогда не проходилъ мимо ихъ могилъ, не помолвившись предъ ними и не только самъ молился, но и другимъ заповѣдывалъ молиться на могилахъ этихъ старцевъ. Начальницѣ Ардатовской общины онъ говорилъ: „когда идешь ко мнѣ, зайди на могилки, положи три поклона прося у Бога, чтобы Онъ упокоилъ души рабовъ своихъ Исаіи, Пахомія и Іосифа и потомъ припади къ гробу говоря про себя: простите отцы святые и помолитесь обо мнѣ“.

По кончинѣ о. Исаіи, Серафимъ наложилъ на себя обѣтъ молчальничества. Онъ стремился все болѣе и болѣе къ совершенству и получилъ отъ Бога даръ прозорливости—предвѣдѣнія будущаго, но чтобы не возгордиться, смиренный подвижникъ наложилъ на себя печать молчанія. „Паче всего должно украшать себя молчаніемъ, говорилъ онъ, ибо, говоритъ св. Амвросій Медиоланскій, молчаніемъ многихъ видѣлъ я спасающихся, многоглаголаніемъ же ни единого. И паки нѣкто изъ отцевъ говоритъ: молчаніе есть таинство будущаго вѣка, словеса же—орудія суеты міра сего“. Посѣтителей онъ совсѣмъ

не принималъ, если же ему приходилось встрѣчаться въ лѣсу съ кѣмъ либо, онъ падалъ на землю ницъ и до тѣхъ поръ не вставалъ, пока встрѣтившійся съ нимъ не проходилъ мимо. Три года онъ хранилъ молчаніе къ великому сожалѣнію братіи, лишившейся чрезъ то совѣтовъ и руководства. Въ монастырь онъ совсѣмъ пересталъ ходить. Разъ въ недѣлю послушникъ приносилъ ему изъ обители пищу, особенно въ зимнее время, когда у старца не было овощей. Носившій пищу, подойдя къ келліи, каждый разъ, стучалъ въ дверь, говоря при этомъ молитву Іисусову. Старецъ, сказавъ про себя аминь, отворялъ дверь изъ келліи въ сѣни, а самъ, сложивъ руки крестообразно на груди, становился у дверей поцупивъ взоръ и не только не говорилъ ни слова и не благословлялъ пришедшаго, во даже не смотрѣлъ на него. А пришедшій, помолившись и поклонившись старцу въ ноги, клалъ принесенную пищу на лоточекъ, стоявшій на столѣ—въ сѣняхъ. Съ своей стороны, о. Серафимъ клалъ на лоточекъ кусочекъ хлѣба, или капусты, показывая тѣмъ, чего нужно принести въ слѣдующіе воскресенье хлѣба или капусты. Послушникъ внимательно замѣчалъ все это и приносилъ въ слѣдующій разъ то, чего хотѣлъ старецъ и на что указывалъ знаками. Положивъ принесенное на лотокъ, послушникъ долго не медлилъ въ келліи старца, но сотворивъ молитву и поклонившись въ ноги старцу и, испросивъ его молитвъ о себѣ, возвращался обратно въ обитель, не услыхавъ отъ великаго молчальника ни единого слова.

Такова была внѣшняя сторона молчальничества. Сущность же и значеніе подвига состояли въ безмолвіи ума, въ отрѣшеніи отъ всякихъ житейскихъ помысловъ и попеченій для чистѣйшаго и совершеннѣйшаго служенія Господу. „Молчаніе приближаетъ человѣка къ Богу, говорилъ Серафимъ, и дѣлаетъ его какъ бы земнымъ ангеломъ. Ты только сиди въ келліи своей во вниманіи, и молчаніи и всѣми мѣрами старайся приблизить себя къ Господу, А Господь готовъ сдѣлать тебя изъ человѣка ангеломъ. „На кого бо, говоритъ Онъ, воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ Моихъ (Ис. 66, 2)“.

Святый Григорій Богословъ рекъ: „прекрасно богословство-

вать для Бога, но лучше всего если человекъ себя очищаетъ для Бога“.

Послѣ трехлѣтняго почти пребыванія въ молчаніи въ пустынѣ, подвижникъ перешелъ въ обитель. Поводомъ къ этому переселенію послужило слѣдующее обстоятельство: братіи не было извѣстно когда и какъ приобщался Св. Таинъ о. Серафимъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ пересталъ посѣщать обитель. Строитель Нифонтъ, преемникъ Исаи, созвалъ соборъ изъ братіи по этому поводу и на соборѣ было рѣшено предложить о. Серафиму или ходить въ обитель каждый воскресный и праздничный день для приобщенія Св. Таинъ, или совсѣмъ переселиться въ обитель. Носившему пищу послушнику, велѣно было передать старцу рѣшеніе собора монастырской братіи и спросить его соизволенія. Въ первый разъ о. Серафимъ ничего не отвѣтилъ послушнику, когда тотъ передалъ ему опредѣленіе братіи, а въ другой разъ молча послѣдовалъ за послушникомъ въ обитель.

Но переселившись въ обитель, старецъ не снялъ съ себя печали молчанія, а еще прибавилъ къ этому подвигъ затворничества. Монастырская жизнь его была продолженіемъ жизни въ пустынѣ. Обстановка келліи его была самая убогая. Икона съ теплящейся постоянно предъ нею лампадою, и обрубокъ пня, замѣнявшій стулъ, составляли убранство келліи. Онъ отказывалъ себѣ во многомъ. Въ келліи своей онъ не употреблялъ даже огня. Для умерщвленія плоти, подвижникъ носилъ, на груди подъ рубашкою на веревкахъ желѣзный пятивершковый крестъ. Собственно веригъ старецъ не носилъ. „Кто насъ оскорбитъ словомъ или дѣломъ, говорилъ онъ, и если мы переносимъ обиду по евангельски, вотъ и вериги наши, вотъ и власяница“.

Въ пищу старецъ употреблялъ толокно и рубленную бѣлую канусту, пилъ одну воду. Воду и пищу приносилъ ему инокъ Павелъ, жившій въ келліи рядомъ съ нимъ. Подошедши къ дверямъ келліи затворника, онъ творилъ молитву и ставилъ пищу у дверей. Старецъ накрывъ лицо полотномъ чтобы никто не видалъ его, колѣнопреклоненно бралъ пищу, какъ бы принимая ее изъ рукъ Божіихъ и относилъ себѣ въ келлію; под-

крѣпивъ себя пищею, посуду онъ ставилъ у дверей также накрывшись полотномъ, по примѣру древнихъ подвижниковъ, которые закрывали лицо свое кукулемъ „во еже не видѣти суеты“.

Молитвенные подвиги затворника были велики. Попрежнему, какъ и въ пустынѣ, онъ совершалъ всѣ ежедневныя службы, кромѣ божественной Литургіи, и непрестанно творилъ умную молитву Іисусову и Богородичну. Молитвословія его были вдохновенны. Часто стоя на молитвѣ, Серафимъ погружался въ созерцаніе Бога и, стоя предъ иконою, но не читая никакой молитвы и не кладя поклоновъ, онъ уходилъ въ себя и въ сердцѣ созерцалъ Господа.

Кромѣ молитвы, старецъ занимался чтеніемъ. Въ теченіе недѣли онъ прочитывалъ весь Новый Заветъ по порядку: въ понедѣльникъ, онъ читалъ Евангеліе отъ Маттея, во вторникъ—отъ Марка, въ среду—отъ Луки, въ четвергъ—отъ Іоанна, въ пятницу, субботу и воскресенье Дѣянія и посланія Апостоловъ. Онъ читалъ и толковалъ Новый заветъ вслухъ. Въ сѣняхъ келліи, сквозь двери слышно было, какъ онъ читая толковалъ, при чемъ Дѣянія онъ толковалъ долго. Многіе приходили къ дверямъ келліи его послушать его назидательнаго чтенія и толкованія. А иногда подвижникъ, безмолвно сидѣлъ надъ книгою, не читая ее и не переворачивая листовъ, весь погруженный въ созерцаніе высокой чистой мысли Св. Духа. Каждый воскресный и праздничный день, старецъ приобщался Св. Таинъ; которыя приносили ему въ келлію по благословенію игумена изъ больничной церкви Свв. Зосимы и Савватія послѣ ранней литургіи.

Чтобы помятовать постоянно о смерти и будущей жизни, Серафимъ упросилъ, сдѣлать для него дубовый гробъ, имѣя предъ собою примѣръ древнихъ подвижниковъ, которые при жизни заготовляли себѣ гробы для постоянного напоминанія о смертномъ часѣ. По желанію старца, гробъ и крышку къ нему выдолбали изъ цѣлаго дуба и поставили въ сѣняхъ его келліи. Серафимъ часто молился внѣ гроба и въ бесѣдахъ съ братією, часто говорилъ насчетъ гроба: „когда я умру, умоляю васъ, братія, положите меня въ моемъ гробѣ“.

Послѣ пятилѣтняго строгаго затвора, старецъ нѣсколько осла-

билъ его. Онъ отперъ двери келліи и дозволилъ посѣтителямъ входить къ себѣ, но не давалъ отвѣтовъ на предлагаемые вопросы и не стѣснялся присутствіемъ постороннихъ въ своей келліи, совершалъ обычныя свои молитвословія.

Разъ ночью будильщикъ, проходя мимо келліи затворника, увидѣлъ, что о. Серафимъ переносилъ большой древесный обрубокъ съ мѣста на мѣсто. Увидя старца, будильщикъ бросился къ нему и просилъ благословенія у него. Старецъ благословилъ послушника и отверзши впервые послѣ долгаго молчанія уста свои, онъ запретилъ ему говорить кому либо объ этой встрѣчѣ. „Оградись молчаніемъ и внимай себѣ“,—сказалъ старецъ.

Однажды на праздникъ Успенія Пресв. Богородицы, съ большою торжественностью празднуемый въ Саровѣ, прибылъ въ обитель экзархъ Грузіи Архіепископъ Іона; желая принять благословеніе отъ старца, архіепископъ стучалъ долго въ дверь его келліи, но Серафимъ не отворилъ ему, руководясь въ данномъ случаѣ примѣромъ преп. Арсенія Великаго. Когда этотъ преподобный пребывалъ въ затворѣ, къ нему пришелъ Теофілъ архіепископъ Александрійскій и послалъ спросить, приметъ ли онъ его? но Арсеній отвѣтилъ: „если для тебя отворю, то и для всѣхъ отворю“. Теофілъ сказалъ тогда: „Лучше мнѣ не ходить къ нему“.

Спустя недѣлю послѣ неудачной попытки экзарха принять благословеніе отъ о. Серафима, въ Саровъ прибылъ Тамбовскій губернаторъ Безобразовъ съ женою. О. Серафимъ принялъ ихъ и благословилъ. Въ то время исполнился срокъ его подвига, назначенный имъ самимъ. Это было въ 1815 г.

Одинъ изъ иноковъ Саровскихъ Филаретъ, выйдя разъ на разсвѣтѣ изъ келліи свей, увидѣлъ человека, несущаго камень. Это былъ о. Серафимъ. Не узнавъ его, Филаретъ сотворивъ молитву, вскричалъ: „кто тутъ?“ „Убогій Серафимъ, Серафимъ убогій, умоли радость моя!“—отвѣтилъ тихо старецъ.

Снявши съ себя печать молчанія, старецъ сталъ сначала принимать братію, а потомъ и всѣхъ постороннихъ. Теперь жизнь старца приняла новое направленіе. До сихъ поръ онъ

трудился о спасеніи души своей, духовно работалъ надъ собою; но теперь ему надлежало выйти на поприще общественнаго служенія, посвятить себя подвигамъ руководства и душеспасительнаго назиданія ближнихъ.

Награжденный свыше даромъ прозорливости, старецъ открывалъ невѣдомое по благодати Божіей. Онъ просто, сердечно относился къ нуждамъ народа и помогалъ ему въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни.

Разъ прибѣжалъ одинъ крестьянинъ въ обитель съ весьма растеряннымъ видомъ и къ каждому монаху обращался съ вопросомъ: „Батюшка, ты что ли о. Серафимъ“. Когда его привели къ старцу, онъ упалъ ему въ ноги и рассказалъ: „Батюшка, у меня лошадь украли; не знаю какъ теперь буду семью кормить. Я безъ нея какъ нищій. А ты, говорятъ, угадываешь“. Старецъ положивъ свою руку на голову его, сказалъ: „огради себя молчаніемъ, иди въ село (старецъ называлъ его), какъ станешь подходить къ нему, сверни съ дороги вправо и пройди задми четыре дома, тамъ ты увидишь калиточку, войди въ нее, отвяжи свою лошадь отъ колоды и выведи молча“. Обрадованный крестьянинъ побѣжалъ, какъ сказалъ ему прозорливецъ, и нашелъ свою лошадь.

Глава VII.

Переходъ старца Серафима отъ затворничества къ дѣятельному служенію ближнимъ.

Толпы посѣтителей разныхъ сословій и состояній, изъ всѣхъ концовъ матушки святой Руси толпились около келліи старца. Иногда ему приходилось принимать до 2000 челов. въ день, но никто не уходилъ отъ него не принятымъ. Ни для кого онъ не дѣлалъ различія. И богатые и бѣдные, и знатные и незнатные всѣ были равны для великаго старца; всѣхъ онъ принималъ съ любовію, кротостію и смиреніемъ; къ каждому обращался съ сердечнымъ словомъ: „радость моя“. Въ комъ видѣлъ искреннее раскаяніе во грѣхахъ, кто желалъ исправить свою жизнь, тѣхъ онъ принималъ съ особенною любовію. Послѣ назидательной бесѣды съ такими, онъ за-

ставлялъ ихъ преклонять голову и, положивъ на нее конецъ епитрахили и правую руку свою, предлагалъ повторять за нимъ покаянную молитву, а потомъ произносилъ разрѣшительную молитву. Великую радость и облегченіе чувствовалъ всякій исповѣдавшій свои грѣхи старцу. Послѣ исповѣди, старецъ помазывалъ чело пришедшаго елеемъ отъ иконы, давалъ вкушать св. воды и антидора или хлѣба благославляемаго на всенощномъ богослуженіи, если это было утромъ до принятія пищи. Затѣмъ подвижникъ цѣловалъ пришедшаго въ уста и говорилъ во всякое время года: „Христось Воскресе“! наконецъ давалъ приложиться къ образу Богоматери, или ко кресту—материнскому благословенію, висѣвшему у него на шеѣ. Нѣкоторымъ онъ совѣтовалъ идти во храмъ обители и помолиться предъ иконою Богоматери Живоноснаго Источника. Многихъ онъ снабжалъ сухариками, которыми самъ питался и сухарики эти благоговѣнно сохраняемы были богомольцами, какъ святыня. Иноки и міряне, вельможи и простолудины, не уходили отъ старца неудовлетворенными. Двери келліи его были открыты отъ ранней литургіи до 8 ч. вечера. Одѣтъ онъ былъ во время пріемовъ въ балахонъ и полумантію, а въ тѣ дни, когда причащался, именно въ дни воскресныя и праздничныя, онъ носилъ еще епитрахиль и поручи.

Для пріобщенія Св. Таинъ о. Серафимъ ходилъ къ ранней литургіи въ больничную церковь. Умилительно было смотрѣть, какъ онъ, сподобившись Св. причащенія, шелъ въ сопровожденіи толпы народа въ свою келлію. Шествіе его было медленно, отъ толпы народа, желавшаго хотя бевмолвно! смотрѣть на него, а онъ шелъ потупивъ взоръ, не замѣчая никого, никого не благословая и, благоговѣя предъ старцемъ, никто не дерзалъ прикоснуться къ нему или тѣснить его, боясь нарушить его самоуглубленіе. Но лишь только старецъ вступалъ въ келлію, тотчасъ же принималъ посѣтителей, которые чинно поочередно входили въ его келлію. Въ числѣ посѣтителей его были чиповники и военные. Ихъ онъ научалъ вѣрно служить Государю и Отечеству, разъяснялъ, какъ важенъ санъ ихъ и умолялъ охранять Православную вѣру и Церковь отъ козней суетнаго вѣка. Старца Серафима посѣтилъ

и Августѣйшій братъ Государя Николая I, великій князь Михаилъ Павловичъ и принялъ отъ него благословеніе.

15 лѣтъ пробылъ великій подвижникъ Серафимъ въ затворѣ, изъ нихъ 5 лѣтъ провелъ въ строгомъ затворѣ и молчальничествѣ, остальные же 10 лѣтъ принималъ посѣтителей, но все таки не оставялъ затвора, пока Пресв. Богородица, явившись ему въ сонномъ видѣніи въ сопровожденіи святыхъ, 25 ноября 1825 г., повелѣла ему оставить затворъ и выходить въ его любимую пустыньку. Воставъ въ тотъ день отъ сна и сотворивъ обычное правило, старецъ испросилъ благословенія у игумена Нифонта выходить днемъ, по болѣзни ногъ, а особенно головы, въ пустынную келлію іеросхимонаха Дорофея, скончавшагося въ сентябрѣ того года. Здоровье о. Серафима измѣнилось. Подвиги и извуренія, стояніе на камняхъ, почти непрерывное бодрствованіе и затворъ тяжело отразились на организмѣ старца. У него болѣли ноги и голова. Необходимъ былъ свѣжій воздухъ и движеніе. И старецъ началъ выходить въ лѣсъ. Но въ прежнюю пустынную свою келлію, на свой любимый холмъ Аеонскій, старецъ, по слабости здоровья и за дальностію разстоянія ихъ отъ обители, не могъ уже ходить и потому онъ сталъ выходить въ келлію почившаго пустытника Дорофея, которая отстояла отъ монастыря въ двухъ съ небольшимъ верстахъ.

Серафимъ въ лѣсу

Въ двухъ верстахъ отъ Саровской обители находится родникъ, неизвѣстно кѣмъ вырытый и называвшійся Богословскимъ, по стоявшей возлѣ него на столбикѣ иконѣ св. Іоанна Богослова; на горѣ, на разстояніи четверти версты отъ родника, стояла келлія Дорофея. О. Серафимъ, живя еще въ прежней пустынькѣ своей, любилъ часто посѣщать Богословскій родникъ, а теперь онъ сталъ ходить туда ежедневно. Прежняя пустынная келлія его стала теперь называться дальнею пустынькою, а мѣсто новаго уединенія старца—ближнею пустынькою. Здѣсь появился новый источникъ. По преданію, онъ забилъ ключомъ на поверхность земли отъ удара жезломъ Богоматери, явившейся старцу однажды, на томъ мѣстѣ. Вода этого чудесно появившагося источника, названнаго „Серафимовымъ“, цѣлебна и, будучи сохранима многіе годы въ сосудахъ, не портится. Мно-

жество больныхъ, одержимыхъ различными недугами, омывались въ водахъ этого благодатнаго источника и получали исцѣленіе не только при жизни старца, но и по блаженной кончинѣ его.

Лѣтомъ 1825 г. Богословскій родникъ былъ возобновленъ по желанію старца; накатъ, закрывавшій бассейнъ, былъ снятъ и сдѣланъ новый срубъ съ трубою для истока воды. Около бассейна старецъ занимался тѣлесными трудами; собиралъ камешки въ рѣкѣ Саровкѣ и унизывалъ ими бассейнъ родника. Тутъ же онъ завелъ небольшой огородикъ. При родникѣ этомъ онъ и рѣшилъ поселиться, такъ какъ ему тяжело было подниматься на гору въ келлію Дорофея. Близъ родника для старца былъ построенъ срубъ длиною и вышиною въ сажень, а шириною въ два аршина, имѣвшій крышу скатомъ въ одну сторону. Ни дверей, ни оконъ не было въ срубѣ; входъ былъ подъ стѣнкой, куда надо было подлѣзать. Подлѣзши подъ стѣнку, о. Серафимъ укрывался въ этомъ убѣжищѣ отъ полдневнаго зноя послѣ трудовъ. Спустя два года, въ 1827 г. здѣсь устроили старцу новую келлію безъ оконъ. Внутри ея стояла печь; со входу въ нее были пристроены небольшія сѣни. Въ келліи этой о. Серафимъ проводилъ цѣлые дни, уходя туда часа въ 4 утра, а то и въ два по полуночи, и къ вечеру только возвращался въ обитель.

Дни въ пустынѣ старецъ проводилъ за работою, принималъ посѣтителей, трудился въ лѣсу и огородѣ и не давалъ себѣ отдыха. Шелъ ли онъ въ монастырь, или обратно, за плечами у него всегда висѣла сумка; наполненная пескомъ и камнями, а сверху всего этого лежало въ сумкѣ евангеліе! На вопросъ, зачѣмъ онъ изнуряетъ такъ себя, старецъ отвѣтилъ: „Я по Ефрему Сирину томлю томящаго мя“. Принимая посѣтителей, подвижникъ никогда не жаловался на усталость, никто не слыхалъ отъ него укоривны, не отходилъ неудовлетвореннымъ. Окрестные жители звали его не иначе, какъ „источникомъ радости“. Медоточивые уста его отверсты были всякому на пользу, и, лобывая каждаго пришедшаго, цѣлуя у многихъ руки и говоря каждому любвеобильное слово „радость моя“, онъ растворялъ свою бесѣду любовью и силою благодати, почивавшей

на немъ, производилъ на душу каждаго неотразимое, пріятное впечатлѣніе.

Усладительна была его бесѣда. Умъ его былъ свѣжъ, память твердая, даръ слова обильный и живой. Каменные сердца смягчались подъ вліяніемъ его спасительнаго слова, съ сердца спадала завѣса и душа легко воспринимала его благіе совѣты. Съ ангельскою заботливостію онъ обращался съ тѣми, въ коихъ видѣлъ расположенность къ добру, утверждая ихъ совѣтами и наставленіями и руководя ихъ какъ добрый кормчій къ пристани безмятежной,—любеобильный старецъ никого не укорялъ, не возлагалъ ни на кого жестокаго бремени и если кого необходимо было обличить, то слово обличенія у него растворялось любовью; онъ старался возбудить совѣсть часто такъ, что обличаемый сначала не догадывался, что дѣло идетъ о немъ. Подъ вліяніемъ благодатнаго слова старца, каменно-сердечные люди лили слезы. Смиренная, великая духовною силою и пламенная вѣрою и любовью рѣчь великаго старца какъ бы снимала повязку съ глазъ и открывала широкіе горизонты; звала человѣка отъ служенія суетному міру къ служенію Богу, источнику добра и счастья. Бесѣды старца раскрывали обманы и превратности жизни и указывали путь къ истинѣ. Наставленія великаго старца имѣли еще ту особенность, что самъ онъ переиспытывалъ то, чему училъ. „Учить другихъ—это какъ съ высокой колокольни бросать камешки,—говорилъ онъ,—а самому исполнять, это какъ съ мѣшкомъ камней на спинѣ подниматься на высокую колокольню“.

„Не должно безъ нужды другому открывать сердца своего,—говорилъ еще мудрый подвижникъ. Изъ тысячи найти можно только одного, который сохранилъ бы твою тайну. Когда мы сами не сохранимъ ее въ себѣ, какъ можемъ надѣяться, что она будетъ сохранена другими. Когда случится быть среди людей въ мірѣ, о духовныхъ вещахъ говорить не должно, особенно, когда у людей не замѣчается и желанія къ слушанію. Всѣми мѣрами должно стараться скрывать въ себѣ сокровище дарованій: въ противномъ случаѣ потеряешь ихъ и не найдешь, ибо по изреченію Св. Исаака Сирина „лучше есть помощь, яже отъ храненія, паче помощи, яже отъ дѣль“.

Когда же надобность потребуетъ, или дѣло дойдетъ, то откровенно въ славу Божию дѣйствовать должно“.

Сѣя всюду сѣмена вѣры и благочестія, страха Божія и добродѣтелей, какъ добрый сѣятель, о. Серафимъ и другимъ совѣтовалъ также дѣлать. Дивны его слова, сказанныя іеромонаху Надлинской пустыни Тимону: „Сѣй отецъ Тиманъ, сѣй всюду, данную тебѣ пшеницу. Сѣй на благой землѣ, сѣй на пескѣ, сѣй на камни, сѣй при пути, сѣй и въ терніи; все, гдѣ ни-будь да прозябнетъ, и возрастетъ и плодъ принесетъ хотя и не скоро“.

Великій подвижникъ былъ строгій ревнитель Православія и питалъ особенное благоговѣніе къ памяти святыхъ защитниковъ вѣры: Климента папы Римскаго, Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Епифанія Кирдскаго, Аеоносія Александрійскаго, Амвросія Медіаланскаго, Кирилла Іерусалимскаго; съ любовью вспоминалъ ихъ подвиги и труды. Любилъ онъ также говорить о блаж. Маркѣ Ефесскомъ, защитникѣ православія на Флорентійскомъ соборѣ.

Святой образъ старца дѣйствовалъ сильно на гордыхъ; приходившихъ къ нему изъ любопытства. Ихъ гордость пропадала; подѣ влияніемъ рѣчей старца они плакали слезами умиленія и раскаянія. Тому примѣръ.

Однажды пріѣхалъ въ Саровъ нѣкій генераль лейтенантъ Л.; пріѣхалъ онъ изъ любопытства и, осмотрѣвъ бѣгло обитель, хотѣлъ было уже оставить ее. Противъ ожиданія онъ разговорился съ однимъ помѣщикомъ, который убѣдилъ его зайти къ о. Серафиму. Долго не соглашался идти къ старцу надменный генераль; наконецъ, въ сопровожденіи этого помѣщика, отправился къ нему. Старецъ радостно встрѣтилъ пришедшихъ и поклонился генералу. Смиреніе старца поразило гордость генерала. Оставшись наединѣ, старецъ и генераль долго бесѣдовали и во время этой бесѣды ордена генерала свалились сами собою съ его груди на полъ. „Это потому, что ты получилъ ихъ незаслуженно“, замѣтилъ Серафимъ. Черезъ полчаса генераль вышелъ изъ келліи плача. Фуражка и ордена были забыты имъ въ келліи. Старецъ вынесъ ему все это и надѣлъ ордена, подавъ фуражку. Генераль

впослѣдствіи говорилъ, что онъ прошелъ всю Европу, видѣлъ много замѣчательныхъ людей, но не встрѣчалъ такого великаго прозорливца подвижника, какъ Серафимъ, который разсказалъ ему всю его прошедшую жизнь до мельчайшихъ подробностей и научилъ его смиренію.

Такова была благодатная сила слова прозорливости и опытности духовной великаго старца. Господь наградилъ его даромъ исцѣленія. Мнѳжество больныхъ было приносимо къ его келліи и онъ исцѣлялъ ихъ благодатію Христовою.

Г л а в а VIII.

Подвиги милосердія и благотворительность о. Серафима.

Съ подвигами молитвы и любви, о. Серафимъ соединялъ дѣла благотворенія и милосердія. Заботами его были устроены три женскія обители: Дивѣевская, Ардатовская и Зеленогорская, въ которыхъ въ уединеніи работали Богу чистыя душою инокини и гдѣ находили себѣ пріютъ странники и убогіе. Эти три обители—жилища чистыхъ дѣвъ и женъ—плоды подвиговъ и трудовъ великаго старца и нынѣ красуются въ вѣчную память о немъ. Въ трудахъ по устройству этихъ обителей о. Серафиму помогали нѣкоторые богомольцы, посланные Богомъ въ помощь старцу. Такъ въ дѣлахъ устройства Дивѣевской обители помогаль старцу Михаилъ Васильевичъ Мантуровъ, бывшій помѣщикъ.

Надъ нимъ о. Серафимъ впервые проявилъ свою чудотворную силу, исцѣливъ его отъ тяжелой болѣзни.

Мантуровъ служилъ въ военной службѣ въ Финляндіи и тамъ женился на лютеранкѣ, Аннѣ Михайловнѣ Эрнцъ. Тяжкая болѣзнь, постигшая его внезапно, заставила его удалиться со службы. Онъ поселился въ своемъ родовомъ помѣстьѣ въ с. Нучѣ Нижегородской губерніи, Арзамаскаго уѣзда, верстахъ въ 40 отъ Сарова.

Болѣзнь Михаила Васильевича была жестокая. Врачи не могли опредѣлить ея названія и не могли отыскать средствъ къ ея излеченію. Болѣзнь его дошла до того, что ноги его превратились въ одни кости. Не имѣя помощи отъ докторовъ,

Михаилъ Васильевичъ всецѣло положился на промыслъ Божій. Слава о Серафимѣ, дошла до его слуха и онъ рѣшился отправиться къ нему просить у него исцѣленія себѣ. Вѣра больного не посрамила его. Господь судилъ, чтобы надъ нимъ первымъ старецъ явилъ свою чудотворную силу. Это было еще тогда, когда старецъ, ослабивъ затворъ свой, принималъ къ себѣ посѣтителей.

Ласково встрѣтилъ Серафимъ болящаго въ сѣняхъ своей келліи. „Что пожаловалъ? посмотрѣть на убогаго Серафима“, спросилъ его смиренномудрый старецъ.

Больной видилъ въ старцѣ послѣднюю свою надежду и возгорѣлся еще большею вѣрою въ его чудную силу. Упавъ въ ноги ему, больной просилъ исцѣленія. Старецъ трижды спросилъ его „Вѣруешь ли ты въ Бога? И когда больной исповѣдалъ свою вѣру онъ сказалъ: „Радость моя, если ты такъ вѣруешь, то вѣрь, что вѣрующему все возможно отъ Бога. А потому вѣруй, что и тебя исцѣлитъ Господь. А я, убогій Серафимъ, помолюсь“.

Съ этими словами старецъ ушелъ въ келлію. Вышелъ онъ оттуда, спустя немного времени, неся освященное масло и помазалъ масломъ ногу больного. Затѣмъ надѣвъ на ноги больного чулки, старецъ вынесъ грудку сухарей и высыпавъ ему въ фалды сюртука, приказалъ такъ идти въ монастырь. Ставъ на ноги сперва со страхомъ, Михаилъ Васильевичъ съ изумленіемъ почувствовалъ, что онъ твердо стоитъ на ногахъ. Въ восторгѣ онъ бросился на колѣни и сталъ горячо благодарить старца. Но о. Серафимъ, поднимая его сказалъ: „Развѣ Серафимово дѣло мертвить и живить, ниводить во адъ и возводить. Что ты батюшка? Это дѣло единаго Господа, который творитъ волю боящихся его и молитву ихъ слушаетъ“. Затѣмъ старецъ прибавилъ: „Господу Всемогущему и Пречистой Его Матери даждь благодареніе“.

Михаилъ Васильевичъ совершенно здоровымъ, вернулся домой, возсылая хвалу Богу. Уже онъ совсѣмъ забылъ о своемъ недугѣ, какъ ему захотѣлось увидѣть о. Серафима еще, и принять его благословеніе.

Немедленно онъ поѣхалъ въ Саровъ. Подвижникъ встрѣтилъ его радостно словами:

„Радость моя! Вѣдь мы обѣщались возблагодарить Господа.
— Не знаю, что дѣлать, отвѣтилъ Мантуровъ. А вы что прикажете?“

Радостно смотря ему въ глаза старецъ сказалъ: „Вотъ, радость моя! все, что ни имѣешь, отдай Господу и возьми на себя самопроизвольную нищету.“

Пораженный, стоялъ Мантуровъ предъ дивнымъ старцемъ и колебался. Жизнь казалось улыбалась ему. Все сулило ему довольство и счастье. Потерять все свое имѣніе, принять на себя добровольно нищету и неразлучныя съ нею испытанія всякаго рода казалось ему неисполнимымъ. Кромѣ того, онъ былъ не одинъ; у него была жена. Но примѣръ старца, оставившаго все для Бога, влекъ его къ этому великому подвигу обнищанія ради Христа.

„Оставь все, прервалъ его колебанія прозорливый старецъ, Господь тебя не оставитъ. Богатъ не будешь, хлѣбъ же насущный всегда у тебя будетъ.“

Подъ вліяніемъ словъ старца въ душѣ Мантурова совершился окончательный переломъ.

„Согласенъ батюшка!—воскликнулъ онъ, что же благословите мнѣ сдѣлать.“

Старецъ не далъ теперь опредѣленнаго указанія и отпустилъ его съ благословеніемъ. Мантуровъ отпустилъ крѣпостныхъ на волю и продалъ свое имѣніе, оставивъ себѣ 15-ть десятинъ земли по повелѣнію старца, земля эта по смерти Мантурова должна была перейти къ Дивѣвской обители. Деньги, вырученные отъ продажи имѣнія, отчасти, когда приходила нужда, были употребляемы на сооруженіе храмовъ Дивѣвской обители и ея благоустройства, о чемъ заботы лежали на о. Серафимѣ по обѣщанію данному имъ первоначальницѣ Дивѣвской Агафіи Симеоновнѣ при ея кончинѣ. Въ трудахъ этихъ принималъ дѣятельное участіе Михаилъ Васильевичъ, или какъ называлъ его старецъ: „Мишенька“. Ему пришлось вытерпѣть много невгодъ въ хлопотахъ по устройству обители. Его труды раздѣляла сестра его Елена Васильевна, скончавшаяся инокинею въ Дивѣвскомъ монастырѣ. Но благодать Божія, почивавшая на Серафимѣ, укрѣ-

пляла Мантурова въ его трудахъ. Ему суждено было пережить старца и довести до конца устройство обители, въ которой онъ нашелъ себѣ и вѣчное успокоеніе ¹⁾).

Дивѣевская обитель была любимымъ дѣтищемъ о. Серафима. Ея нужды и потребности были собственными его нуждами и потребностями. Господь благословлялъ его труды по благоустройству обители.

Осѣняемая молитвами праведнаго старца, Дивѣевская обитель возрастала быстро. Ко времени кончины его въ обители спасалось уже до 125 дѣвиць. Подвижникъ отечески заботился объ инокиняхъ, называя ихъ „сиротами“ и незадолго до своей кончины преподаль имъ дивное завѣщаніе, въ которомъ обѣщаль не забывать ихъ и по кончинѣ. „Кромѣ убогаго Серафима, говорилъ онъ, уже отца не будетъ вамъ, вы останетесь совершенными сиротами, и вотъ самой Матери Божіей Царицѣ Небесной вручаю васъ... Когда меня не станетъ, ходите ко мнѣ на гробикъ; ходите какъ вамъ время есть, и чѣмъ чаще, тѣмъ лучше. Все, что ни есть у васъ на душѣ, все, о чемъ ни скорбите, что ни случилось бы съ вами, все, придите, да мнѣ на гробикъ, принавъ къ землѣ, какъ къ живому, и расскажите. И услышу васъ, и скорбь ваша пройдетъ; какъ съ живымъ, со мной говорите и всегда я для васъ живъ буду“.

Г л а в а IX.

Совѣты и наставленія о. Серафима. Его даръ прозорливости и чудотворенія.

О. Серафимъ доказаль жизнію своею, что та благодать, которая вдохновляла древнихъ великихъ подвижниковъ, и теперь неоскудно пребываетъ въ Церкви, лишь бы люди искали черпать изъ этого источника. Послѣдніе годы жизни великаго старца подвижника были ознаменованы, безчисленнымъ множествомъ проявленій его дивнаго дара прозорливости, совѣтовъ и руководственныхъ указавій, началъ доброй истиннохристіанской жизни и пути ко спасенію.

¹⁾ О трудахъ Мантурова по устройству обители Дивѣевской и устройствіи этой обители подробно описано въ статьѣ Е. Поселянина: „Итенцы старца Серафима“ („Рус. Памят.“ 1902 № 35, 38, 39, 40, 41, 43).

Ревнуя о Православіи, старецъ вразумлялъ заблуждающихся. Вотъ что сказалъ онъ четыремъ старообрядцамъ, пришедшимъ изъ с. Павлова, Горбатовскаго у., поговорить съ нимъ о перстосложеніи при крестномъ знаменіи. Лишь только переступили они порогъ келліи его, какъ онъ подошелъ къ нимъ, взялъ одного изъ нихъ за руки и, сложивъ пальцы правой руки его для крестнаго знаменія, по чину Прав. Церкви, сказалъ: „Вотъ христіанское сложеніе креста. Такъ молитесь и прочимъ скажите. Прошу и молю васъ: ходите въ церковь греко-россійскую. Она во всей славѣ и силѣ Божіей! Какъ каравль, имѣющій многія спаси, паруса и великое кормило, она управляется Св. Духомъ. Добрые кормчіе ея—учители Церкви, архипастыри,—суть преемники апостольскіе. А ваша часовня подобна маленькой лодкѣ, не имѣющей кормила и веселъ. Она привязана вервиемъ къ каравлю нашей Церкви, плыветъ за нею, заливаема волнами, и непременно потонула бы, еслибы не была привязана къ каравлю“.

А одному старообрядцу на вопросъ его, какая вѣра лучше, старецъ отвѣчалъ такъ:—Оставь свои бредни, жизнь наша есть море, св. Прав. Церковь наша—каравль, а кормчій—самъ Спаситель. Если съ такимъ кормчимъ люди, по своей грѣховной слабости, съ трудомъ переплываютъ море житейское и не все спасаются отъ потопленія, то куда же стремишься ты съ своимъ ботикомъ и на чемъ утверждаешь свою надежду—спастись безъ кормчаго?“

«Высоко ставя пятую заповѣдь, старецъ не позволялъ дѣтямъ говорить противъ родителей даже когда они имѣли недостатки и пороки. Одинъ человекъ привелъ къ старцу, мать свою предавную пороку, пьянства. Едва только онъ хотѣлъ сказать подвижнику объ этомъ, какъ тотъ зажалъ ему ротъ своею рукою, не давъ ему сказать ни слова. Обратясь къ матери, старецъ сказалъ „отверзи уста свои“ и дунулъ трижды на нее. Отпуская ихъ, старецъ сказалъ: „Вотъ вамъ мое завѣщаніе. Не имѣйте въ дому своемъ не только вина, но даже посуды винной, такъ какъ,—обратился онъ къ матери,—ты отседѣ не потерпишь болѣе вина“».

Если кто не исполнялъ даннаго старцемъ совѣта, то горько

въ томъ раскаявался. Одинъ помѣщикъ изъ Казани, просилъ старца благословить его на вступленіе въ бракъ. Подвижникъ благословилъ его и указалъ ему невѣсту, жившую неподалеку отъ него, которая назначена ему Богомъ. Но тотъ сказалъ старцу, что женится на другой. „Тебѣ сія не принадлежитъ въ радость,—отвѣтилъ ему, старецъ, а въ печаль и слезы“. Однако помѣщикъ поступилъ противъ совѣта старца, женился по своему выбору и, спустя годъ, овдовѣлъ. Тогда онъ женился на особѣ указанной старцемъ, жилъ съ нею долго и счастливо.

Одна женщина пришла къ о. Серафиму и плача сообщила ему, что потеряла изъ виду своего сына. О. Серафимъ велѣлъ ей обождать 3 дня въ обители. На четвертый день она пошла къ старцу получить благословеніе его въ обратный путь и чтоже? Въ келліи старца она встрѣтила своего сына. Несказанно обрадовалась она и возблагодарила Бога и Его избранника.

Нѣкая г-жа Теплова торопила сына своего науками и отвлекала его отъ чтенія душеполезныхъ книгъ. „Матушка, матушка! сказалъ ей о. Серафимъ, когда она пришла къ нему принять его благословеніе: не торопись дѣтей-то учить по французски да по нѣмецки, а приготовь души то ихъ прежде, а прочее все приложится имъ потомъ“.

Дивный старецъ Серафимъ глубоко проникъ во все невидимое человѣческому взору. Для него казалось не существовало преградъ между небеснымъ и земнымъ.

Небо стало для него близкою родною стихіей. Когда, это было за два года до кончины старца, офицеръ Каратаевъ спросилъ его, не надо ли чего передать его брату и Курской роднѣ, старецъ указалъ тогда на иконы Спасителя и Богоматери и сказалъ: „вотъ мои родные“.

Звѣри для старца были кроткими агнцами. Онъ постоянно кормилъ медвѣдя изъ своихъ рукъ. И звѣри повиновались его слову.

Подвиги свои, въ послѣдніе годы жизни старецъ усугублялъ. Отдыхъ его и сонъ были кратковременны. Онъ спалъ сидя на полу, прислонясь спиной къ стѣнѣ и протянувъ ноги. Иногда онъ клалъ въ голову кирпичъ или полѣнья. А въ самое послѣднее время его жизни, нельзя было безъ удивленія смотрѣть

на его сонъ. Онъ спалъ тогда, стоя на колѣняхъ поддерживая руками голову и упершись въ полъ локтями.

За годъ и десять мѣсяцевъ до своей праведной кончины, подвижникъ сподобился чудеснаго посѣщенія Богоматери въ день Благовѣщенія 25 марта 1831 г. Очевидцемъ этого чудеснаго явленія была Дивѣевская старица Евпраксія.

Глава X.

Послѣднiе дни жизни о. Серафима и его кончина.

Приближалось время отшествiя ко Господу праведнаго старца. Подвигомъ добрымъ онъ подвигался, теченiе жизни доблественно совершилъ, вѣру соблюлъ въ чистотѣ и теперь ему готовился вѣнецъ нетлѣнiя и славы въ Царствiи небесномъ отъ Праведнаго Судii нелицеприятнаго. Въ послѣднiй годъ жизни старца здоровье его значительно ослабѣло. Онъ уже не могъ ходить въ „ближнюю пустыньку“ и принимать многихъ посѣтителей. Народъ скорбѣлъ объ этомъ. Часто старецъ сидѣлъ на гробѣ въ сѣняхъ своей келлiи, погруженный въ думы.

За четыре мѣсяца до кончины старца посѣтилъ его преосвященный Арсенiй Тамбовскiй, впоследствии митрополитъ Кiевскiй. Старецъ поднесъ преосвященному въ подарокъ четки, шерстяныя чулки, бутылку деревяннаго масла и пучокъ восковыхъ свѣчъ, обернутый въ холстинку. Затѣмъ отдѣльно отдалъ ему бутылку краснаго вина. Это значило, что старецъ просить по смерти поминать его. Свѣчи, масло и вино были сохранены преосвященнымъ и употреблены на литургию, совершенную по кончинѣ старца объ упокоенiи его.

Нѣкоторымъ почитателямъ своимъ, старецъ распорядился послать письма, приглашая ихъ поспѣшить прiѣздомъ, нѣкоторымъ передалъ черезъ другихъ лицъ, нужныя для нихъ наставленiя. „Сами то они, меня не увидятъ“, говорилъ онъ. Прощаясь со многими, онъ говорилъ: „мы не увидимся болѣе съ вами“ и когда нѣкоторые выражали желанiе прiѣхать къ нему въ великiй постъ онъ отвѣчалъ. „Тогда двери мои затворятся. Вы меня не увидите“. Замѣтно было, что жизнь старца угасаетъ, но духъ его все таки былъ бодръ. „Жизнь моя сокра-

щается, говорилъ онъ инокамъ Саровскимъ; духомъ я какъ бы сейчасъ родился, а тѣломъ по всему мертвъ“.

За недѣлю до своей кончины, праведный старецъ, въ праздникъ Рождества Христова, причастился Св. Таинъ и послѣ литургіи долго бесѣдовалъ съ игуменомъ Нифонтомъ, при чемъ отдавалъ послѣднія распоряженія. Завѣщалъ онъ положить себя по смерти въ гробъ, стоявшемъ въ сѣняхъ келліи, и отдавая финифтяный образъ явленія Богоматери преподобному Сергію Радонежскому монаху Іакову, сказалъ: „сей образъ надѣньте на меня, когда я умру, и съ нимъ положите меня въ могилу; сей образъ присланъ мнѣ честнымъ о. архимандритомъ Антоніемъ, намѣстникомъ Св. Лавры, отъ мощей преподобнаго Сергія“.

1 января 1833 г. въ воскресенье, о. Серафимъ пришелъ въ послѣдній разъ въ больничную церковь, поставилъ предъ иконами свѣчи и на литургіи причастился Св. Таинъ. Послѣ литургіи онъ простился съ иноками, благословилъ ихъ и, облобызавъ, сказалъ: „спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте: нынѣшній день намъ вѣнцы готовятся“!

Въ теченіе дня, старецъ три раза выходилъ на то мѣсто, которое предназначилъ себѣ, незадолго до того, для погребенія; оно находилось у алтаря Успенскаго собора, и стоя тамъ подолгу, смотрѣлъ въ землю. Это видѣлъ инокъ Павелъ! Тотъ же инокъ вечеромъ слышалъ, какъ старецъ пѣлъ въ своей кельѣ побѣдныя пѣсни пасхальнаго канона.

Старецъ часто выходя изъ келліи въ пустыню, имѣлъ обыкновеніе оставлять въ келліи горящія свѣчи. Инокъ Павелъ, жившій рядомъ съ келліей старца, замѣчалъ старцу, что отъ этого можетъ случиться пожаръ, но подвижникъ всегда отвѣчалъ: „пока я живъ, пожара не будетъ, а когда я умру, кончина моя откроется пожаромъ“. Такъ и случилось.

2 января, часу въ 6-мъ утра, инокъ Павелъ, идя къ ранней литургіи, почувствовалъ въ сѣняхъ близъ кельи подвижника дымный запахъ. Сотворивъ молитву, онъ постучался въ дверь его келліи; но не получилъ отвѣта. Выйдя затѣмъ на крыльцо, онъ сказалъ проходившимъ мимо инокамъ въ церковь: „Отцы и братія! слышенъ сильный дымный запахъ. Не горитъ ли что около насъ? Старецъ вѣрно ушелъ въ пустыню“. Тутъ.

одинъ изъ проходившихъ послушниковъ Аникита, бросился къ кельѣ о. Серафима, но увидѣлъ, что она заперта, съ силою рванулъ дверь и сорвалъ ее съ внутренняго крючка. Вся небольшая келья старца была полна дыма. Тлѣли разныя вещи, приносимыя усердными почитателями старцу и книги: вѣроятно, они затлѣлись отъ нагара, упавшаго со свѣчи подсвѣчника, который стоялъ тутъ же. Огня не было. На дворѣ чуть брезжилъ разсвѣтъ и въ кельѣ старца было темно. Самаго старца не было видно. Братія думали, что онъ отдыхаетъ и толпились у кельи. Нѣкоторые изъ братій стали гасить снѣгомъ тлѣвшія вещи. Ранняя литургія шла въ больничной церяви, пѣли уже: „Достойно есть“, когда прибѣжала въ церковь мальчикъ послушникъ и возвѣстилъ нѣкоторымъ изъ братій о случившемся. Братія поспѣшили къ кельи о. Серафима. Инокъ Павелъ и послушникъ Іоаннъ, желая удостовѣриться, не отдыхаетъ ли старецъ, стали ощупывать небольшое пространство его келліи и нашли его самого. Принесева была тогда зажженная свѣча и всѣ увидѣли, что старецъ въ своемъ бѣломъ балахонѣ, стоитъ на колѣняхъ предъ иконою Богоматери Умиленіе съ сложенными на груди крестообразно руками. Полагали, что онъ уснулъ, утомившись отъ долгаго бодрствованія и стали потихоньку будить его; но уже никто не могъ пробудить его. Онъ усиулъ на вѣки, тихо и мирно. Глаза его были закрыты, лицо оживлено богомысліемъ и молитвою. Тѣло его было еще тепло; видимо, духъ старца недавно еще оставилъ свою тѣсную хранину плоти. По благословенію настоятеля, иноки подняли тѣло блаж. Серафима и отнесли его въ сосѣдную келлію іером. Евстафія, тамъ спрятали его по чину монашескому. Затѣмъ положили его въ гробъ и вынесли въ соборный храмъ обители. Когда утихло безпокойство, стали разбирать тлѣвшія вещи въ кельѣ почившаго и увидѣли, что и книга лежавшая предъ старцемъ раскрытою, по которой онъ молился, также обгорѣла.

Могла почившему подвижнику приготовлялась на избранномъ имъ мѣстѣ. Множество народа собралось поклониться его тѣлу, которе открытымъ стояло восемь сутокъ въ Успенскомъ соборѣ обители. Погребеніе о. Серафима совершилъ игум. Нифонтъ. Народу было такъ много, что свѣчи возлѣ

гроба гасли отъ жара. При громкомъ рыданіи братіи саровской и народа тѣло праведнаго старца Серафима было предано землѣ по правую сторону алтаря, подлѣ могилы Марка Затворника.

Не было сказано при гробѣ праведнаго старца рѣчей, однако воспоминанія о его жизни и рассказы о ней были самымъ лучшимъ назидательнымъ словомъ при его гробѣ. Какой-то неизвѣстный стихотворецъ воспѣлъ въ прекрасныхъ стихахъ жизнь, подвиги и кончину великаго старца. Вотъ это назидательное стихотвореніе.

Онъ былъ в шевемъ, в духомъ Серафимъ;
 Въ пустынной тишинѣ весь Богу посвященный;
 Ему всегда служилъ, в Богу всегда былъ съ нимъ,
 Внимая всѣмъ его молениямъ вдохновеннымъ.
 И что за чудный даръ въ его душѣ виталъ!
 Какихъ небесныхъ тайнъ онъ не былъ созерцатель?
 Какъ много дивнаго избраннымъ онъ вѣщалъ,
 Завѣта вѣчнаго земнымъ истолкователь!
 Куда бы свѣтлый взоръ онъ только не вперилъ—
 Вездѣ туманное предъ нимъ разоблачалось,
 Преступникъ скрытый вдругъ себя предъ нимъ являлъ.
 Судьба грядущаго всецѣло рисовалась,
 Въ часы молитвы къ нему съ лазурной высоты
 Небесные друзья невидимо слетали
 И, чуждые земной житейской суеты,
 Его бесѣдою о небѣ услаждали.
 Онъ самъ, казалось, жилъ, чтобъ только погостить,
 Въ дѣлахъ его являлось что-то неземное,
 Напрасно клевета хотѣла омрачить...
 Въ немъ жизнь была чиста, какъ небо голубое.
 Земнаго міра гость, святой и незабвенный,
 Одной любовью равно ко всемъ горѣлъ:
 Погачъ, бѣднякъ, счастливецъ и уничтоженный,
 Равно однакъ аривать у старца всякъ являлъ.
 Несчастные жъ къ нему стекались толпой;
 Онъ былъ для сердца ихъ отрадный утѣшитель,
 Совѣтомъ мудрымъ онъ—безмездною цѣльбой,
 Всѣхъ къ Богу приводилъ, святой руководитель.
 Отъ подвиговъ уставъ, преклонивъ на колѣни,
 Съ молитвой на устахъ, бывъ смертнымъ, умеръ онъ.
 Но что же смерть его?—
 Спокойный тихій сонъ...
 Теперь, лягушетъ онъ въ семьѣ святыхъ родной,
 Сладкимъ Божескимъ достойно озаренный,
 А мы могли тихую кропимъ слезой
 И явля будемъ чтить во вѣкъ благословенны.

Праведникъ во вѣки живетъ, справедливо говоритъ Св. Исаіе, и великій старецъ Серафимъ и по блаженной кончинѣ своей не забывалъ земного міра, не оставлялъ безъ помощи всѣхъ съ вѣрою притекавшихъ къ его могилѣ и призывавшихъ его на помощь въ различныхъ болѣзняхъ и скорбяхъ, но подавалъ свою скорую помощь. Много больныхъ получало исцѣленія по молитвѣ къ нему. Объ этомъ свидѣлствуютъ и письменныя сообщенія и изустныя рассказы. Вода чудесно явившагося источника, названнаго въ честь старца „Серафимовымъ“, имѣетъ цѣлебную силу и купающіяся въ ней больные, съ молитвою къ праведному старцу, получаютъ скорое исцѣленіе отъ мучащаго ихъ недуга. Объ этомъ источникѣ старецъ молился, чтобы вода его исцѣляла всякія болѣзни и молитва старца была услышана. „Я молился, говорилъ онъ, чтобы вода эта была цѣлительною отъ болѣзней“. И какъ при жизни старца, такъ и по смерти его купавшіеся въ этомъ источникѣ, съ вѣрою въ помощь Божію и по молитвѣ старца, больные получаютъ исцѣленіе.

Келлія старца, стоявшая при источникѣ, или „ближняя пустынька“, а равно и келлія въ которой онъ жилъ первоначально, до затвора, или „дальняя пустынька“, перенесены были въ Дивѣевъ, и теперь стоятъ тамъ. Надъ келліей о. Серафима, находящейся въ обители, въ которой онъ почилъ, начата въ 1897 г. постройка храма во имя Живоначальныя Троицы. Въ 1890 г. надъ могилою о. Серафима была устроена часовня, украшенная изображеніями случаевъ дивной жизни праведника. Могилу его покрывалъ чугунный памятникъ въ видѣ надгробія, устроенный нижегородск. купцомъ Я. Сыревымъ. На надгробіи начертана была краткая надпись: „Жилъ во славу Божію 73 года 5 мѣсяцевъ и 12 дней“.

Чудесныя исцѣленія недужныхъ, происходящія по молитвамъ къ о. Серафиму, давно уже обратили вниманіе духовной власти. 3 февраля 1892 г. начато было, особою комиссіей, разслѣдованіе о чудесныхъ знаменіяхъ и исцѣленіяхъ, явленныхъ по молитвамъ праведника. Разслѣдованіе закончено было въ августѣ 1894 г., оно производилось въ 28 епархіяхъ Европ. Россіи и Сибири. Всѣхъ случаевъ благодатной помощи праведника было обслѣдовано 94. Въ 1895 г. преосв. Тамбов-

скимъ, было представлено въ Св. Синодѣ разслѣдованіе, произведенное упомянутой комиссіей. Св. Синодъ дважды дѣлалъ распоряженія настоятелю Саровской обители вести записи о чудесныхъ исцѣленіяхъ. Наконецъ, въ 1902 году 19 іюля въ день рожденія праведнаго старца, Его Императорскому Величеству Государю Императору благоугодно было изъявить желаніе, дабы доведено было до конца начатое въ Св. Синодѣ дѣло о прославленіи старца Серафима.

И вотъ 11 января 1903 г. было произведено освидѣтельство тѣла праведнаго старца митрополитомъ Московскимъ Владиміромъ съ участіемъ еписк. Табовскаго Димитрія и Нижегородскаго Назарія, Суздальскаго архим. Серафима, прокурора Синод. Московск. конторы князя Ширинскаго-Шихматова и еще четырехъ духовныхъ лицъ. Тѣло Серафима было найдено нетлѣннымъ и Св. Синодъ въ изданномъ 29 января 1903 г. „дѣяніи“ своемъ объявилъ о причисленіи къ лику святыхъ праведнаго старца іеромонаха Серафима и торжественномъ открытіи мощей его въ 19 день іюля 1903 года. Мощи преподобнаго будутъ тогда переложены въ гробницу, устроенную на средства Его Императорскаго Величества.

Немногіе праведники прославлялись столь скоро послѣ своей кончины какъ іеромонахъ Серафимъ. 2 января 1903 г. исполнилось лишь 70 лѣтъ со дня его мирной блаж. кончины и эти 70 лѣтъ, отдѣляющія насъ отъ дня блаженной кончины старца—полны дивныхъ знаменій, безчисленныхъ чудесъ и исцѣленій. Вѣрны обѣтованія старца, что, кто будетъ съ вѣрою обращаться къ нему съ молитвою, того онъ не оставитъ своею помощію. Вѣрны его слова, сказанныя имъ инокинямъ Дивѣвскимъ, а въ лицѣ ихъ и во всемъ вѣрою чтущимъ его: „когда меня не станетъ, ходите ко мнѣ на гробикъ; ходите какъ вамъ время есть, и чѣмъ чаще, тѣмъ лучше. Все, что ни есть у васъ на душѣ, все, о чемъ ни скорбите, что ни случилось бы съ вами, все, прійдите, да мнѣ на гробикъ, припавъ къ землѣ, нагнъ къ живому, и расскажите. И услышу васъ, и скорбь ваша пройдетъ. Какъ съ живымъ со мной говорите. И всегда я для васъ живъ буду“.

Г. Н. Корсунъ,

ТЕОРИИ ВДОХНОВЕНІЯ И ПРОИСХОЖДЕНІЯ СВ. ПИСАНІЯ НА ЗАПАДѢ ВЪ XVIII И XIX ВѢКАХЪ (ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

(Продолженіе *).

X.

Теоріи вульгарныхъ и умѣренныхъ рационалистовъ.

Въ разгарѣ революціоннаго движенія, вызваннаго въ области библейской критики Эрнестомъ, Землеромъ и Михаелисомъ, которое могло имѣть роковое значеніе для ученія о боговдохновенности, былъ употребленъ новый рычагъ исторической науки, для разрушенія того, что было еще пощажено критикой. Появилось множество *историческихъ трактатовъ* и ученыхъ диссертаций, цѣлію которыхъ было доказать исторически, что идеи Землера о происхожденіи св. книгъ не были плодомъ фантастическаго измышленія, но произведеніемъ возвышеннаго и искренняго ума. Гипотеза объ аккомодациі св. писанія къ современной средѣ была особенно любима рационалистами этого періода. Тысячью способовъ рационалисты пытались доказать, что св. писатели и учителя, непосредственно слѣдовавшіе за апостолами, принаровлялись къ суевѣріямъ современниковъ, которые не могли переварить слишкомъ твердой пищи. При этомъ рационалисты прибавляли, что Іисусъ Христосъ подалъ своимъ ученикамъ прекрасный примѣръ аккомодациі, сообщая своимъ современникамъ столько свѣта, сколько они могли вынести. Такая аккомодациія будто бы была въ высшей степени почтенна, такъ какъ оправдыва-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 8.

лась тою прекрасною цѣлю, для которой она служила ¹⁾. Легко можно понять, какое широкое распространение могла получить, благодаря принципамъ столь эластичнымъ и произвольнымъ, рационалистическая теорія происхожденія св. письменности. Старыя идеи реформации о значеніи Слова Божія, о вдохновеніи словъ св. писателей были объявлены библиолатріей. Большинство рационалистовъ выражало желаніе очистить христіанство отъ подобныхъ суевѣрій. Среди самыхъ дѣятельныхъ разрушителей авторитета Св. Писанія, на почвѣ исторической критики, видное мѣсто занимаютъ *Габлеръ*, *Реръ*, *Веллейдеръ*, *Бретшнейдеръ*, *Аммонъ*, *Эйморъ*, *Павлюсъ* и др.

Если не чрезъ изданіе обширныхъ полемическихъ сочиненій, какъ Землерт, то чрезъ неутомимую журнальную работу *Иоганнъ Филиппъ Габлеръ* (1753—1826) оказалъ большое, далеко превосходящее его личное значеніе, вліяніе на распространение рационалистическихъ теорій вдохновенія Св. Писанія. Его „Журналь теологической литературы“ („*Journal für theologische Literatur*“ ²⁾) сдѣлался арсеналомъ рационалистическаго оружія для всѣхъ временъ. Этотъ журналъ въ то же время служилъ выраженіемъ рационалистическихъ взглядовъ самого издателя, потому что всякую статью Габлеръ предварялъ своимъ краткимъ введеніемъ и, по его собственному выраженію, предавалъ печати „не безъ тщательнаго просмотра“ (*nicht ohne genaue Revision* ³⁾). Цѣлю журнала было „утверждать почтенную теологическую ученость безъ боязни людей, безъ челоуѣкоугодничества и развивать духъ свободнаго ученаго изысканія и безпартійнаго изслѣдованія истины“ ⁴⁾.

Отношеніе Габлера къ Св. Писанію вполне выразилось 1) въ его рецензій на появившееся въ Берлинѣ около 1800 года анонимное сочиненіе подъ заглавіемъ: „Пространное объясне-

¹⁾ См. *Neues Magazin*. Henke. Vol. II. p. 688. F. A. C. Carus. *Historia antiquior, sententiarum Ecclesiae Graecae de accommodatione Christo imprimis et apostolis tributa*. Leipzig. 1793; F. W. Reinhard. *Utrum et quando possint oratores divini in administrando suo munere demittere sese ad vanas hominum opiniones*. Wittenberg. 1784.

²⁾ *Gabler. Journal*, Nürnberg bei Monath und Kuszler, 1801.

³⁾ *Ibidem* Worbericht, pag. 8.

⁴⁾ *Worbericht*, pag. 15—16.

ніе всѣхъ чудесныхъ исторій въ моисеевыхъ писаніяхъ“¹⁾; 2) въ обширной рецензіи 1800 г. на появившуюся въ Любекѣ первую часть философско-критическаго и историческаго комментарія Павлюса на Новый Завѣтъ²⁾.

Въ первой рецензіи Габлеръ рѣшительно отрицаетъ не только боговдохновенное происхожденіе, но и всякую вообще историческую достовѣрность рассказовъ Моисея о чудесахъ. Во второй рецензіи онъ, соглашаясь съ Павлюсомъ, доказываетъ, что евангельскіе рассказы суть мнѣя, но только не историческіе, а философскіе („nicht historische, aber philosophische Mythen“³⁾).

Вообще точка зрѣнія Габлера въ вопросѣ о боговдохновенности не заключаетъ въ себѣ ничего положительнаго: это просто точка зрѣнія вульгарнаго раціонализма, усерднымъ послѣдователемъ котораго былъ Габлеръ. По увѣренію современниковъ, скептицизмъ Габлера былъ не менѣе ужасенъ, чѣмъ натурализмъ Бардта⁴⁾.

Иоганнъ Фридрихъ Рёръ (1777—1848) занимаетъ весьма видное мѣсто въ исторіи германскаго раціонализма⁵⁾. Онъ придавъ раціоналистическимъ идеямъ догматическую форму и привелъ ихъ въ систему. Въ 1813 году, когда онъ былъ еще простымъ пастыромъ, онъ обнародовалъ свои знаменитыя „Письма, о раціонализмѣ“ (*Briefe über den Rationalismus*)⁶⁾. Это—весьма смѣлое произведеніе раціоналистическаго ума, написанное не безъ блеска учености, но по своей популярной формѣ предназначенное для народныхъ массъ. Оно сдѣлало Рёра извѣстнымъ въ всей Германіи: вульгарный раціонализмъ представленъ здѣсь во всей его постыдной наготѣ и со всеми крайними отступленіями отъ основъ христіанства. Со времени изданія писемъ Рёра стало доподлинно извѣстно, что такое въ самомъ дѣлѣ былъ вульгарный раціонализмъ. Съ этого времени всякая попытка борьбы про-

¹⁾ Gabler. journal. 1801. p. 180.

²⁾ Gabler. journal. 1801. p. 363.

³⁾ pag. 399.

⁴⁾ Gabler I. p. 114.

⁵⁾ Справ. Herzog. Band XIII. Artikel Röhr. pag. 19.

⁶⁾ Röhr. Briefe über den Rationalismus. Aachen у Joseph Frisch. 1813.

тивъ рационализма должна была начинаться съ критики писемъ Рёра.

Семь лѣтъ послѣ появленія писемъ, а именно въ 1820 г. Рёръ сдѣланъ былъ придворнымъ проповѣдникомъ и генералъ—суперъинтендентомъ въ Веймарѣ. Цѣлыхъ 28 лѣтъ пользовался онъ своимъ почетнымъ положеніемъ, чтобы сдерживать всякое движеніе ортодоксальной мысли въ Германіи. Въ это время Рёръ былъ въ своемъ родѣ непогрѣшимымъ рационалистическимъ папою. Въ 1832 г. онъ пытался даже написать символъ рационализма и сдѣлать рационализмъ даже официальной вѣрою протестантовъ. Но попытка эта, какъ и слѣдовало ожидать, вызвала цѣлую бурю негодованій, возраженій, нападокъ, подъ частыми ударами которыхъ Рёръ и умеръ, всѣми забытый и многими презираемый.

Письма Рёра имѣютъ не мало весьма существенныхъ недостатковъ. Рёръ обладалъ достаточными знаніями въ исторіи протестантизма, но у него не было основательной богословской учености. Его письма написаны въ тонѣ поверхностной дешевой популярности, хотя и не чужды умѣлаго группированія поверхностныхъ и скудныхъ мыслей. Признавая только двѣ послѣдовательныхъ системы: рационализмъ и супранатурализмъ, Рёръ самъ хочетъ быть послѣдовательнымъ рационалистомъ¹⁾. Онъ отрицаетъ всѣ таинства вѣры и признаетъ только религію чистаго разума (*eine reine Vernunftreligion*), которую желалъ бы назвать христіанскою, хотя никакихъ почти слѣдовъ христіанства въ ней нѣтъ. „Послѣ этого можно представить, какова была теорія Рёра о происхожденіи св. книгъ! Чѣмъ могло быть св. Писаніе для столь рѣшительнаго рационалиста? Для него оно было только человѣческой книгою (*ein menschliches Buch*), въ которой благородные и мѣдрые люди древняго времени совершенно обыкновеннымъ образомъ (*ganz auf die gewöhnliche Weise*) изложили результаты своего мышленія и изслѣдованія „о религіозныхъ истинахъ“²⁾. Рёръ разсуждаетъ о св. Писаніи

1) Röhr. Briefe über den Rationalismus. 1818. Briefe I p. 3.

2) „Ein menschliche Buch, in welchem Edle und Weise der Vorzeit ganz auf die gewöhnliche Weise die Resultate ihres Denkes und Forschens über Religionswahrheiten niedergelegt haben“. Röhr. Brief II pag. 15.

совершенно натуралистически: онъ отрицаетъ его божественный характеръ. Св. Писаніе нисколько не отличается отъ человѣческихъ книгъ; его происхожденіе—самое обыкновенное, естественное. То, чему учатъ пророки и апостолы, не есть Слово Божіе, но результатъ ихъ собственнаго мышленія. Излишне, кажется, прибавлять, что для Рёра только одинъ разумъ, а не Библия служилъ основаніемъ религіозной вѣры. Открытый и искренній рационалистъ Рёръ рѣшительно заявлялъ, что Библия написана людьми, подверженными ошибкамъ, что теперь мы не можемъ даже опредѣлить, что именно написано самими авторами и что прибавлено другими на протяженіи многихъ вѣковъ. Одно только Рёру представляется безспорнымъ и несомнѣннымъ, что св. писатели желали проповѣдать не какую-либо другую религію, какъ только религію разума (*Wernunft-Religion*) ¹⁾.

Въ своихъ отношеніяхъ къ евангеліямъ и вообще къ св. книгамъ Новаго Завета Рёръ также является чистымъ натуралистомъ. Онъ подрываетъ въ самомъ корнѣ достовѣрность евангельскихъ свидѣтельствъ о томъ, что Иисусъ Христосъ есть Сынъ Божій. Для Рёра Христосъ—простой, обыкновенный учитель истины, въ жизни и судьбѣ Котораго особенно прославилось Провидѣніе ²⁾. Съ безграничнымъ легкомысліемъ Рёръ отвергаетъ всѣ свидѣтельства евангелистовъ о Божествѣ Иисуса Христа, только потому, что они не употребляли точныхъ философскихъ терминовъ, а говорили образами обыкновенной рѣчи ³⁾. Собственные же слова Господа о Своемъ Божествѣ Рёръ объясняетъ такъ: Христосъ называлъ Себя Сыномъ Божіимъ не въ собственномъ, а въ переносномъ смыслѣ, такъ какъ глубокая религіозность (*tiefe, hingebende Religiosität*) была основной чертой всего Его внутренняго Существа ⁴⁾. Здѣсь не было ни обмана, ни суевѣрія, ни подлога, а только простой энтузіазмъ (*Enthusiasmus*) ⁵⁾.

¹⁾ Röhr. Briefe. 14, 24, 419, 428.

²⁾ „Er verehrt in ihm nur einen im gewöhnlichen „Verstande von Gott gesandten Lehrer der Wahrheit, in dessen Leben und Schicksalen sich die Vor-scheidung vorzüglich vorherrlichte“ Röhr. Brief II pag. 16.

³⁾ Röhr. Brief. XIV. p. 293. Aachen. 1813.

⁴⁾ Ibidem. pag. 301.

⁵⁾ Ibidem. pag. 303.

Съ этой точки зрѣнія Рёръ устраняетъ изъ евангельской исторіи всѣ сверхъестественные элементы. „Конечно“, пишетъ онъ въ письмѣ XVI, „раціоналистъ отрицаетъ непосредственное вмѣшательство Бога при рожденіи, воспитаніи, въ дѣлахъ и судьбѣ Иисуса... конечно, для раціоналиста Иисусъ со всею Его духовною индивидуальностью—обыкновенное человѣческое явленіе превосходнаго рода“¹⁾. Вслѣдъ за тѣмъ Рёръ прибавляетъ: „Иисусъ *in genere*—обыкновенное человѣческое явленіе, а *in specie*—особенный любимецъ Бога“²⁾. Христосъ, по взгляду Рёра, только великій геній, цвѣтъ своего вѣка, только замѣчательный учитель, котораго никто не превосходилъ мудростью ни прежде, ни послѣ. Его происхожденіе, воспитаніе, дѣятельность покрыты тайною. Разказы евангелистовъ, которыми мы теперь пользуемся, искажены чрезъ устные преданія, чрезъ рапсодіи, такъ что нельзя составить по нимъ яснаго представленія о Христѣ. Христосъ, конечно, сознавалъ, какую великую миссію Онъ принялъ на Себя. Онъ былъ прекрасно знакомъ съ человѣческою природою и тщательно изучилъ весь Ветхій Завѣтъ. Онъ обладалъ необыкновеннымъ тактомъ, воображеніемъ, чрезвычайною мудростью. Его обширныя, глубокія познанія были произведеніемъ непредубѣжденнаго разума, здраваго сердца и свободы отъ школьныхъ предразсудковъ. Онъ хорошо зналъ, какъ нужно пользоваться средствами для достиженія гуманныхъ вѣдѣлій. Хотя планъ Его обнималъ универсальную религію³⁾, но въ сущности все Его ученіе заимствовано изъ Ветхаго Завѣта. Онъ не совершалъ чудесъ, но Его дѣйствія казались чудесами для очевидцевъ, со словъ которыхъ составились и евангельскіе разказы. Онъ не произносилъ дѣйствительныхъ пророчествъ, но душа Его была наполнена картинами будущаго, такъ что нѣкоторыя изъ Его предвѣщаній исполнились, вслѣдствіе естественнаго предвидѣнія. Всѣ исцѣленія Иисусомъ больныхъ совершены, благодаря искусству врачеванія, такъ какъ каждый современный еврей обладалъ нѣкоторыми медицинскими познаніями! Апостолы

1) Brief. XVI. p. 372.

2) Rühr. Brief XVI. 874.

3) Rühr. Brief. II. pag. 17; XVII, 404, 405.

распространяли христіанство, подъ вліяніемъ впечатлѣній, произведенныхъ на нихъ великимъ Учителемъ. Къ счастью для Его славы, ап. Павелъ далеко распространилъ идеи христіанства. Если бы не было этого апостола, христіанство не пошло бы далѣе Палестины. Въ исторіи распространенія христіанства не было чего-либо болѣе замѣчательнаго, чѣмъ въ исторіи магометанства, сдѣлавшаго большіе захваты въ Аравіи, Египтѣ, сѣверной Африкѣ и Испаніи.

Изъ подобныхъ сужденій Рёра объ исторіи христіанства вообще и евангельской исторіи въ частности очевидно, что онъ отвергалъ не только боговдохновенность, но даже простую историческую вѣроятность новозавѣтныхъ книгъ.

Другой богословъ, обнаружившій, подобно Рёру, неутомимую дѣятельность для распространенія раціоналистическихъ идей, былъ *Юлій Августъ Людвигъ Вегшейдеръ* (1771—1849), профессоръ университета въ Галле и авторъ широко распространенной системы ученія, въ которой отъ христіанства осталась только одна форма, но не содержаніе. Въ своемъ трудѣ „*Institutiones theologiae christianaе dogmaticae*“¹⁾ Вегшейдеръ является послѣдовательнымъ догматикомъ раціонализма и ставитъ для себя цѣлю—изложить теологію здраваго разума. По взгляду Вегшейдера, раціонализмъ возводитъ разумъ на вершину славы, такъ какъ даетъ ему право критиковать и приводить въ порядокъ сверхъестественное Откровеніе. Слѣдуя принципамъ разума, Вегшейдеръ происхожденіе св. книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта объясняетъ въ духѣ раціоналистовъ. Историческое образованіе понятія о боговдохновенности онъ объясняетъ такимъ образомъ. Іудеи и вообще народы древняго міра, не понимая дѣятельности „прирожденныхъ“ душевныхъ силъ, приписывали Богу необыкновенныя движенія души, живыя чувствованія и неожиданно возникавшія мысли, особенно когда онѣ соединялись съ энтузіазмомъ²⁾. Со второго столѣтія до рождества Христова іудеи перенесли такія представленія на свои свящ. книги и отъ нихъ они перешли къ христіанамъ.

1) Семь изданій вышло въ Галле; восьмое появилось въ Лейпцигѣ въ 1844 г.

2) См. *Institutiones theologiae christianaе dogmaticae*. § 39; § 41 p. 181; § 43 p. 188.

Выраженія „θεοπνεύστια“ или „ἐπίπνοια τοῦ Θεοῦ“ (напр. θεοπνεύστος; II Тим. 3, 16), встрѣчающіяся, хотя довольно рѣдко, у греческихъ классиковъ, основываются на матеріальномъ понятіи о Божественномъ и человѣческомъ духѣ, какъ бы дышащихъ воздухомъ ¹⁾. Новозавѣтные писатели не приписывали себѣ какого-либо особаго дара боговдохновенности, а только духъ, настроеніе, свойственныя всѣмъ вообще христіанамъ (см. Іоанн. 19, 35; Лук. 1, 1; I Кор. 7, 12; Ефес. 3, 5) ²⁾. Ап. Павелъ даже выражалъ пожеланіе, чтобы христіане подвергали св. книги собственному изслѣдованію (I Кор. 10, 15; Гал. 2, 6; I Тим. 5, 20, 21; II Тессал. 2, 2; срав. II Іоан. 4, 1) ³⁾. А многіе св. писатели будто бы приписывали собственной духовной дѣятельности то, что они говорили и писали (напр. Втор. 30, 11—14; Притч. 4, 3; Лук. 1, 3; I Кор. 7, 10, 25, 26. II Кор. 11, 17) ⁴⁾.

На вдохновенныхъ людей Вегшейдеръ смотритъ просто какъ на людей болѣе мудрыхъ, сравнительно съ прочими (*homines sapientes prae caeteris*). Одаренные блестящими способностями, вспомошествоваемые благоприятными обстоятельствами „αὐτοδίδακτοι“ и „θεοδίδακτοι“, они расцвѣтали сѣмена лучшаго знанія и гуманности, восхваляли и утверждали своимъ авторитетомъ свои мнѣнія о религіи (*egregiis ingenii donis et rebus secundis adjuti et αὐτοδίδακτοι et θεοδίδακτοι rectoris cognitionis humanitatisque semina spargerent et suas de religione opiniones auctoritate sua et commendarent et stabilirent*) ⁵⁾. Онъ называетъ вдохновеніе „*revelatio particularis, sed mediata*“, когда, подъ вліяніемъ естественныхъ событій, „*Deo auctore*“, нѣкоторые люди побуждаются возвѣщать религіозныя истины своимъ современникамъ. Понятіе о вдохновеніи обнимаетъ какъ духовныя дары вообще, такъ и особенную способность предвѣдѣнія ⁶⁾.

Такъ, какъ Вегшейдеръ отрицалъ Божественное Откровеніе, какъ несогласное съ законами человѣческой природы, то онъ на всѣ расказы Ветхаго и Новаго Завѣта о сверхъестественныхъ событіяхъ смотритъ какъ на мнѣя, которыми пользова-

¹⁾ *Institutiones theologiae christianae dogmaticae*. Halle. 7 Aufl. § 41 p. 184.

²⁾ § 86 p. 168.

³⁾ § 99.

⁴⁾ *Ibidem* § 7.

⁵⁾ § 42.

⁶⁾ *Ibidem* § 12 p. 58.

лись св. писатели, для сокрытія естественной истины подъ покрываломъ, или какъ на произведенія предразсудковъ, которые господствовали среди полупросвѣщеннаго народа. Различные способы сверхъестественнаго Откровенія, упоминаемые въ св. книгахъ, всегда входили въ область понятій и миѳическихъ разсказовъ всякаго цивилизованнаго народа. Всѣ библейскіе разсказы, относящіеся къ чудесамъ и тайнамъ, особенно примѣненные къ извѣстному вѣку, какъ бы они ни были объединены съ исторіей и содержаніемъ Откровенія, тоже принадлежатъ къ естественнымъ произведеніямъ челоѳической природы и знанія. Это—обыкновенныя миѳы, основанныя на антропоморѳизмѣ, въ лучшемъ случаѣ на галлюцинаціяхъ, которыя были слѣдствіями магнетическаго состоянія или обыкновеннаго тѣлеснаго раздраженія. Что касается богоявленій, видѣній, то Вегшейдеръ ихъ совершенно отрицаетъ ¹⁾. Разсказы о явленіяхъ ангеловъ, которыя еврей позднѣйшаго періода принималъ за явленія самого Бога, свойственны многимъ народамъ и лишены историческаго значенія. Самыя имена ангеловъ, ихъ виды и порученія, на нихъ возлагаемыя, будто бы свидѣлствуютъ, что разсказы о нихъ имѣютъ чисто еврейское происхожденіе. Дѣла, совершаемыя ангелами, мало достойны такихъ служителей Божіихъ ²⁾. Голоса съ неба могутъ быть объяснены какъ обыкновенныя явленія грома. Сны и видѣнія допускаютъ чисто психологическое натуральное объясненіе. Вообще же ученіе о боговдохновенности библейскихъ разсказовъ, о сверхъестественныхъ откровеніяхъ, какъ основанное на свидѣлствѣ самыхъ же книгъ, Ветхаго и Новаго Завѣта, заключаетъ въ себѣ то, что называется „*petitio principii*“. Оно говоритъ намъ объ Откровеніи, которое содержится въ книгахъ, составленныхъ подъ вліяніемъ божественнаго вдохновенія, и, слѣдовательно, требуетъ вѣры во вдохновеніе св. книгъ, потому что онѣ содержатъ исторію Божественнаго Откровенія. Кромѣ того, теорія божественнаго вдохновенія, приписываемаго авторамъ библей-

1) Между прочимъ на основаніи Іоан. 1, 18; 1 Іоан. 4, 12; 1 Тим. 6, 16.

2) Ibidem § 41. Справ. Вагнер. Hebr. Mythol. des Alt. und. Neuen. Test. 5. 104. 133 и др.

сихъ разсказовъ, противорѣчить идеѣ совершеннаго духа, уничтожаетъ индивидуальную свободу и лишаетъ челоуѣка всякаго достоинства. Теорія вдохновенія образовалась въ грубыѣ вѣка народнаго невѣжества, когда Божеству приписывали все, что выходило изъ обычнаго порядка вещей, всякое необыкновенное движеніе духа. Но различія стили и ученія св. писателей, продолжаетъ Вегшейдеръ, хронологическія равногласія несомнѣнно доказываютъ, что божественное вдохновеніе не управляло надъ составленіемъ такихъ книгъ, изъ которыхъ многія не признавались даже подлинными. Относительно частей св. Писанія, содержащихъ пророчества, Вегшейдеръ дѣлаетъ предположеніе, которое равносильно признанію ихъ невозможности по принципу и ложности по примѣненію. Пророчества Ветхаго и Новаго Завета, по мнѣнію Вегшейдера, признають фатализмъ и даже тѣ, которыя почитаются за самыя ясныя, напр. касательно судьбы Іерусалима, оказываются темными, если ихъ читать безъ предубѣжденія. Христось будто бы не признавалъ боговдохновенности ветхозавѣтныхъ пророчествъ и пользовался ими только для того, чтобы примѣнять ихъ къ Самому Себѣ и тѣмъ содѣйствовать распро- страненію того духовнаго царства, которое Онъ основалъ. Главная работа богослововъ теперь и должна состоять въ томъ, чтобы очистить библейскіе письменные памятники обоихъ за- вѣтовъ отъ всего того, что свойственно вѣку, въ который они были написаны,⁹ и народу, который ихъ читалъ¹⁾.

Карлъ Готтлибъ Бретшнейдеръ (1776—1848) обыкновенно причисляется не къ вульгарнымъ раціоналистамъ, а къ представителямъ такъ называемаго раціоналистическаго супранатурализма. Для насъ вопросъ о классификаціи взглядовъ Бретшнейдера болѣе или менѣе безразличенъ. Въ сущности Бретшнейдеръ является рѣшительнымъ раціоналистомъ, такъ какъ онъ не только не возражалъ противъ основныхъ положеній раціонализма, но наоборотъ перерабатывалъ каждое изъ нихъ въ свою систему. Нельзя, впрочемъ, отвергать, что впечатлѣ-

¹⁾ § 11; § 12 p. 58, 60; § 13 p. 66; § 25. *Institutiones theologiae christianae dogmaticae*. Здѣсь неоднократно указывается на аккомодацию св. писателей къ духу времени.

ніе, производимое на первыхъ порахъ сочиненіями Бретшнейдера, вѣсколько иное, нежели какъ отъ сочиненій Землера, Рёра, Габлера и др. Это различіе впечатлѣнія основывается не на дѣйствительномъ различіи точекъ зрѣнія, но только на способѣ и формѣ, какъ онѣ устанавливаются. Землеръ имѣлъ обширныя, но хаотическія познанія въ мелочахъ, безъ умолку болталъ о всякой незрѣлой выдумкѣ минуты, а его сочиненія, при отсутствіи законченнаго богословскаго образованія у автора, похожи на мыльные пузыри и всецѣло пропитаны ядомъ вульгарнаго рационализма. Бретшнейдеръ, напротивъ, пишетъ весьма осторожно, и его умѣренно-раціоналистическія идеи доселѣ господствуютъ въ либеральной теологической наукѣ Германіи. Рёръ, Габлеръ и многіе другіе богословы землеровской серіи были демагогами рационализма и гордыми невѣждами въ богословскихъ вопросахъ. Бретшнейдеръ, наоборотъ, былъ весьма солидный ученый, съ богатыми и твердыми богословскими познаніями, который въ умѣренной, осторожной формѣ, достойнымъ языкомъ выразилъ всѣ послѣдствія, которыя вытекали изъ его либеральной богословской системы. При всемъ томъ въ основѣ богословскихъ взглядовъ Бретшнейдера лежитъ несомнѣнный рационализмъ.

Теорія Бретшнейдера о боговдохновенности св. Писанія тоже принадлежитъ къ типу раціоналистическихъ. Понятіе его о вдохновеніи—весьма широкое и неопредѣленное. Въ основѣ его лежитъ положеніе Бретшнейдера, что различіе между общимъ откровеніемъ Бога въ природѣ, въ чловѣкѣ и непосредственнымъ воздѣйствіемъ Его на боговдохновенныхъ людей—чисто субъективное, такъ какъ все одинаково есть воля Божія: „Мы, поэтому, можемъ согласиться съ древнимъ міромъ, который все совершенное въ искусствѣ и наукѣ производилъ изъ воодушевленія, происшедшаго изъ вдохновенія Божественнаго Духа. Изъ этого же самаго источника производится также все совершенное въ религіи и вдохновеніе, которое потомъ получаетъ имена откровенія или просвѣщенія, но отличается отъ общаго воздѣйствія Бога на духовный міръ для достиженія совершенства не по способу, а только по поддержанію. Это постоянно продолжающееся дѣйствіе Бога на

духовный міръ получаетъ названіе просвѣщенія или откровенія, если Богъ имѣетъ цѣлю божественные предметы, или, какъ даже можно сказать, религію, спасеніе людей. Просвѣщающее дѣйствіе Бога также должно быть постояннымъ и всеобщимъ" ¹⁾). Итакъ, Бретшнейдеръ не признаетъ особаго дара боговдохновенности у св. писателей, не отличаетъ высоко просвѣщающаго вліянія на нихъ Духа Святаго отъ обыкновеннаго, постояннаго воздѣйствія Бога на духовный міръ.

Въ частности касательно книгъ Ветхаго Завѣта Бретшнейдеръ утверждаетъ, что чрезъ вдохновеніе могли произойти только: отдѣльныя заповѣди, обѣтованія, предсказанія будущаго, рѣшенія въ сомнительныхъ случаяхъ и пр. Идея происхожденія обыкновенныхъ религіозныхъ истинъ чрезъ вдохновеніе будто бы совершенно чужда Ветхому Завѣту. Немногія истины религіознаго характера, которыя принадлежатъ къ откровенію Ветхаго Завѣта, суть обыкновенныя истины разума ²⁾). О способѣ и образѣ, какъ св. Духъ дѣйствовалъ въ Іисусѣ, въ евангеліяхъ, передающихъ рѣчи Іисуса, по мнѣнію Бретшнейдера, будто бы не сказано ничего опредѣленнаго. Въ четвертомъ евангеліи сообщено непосредственное, сверхъестественное откровеніе о Христѣ, но оно есть только развитіе однѣхъ идей безъ фактовъ ³⁾). Вліяніе св. Духа на апостоловъ, по словамъ Бретшнейдера, не отличается отъ обыкновеннаго воодушевленія и просвѣщенія всѣхъ вообще людей ⁴⁾). Различіе во мнѣніяхъ (Гал. 2), невѣдѣніе и ошибки (I Кор. 1, 16; Дѣян. 16, 3; 21; 21; 1 Кор. 9, 20; Дѣян. 23, 6 и др.), непризнаніе мнѣній апостоловъ другими христіанами (Дѣян. 12, 1. 2; 15, 1. 2), совѣщанія о нихъ въ родѣ апостольскаго собора, — все это говоритъ будто бы противъ вдохновенія апостоловъ. Что апостолы, когда защищали свое ученіе, не ссылались на свое вдохновеніе, хотя это могло быть самымъ главнымъ основаніемъ (Гал. 2, 6; II Кор. 11, 22), но, когда хотѣли предложить непогрѣшимое рѣшеніе, ссылались на за-

¹⁾ См. Bretschneider. Handbuch der Dogmatik. Theil I § 22, Seit 198. срав. 200.

²⁾ Handbuch der Dogmatik. Th. I § 17.

³⁾ Ibidem. § 19. ⁴⁾ Ibidem. Seit 164.

повѣди и изреченія Христа (Дѣян. 20, 35; Рим. 14, 14; I Тесс. 5, 16; I Кор. 9, 14; 11, 23)—это будто бы рѣшительно доказываетъ, что никакого вдохновенія они себѣ не приписывали. Ап. Павелъ даже отличалъ свои изреченія отъ изреченій Господа (I Кор. 7, 10, 12, 25; II Кор. 11, 17) и противопоставлялъ ихъ, какъ человѣческія, божественнымъ (I Кор. 9, 8; 3, 3; 15, 32; II Кор. 7, 9. 11; 11, 17). Онъ не хотѣлъ господствовать надъ вѣрою своихъ учениковъ (II Кор. 1, 24), но требовалъ, чтобы читатели разсуждали о томъ, что онъ говоритъ (I Кор. 10, 15; I Тесс. 5, 21), допускалъ даже сомнѣніе въ своихъ словахъ (II Кор. 11, 16). Апостоль Іаковъ приравнивалъ даже себя читателямъ въ отношеніи погрѣшимости въ предметахъ ученія (Гл. 3, 1. 2). При всемъ томъ Бретшнейдеръ не могъ не признать, что въ посланіи къ Тимоѳею (2 Тим. 3, 16) ап. Павелъ совершенно ясно говоритъ, что св. Писаніе составлено подъ руководствомъ св. Духа, хотя находилъ, что образъ и способъ вдохновенія здѣсь не опредѣлены точно ¹⁾).

Христофъ Фридрихъ фонъ-Амонъ (1766—1850), сначала профессоръ университета въ Ерлангенѣ, потомъ придворный проповѣдникъ въ Дрезденѣ ²⁾, при всѣхъ перемѣнахъ въ своихъ взглядахъ, въ общемъ является все-таки послѣдовательнымъ рационалистомъ. Колебаніе и неопредѣленность его взглядовъ навлекли на него, конечно, заслуженное и справедливое замѣчаніе Шлейермахера: „Такъ лавируетъ суденышко, такъ скользитъ угорь“ ³⁾. Дѣйствительно, если и были какіе-либо положительные элементы въ ученіи и сочиненіяхъ фонъ-Амона, то они отнюдь не входили въ кругъ его постоянныхъ убѣжденій, а скорѣе находились въ связи съ ловкими салонными приемами обращенія придворнаго лица.

Въ своемъ сочиненіи „De origine et natura revelationis divinae immediatae“ Аммонъ проводитъ слѣдующую теорію откровенія и вдохновенія. Съ того времени, какъ человѣкъ началъ стремиться къ нравственному совершенству, въ его духѣ образовались и начали развиваться мысли и чувстваванія

¹⁾ Dogmat. Th. I Seit 174.

²⁾ A. Tholluck, Artikel Ammon'y Герцога I p. 341.

³⁾ So lavirt das Schifflein, so gleitet der Aal.

глубоко религіозныя. Такъ какъ, безъ нравственнаго улучшенія, человѣкъ не могъ достигнуть высшихъ религіозныхъ познаній, то имъ было приписано непосредственное происхожденіе отъ Бога. И чѣмъ болѣе увеличивалась свобода человѣка чрезъ разрушеніе оковъ физической природы, тѣмъ болѣе онъ приближался къ идеалу святости. Благородная часть человѣческой природы вознеслась, наконецъ, до такой степени совершенства, что всемогущая сила Божія стала дѣйствовать на человѣка не чрезъ чувства и физическую природу, а чрезъ его нравственное сознаніе, чрезъ прямое посредство мысли. Тогда-то человѣкъ и началъ сознавать въ себѣ присутствіе извѣстныхъ идей, которыя не могли произойти чрезъ одну работу его собственнаго духа. А такъ какъ человѣкъ хотѣлъ засвидѣтельствовать благодарность своему Благодѣтелю, то онъ чувствовалъ непреодолимое влеченіе къ сообщенію другимъ людямъ тѣхъ самыхъ чувствъ, которыми самъ былъ воодушевленъ. Такимъ-то образомъ, по мнѣнію Аммова, и утвердилось всеобщее убѣжденіе, что тѣ религіозныя истины, которыя сообщены намъ въ св. книгахъ, произошли изъ непосредственнаго Божественнаго Откровенія, что онѣ вдохновлены св. писателями отъ самого Отца свѣта ¹⁾).

На столь шаткомъ основаніи, на такой раціоналистической теоріи откровенія могло быть построено весьма неопредѣленное и ложное ученіе о вдохновеніи. Дѣйствительно, Аммонъ отвергаетъ понятіе о библейскомъ вдохновеніи, какъ особомъ чрезвычайномъ дарѣ, потому что идея божественнаго наученія и просвѣщенія приложима ко всемъ вообще человѣческимъ знаніямъ. Вдохновеніе не можетъ быть непосредственнымъ божественнымъ дѣйствіемъ, мгновеннымъ впечатлѣніемъ на духъ человѣческой. Такое вдохновеніе будто бы унижаетъ превосходство человѣческаго разума и нарушаетъ интеллектуальную и нравственную свободу человѣка. Самое равнообразіе стили св. писателей доказываетъ, что они не находились подъ непосредственнымъ руководствомъ Духа Божія. Нѣкоторые изъ св. писателей имѣли предразсудки и большія

¹⁾ De origine et natura Revelationis divinae immediatae, Göttingen. 1797 u. Entwurf einer wissenschaft. pract. Theologie. Göttingen. 1797.

слабости, какъ и мы. Другіе были склонны къ ошибкамъ, обманамъ, были исполнены политической и сектанской ненависти, какъ приверженцы современныхъ партій. Во всѣхъ книгахъ Ветхаго Завѣта, по увѣренію Аммона, находятся слѣды еврейской національной гордости, сектанскаго суевѣрія, партійной вражды и раввинскаго невѣжества. Даже ученики Христа и писатели евангелій будто бы столь же были склонны къ ошибкамъ, какъ и предшественники ихъ.

Кромѣ того въ св. книгахъ весьма нерѣдко опущено или выражено слишкомъ кратко то, что непосредственно относится къ религіи (*haud pauca ad religionem spectantia in sacris libris omitti vel brevissime delineari*) ¹⁾. Поэтому Аммонъ глубоко печалится, что такъ мало обращаютъ вниманіе и даже презираютъ занятія натуральной теологіей (*negligi immo contemni atque despici*) ²⁾. Въ кругъ этихъ мнимыхъ опущеній св. Писанія, по мнѣнію Аммона, входятъ именно положенія естественнаго богословія, а не догматическія опредѣленія (*somnia dogmatica!*) ³⁾.

Самыя писанія пророковъ и апостоловъ, продолжаетъ Аммонъ, составлялись понемногу, постепенно (*sensim*), хотя св. писатели и находились подъ нѣкоторымъ вліяніемъ Божества. „Подтверждается неопровержимыми доказательствами“, говоритъ онъ, „что собраніе книгъ обоихъ завѣтовъ произведено авторами по согласію и волѣ Божества, и что имъ на самомъ дѣлѣ подавалась помощь отъ Бога“ (*ab auctoribus ipsis ad numinis consensum et voluntatem referri iisque re vera a Deo suppeditatum esse invictis argumentis statuitur*) ⁴⁾. Трудно разобратъ въ столь неопредѣленныхъ и окутанныхъ раціоналистическимъ туманомъ выраженіяхъ Аммона. Несомнѣнно, что для него пророки и апостолы были не простые писатели (*scribae*), но именно авторы (*auctores*) св. книгъ. При написаніи св. книгъ, они только сознавали согласіе Божества (*consensum Numinis*) съ собственными мыслями, но не получали нарочитаго, особеннаго вдохновенія и просвѣщенія. Бо-

¹⁾ Von—Ammon. Summa § 7 pag. 15.

²⁾ Summa. Ibidem.

³⁾ Summa § 5 p. 10.

⁴⁾ Von—Ammon. § 8. p. 17.

жественное вліяніе на ихъ авторскую работу имѣло своимъ предметомъ собственно только содержаніе и основныя мысли (*utriusque collectiones argumentum*), но не одѣльныя слова.

При всей неопредѣленности основнаго понятія о вдохновеніи, Аммонъ однако дѣлаетъ попытку указать различныя ступени Божественнаго Откровенія и вдохновенія. Онъ располагаетъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) откровеніе естественное (*revelatio naturalis*, Псал. 19, 1; Рим. 1, 19); 2) откровеніе духовное (*revelatio spiritualis*, Исаія, 42, 1; Матѣ. 10, 20; 1 Кор. 2, 20); 3) бесѣды (*conversationes*), а) съ Богомъ (*cum Deo*, Быт. 3, 8; Исх. 3, 2); б) съ ангелами (*cum angelis*, Дѣян. 7, 53); 4) сновидѣнія (*somnia*: Быт. 28, 12; Матѣ. 1, 20); 5) уримъ и тумимъ (Исх. 28, 30; Числь 27, 21); 6) экстазь (*exstases*, Исаія 6, 1; Іер. 13, 4; Дѣян. 10, 9; 2 Кор. 12, 2—4); 7) голоса небесныя (*voces coelestes*, Матѣ. 3, 17; Дѣян. 9, 4); 8) внушеніе или вдохновеніе единичное, рѣдкое (*instinctus singularis*; Цар. 10, 10; Іоан. 11, 31, Дѣян. 2, 4; II Тим. 3, 16; II Петр. 1, 21), которое потомъ стали называть *вдохновеніемъ*, т. е. *„божественнымъ“ внушеніемъ или воодушевленіемъ* (*quem postea inspirationis h. e. adflatus divini vel εὐδουσιασμοῦ nomine celebrarunt*¹⁾). Весьма характерно именно то, что вдохновеніе (*inspiratio*) Аммонъ безъ дальнѣйшаго называетъ *внушеніемъ* („*adflatus*“). Въ словѣ „*inspiratio*“ предлогъ „*in*“ употребляется не только въ смыслѣ винительнаго падежа (*accusativus*), но и творительнаго (*ablativus*), т. е. Духъ Святой представляется дышащимъ не только *въ сердца* вдохновенныхъ людей, но и *въ сердцахъ*. Между тѣмъ слово „*adflatus*“, употребляемое Аммономъ, предполагаетъ только *совнѣ* производимое въ сердца св. людей дыханіе. А насколько низко Аммонъ цѣнилъ свое „*adflatus*“, видно уже изъ того, что онъ отождествляетъ его съ языческимъ понятіемъ *энтузіазма* (*εὐδουσιασμός*). Такъ какъ для самаго Аммона было ясно, что его понятіе о вдохновеніи имѣетъ мало общаго съ ортодоксальнымъ понятіемъ, то онъ легко утѣшаетъ себя слѣдующимъ разсужденіемъ: „Въ нашихъ символическихъ книгахъ о различныхъ способахъ этого откровенія, ничего не

¹⁾ Von—Ammon. § 9. pag. 18.

опредѣлено ясно (in libris nostris symbolicis de variis hisce revelationis modis plane nihil constitutum est)... А чего, по-видимому, недоставало, то скоро восполнила ревность богослововъ“ (supplevit tamen mox, quod deesse videbatur, sedulitas doctorum ¹⁾). Какъ бы причисляя себя къ этимъ богословамъ и желая дать болѣе глубокое понятіе о вдохновеніи, Аммонъ прибавляетъ слѣдующее странное сужденіе: „Кажется св. авторы божественное вдохновеніе, которымъ они были охвачены, относили къ прорицаніямъ, но никогда къ прозаической рѣчи и гораздо менѣе къ писаніямъ“ (auctores sacros instinctum divinum, quo sibi correpti esse videbantur *ad oracula* quidem, sed nunquam ad sermonem pedestrem, multo minus *ad scripta* retulisse ²⁾). Эти слова—лучшая характеристика замаскированного невѣрія Аммона. Выраженіемъ „кажется“ вдохновенію, или, по терминологіи Аммона, неопредѣленному божественному инстинкту (instinctus) приписывается только субъективная, а не объективная достовѣрность. Связная, послѣдовательная рѣчь св. писателей и вообще то, что ими написано (=sermo pedestris+scripta) исключаются изъ области этого божественнаго инстинкта. Остаются, слѣдовательно; первоначальные элементы проповѣди апостоловъ и пророковъ, которые Аммонъ и характеризуетъ языческимъ словомъ: „*oracula*“. Но и здѣсь апостолы и пророки были предоставлены самимъ себѣ (suo arbitrio fuisse relictos), т. е. писали по собственной отвѣтственности ³⁾.

Къ числу рационалистическихъ теорій вдохновенія св. Писанія относится и теорія *Иоганна Готфрида Гердера* (1744—1803). Гердеръ всего болѣе обращалъ вниманіе на поэтическія черты Библии. Въ своемъ замѣчательномъ трудѣ „*о еврейской поэзіи*“ онъ весьма часто высказываетъ свое восхищеніе предъ поэтическими картинами древней восточной жизни и исторіи. Всѣ тѣ, которые лишаютъ св. Писаніе восточной яркости красокъ и теплоты чувствъ, навлекаютъ на себя негодованіе Гердера. Онъ осуждалъ Михаелиса за его критику почтенныхъ и благодаренныхъ книгъ. Критическіе труды ра-

¹⁾ Von—Ammon. § 10, pag. 20.

²⁾ Ibidem § 12, p. 24.

³⁾ Ibidem.

ціоналистовъ онъ сравнивалъ съ выжатымъ лимономъ, а въ Библии, которую они предлагали, не находилъ „ничего, кромѣ сухой скорлупы“. Онъ совершенно отвергалъ научное чтеніе Библии и съ жаромъ доказывалъ, что простое, довѣрчивое чтеніе ея дѣлаетъ насъ болѣе близкими къ Богу. Мы должны призвать на помощь всю силу своего воображенія, чтобы представить себѣ и понять живыя сцены восточной жизни, нарисованныя въ боговдохновенныхъ книгахъ. Все множество многоученныхъ критиковъ новѣйшихъ классовъ не способны къ правильному пониманію св. книгъ. Они думаютъ однимъ почеркомъ пера лишить Библию ея поэтическихъ красотъ, тогда какъ ихъ нужно еще болѣе возвышать, какъ полезныя и наглядныя для жизни послѣдующихъ поколѣній. По мнѣнію Гердера, большинство рационалистовъ не обладаетъ въ должной мѣрѣ воспримчивостью къ дивнымъ красотамъ библейской поэзіи, безъ которой не возможно правильное пониманіе языка и ученія св. книгъ. Рационалисты, слѣдовательно, не имѣютъ достаточно средствъ для вѣрнаго сужденія о Библии: только хорошій поэтъ дѣлается хорошимъ экзегетомъ.

Однако, болѣе тщательная оцѣнка взглядовъ и сужденій Гердера приводитъ къ заключенію, что онъ любилъ Библию не потому, что почиталъ ее книгою боговдохновенною, а потому, что видѣлъ въ ней высшее, древнѣйшее и безыскусственное поэтическое произведеніе Востока. Въ лицѣ Гердера предъ нами выступаетъ тотъ же рационализмъ, только облеченный въ идеальную греческо-гуманистическую одежду. Свой взглядъ на Библию Гердеръ высказываетъ въ слѣдующей евіонитической формулѣ: *„Библия есть самая человѣческая, изъ всѣхъ книгъ; поэтому читать ее должно по-человѣчески“* (die Bibel sey „das menschlichste aller Bücher, daher müsse man sie menschlich lesen“).¹⁾ Гердеръ рѣшительно отвергаетъ мысль, что по своей внѣшней формѣ, по своему содержанію Библия отличается отъ обыкновенныхъ поэтическихъ произведеній. Осмысливая вербальныя теоріи вдохновенія, Гердеръ называетъ „низменнымъ образомъ мысли темныхъ временъ“ такое пред-

¹⁾ Herder. Briefe über das Studium der Theologie; Werke, zur Theologie, IX. Seit 1. 4.

ставленіе, когда вдохновенный св. Духомъ писатель изображается „органной трубой, которая издаетъ звуки чрезъ дуновение, или пустой машиной, лишенной всякой мысли“ ¹⁾.

Собственно говоря, Гердеръ не имѣлъ намѣренія совершенно разушать боговдохновенный авторитетъ Библіи, а только пытался представить Библию книгою чисто человѣческой, такъ сказать, гуманизировать ее. Но при этомъ онъ совершенно забывалъ, что „человѣческое“ (humanum) настолько неразрывно соединено въ св. Писаніи съ „божественнымъ“ (divinum), что раздѣленіе ихъ невозможно. Поэтому всякій ортодоксальный богословъ можетъ только улыбаться, видя, какъ Гердеръ, вмѣсто надлежащаго рѣшенія труднѣйшей проблемы о взаимномъ отношеніи страдательнаго и дѣятельнаго начала въ актѣ вдохновенія, извращаетъ эту проблему подъ многоразличными формами и доводитъ ее до совершеннѣйшей карикатуры ²⁾. Еще болѣе странно, что Гердеръ изрекаетъ свою рационалистическую анафему на всякаго богослова, который бы рѣшился возстановить старое ортодоксальное ученіе о благодатныхъ дѣйствіяхъ св. Духа ³⁾. Съ жалкою самоувѣренностью онъ утверждаетъ, будто такое ученіе теперь могутъ проповѣдовать только энтузіасты и мечтатели ⁴⁾. Какъ неразумны и безуспѣшны старанія Гердера объяснить образованіе „непостижимаго во вдохновеніи“! Онъ увѣряетъ, будто каббалистическія идеи вызвали представленія о св. Писаніи, какъ о „нѣкоторомъ связаномъ цѣдомъ“; потому эти идеи были распро-

¹⁾ Herder. Briefe über das Studium der Theol. Werke, IX, Seit 4. 5. „Das Buch sey nicht im Himmel, nicht von Engeln geschrieben; der ganze Streitplan, wenn man ihn so fasse, sey Beengrund; Luther habe sich mit solchen bleiernen Stupiditäten nicht befasst; das seyen faule Sümpfe von Nonsens.“ Vom Geiste der Christenthums; Werke zur Theologie, XII, 6. 106. Eine niedrige Denkart dunkler Zeiten habe beliebt, die vom Geist Getriebenen als eine Orgelpfeife vorzustellen, durch welche der Wind blies, eine hohle Maschine, der alle eignen Gedanken entnommen“. Das. S. 108. Moses, dieser alte Drako. Deborahs republikanisch—taktisches Siegeslied“.

²⁾ Vom Geiste des Christenthums; Werke zur Theologie. XII. Seit 109. „In den Propheten nicht derselbe fremde Leiermann, der jetzt unter solchen, jetzt unter andern Namen sein Lied spielet“. Ibidem Seit III. „Unter der Maske eines einhauchenden Geistes lasse sich nichts erklären“.

³⁾ Vom Geiste des Christenthums; Werke zur Theologie XII, 132.

⁴⁾ Vom Geiste des Christenthums; Werke zur Theologie XII, 131.

странены александрийскою философіей и закрѣплены въ христіанствѣ. Во время споровъ съ ересями весьма часто ссылались на св. Писаніе. Съ наступленіемъ мрака среднихъ вѣковъ, ученіе о вдохновеніи было утверждено весьма прочно, пока, наконецъ, схоластика не приложила къ нему свою печать ¹⁾. Въ сущности теорія Гердера подрываетъ всякое библейское понятіе о вдохновеніи. Съ одной стороны, Гердеръ утверждаетъ, что слово Божіе ничто иное, какъ свѣтъ и разумъ, потому что даже для евреевъ духъ и слово были одно; съ другой,—что св. Духъ, обѣщанный Христомъ своимъ ученикамъ, есть только Его ученіе, воспоминаніе о Немъ! ²⁾ Еще одинъ шагъ, и совершенное невѣріе могло явиться предъ нами, облеченное въ свою одежду полуязыческаго гуманизма или даже безъ нея. Дѣйствительно, Гердеръ училъ, что св. книги Ветхаго и Новаго Завѣта содержатъ въ себѣ исторію чисто человѣческой религіи, въ которой религіозныя идеи облечены въ поэтическіе образы. И какъ религія Гердера была чисто гуманистическая, такъ Христосъ былъ для него только чело́вкомъ въ идеальномъ смыслѣ, поставленнымъ Богомъ въ центрѣ міровой исторіи.

При всеобщемъ распространеніи и господствѣ рационалистическихъ идей, въ началѣ XIX вѣка стали появляться отдѣльныя монографіи о вдохновеніи св. Писанія, составленныя въ духѣ того времени. Въ качествѣ образца можно указать на монографію *Д. Фридр. Н. Зоннтага*, подъ заглавіемъ: „*Doctrina inspirationis ejusque ratio, historia et usus popularis*“. *Heidelbergae 1810*. Съ гордымъ побѣднымъ веселіемъ говоритъ этотъ увѣнчанный преміей ученикъ гейдельберскаго университета о низверженіи супранатурализма, столь глубоко укоренившегося и такъ долго господствовавшаго въ Германіи ³⁾. Съ рѣдкимъ смѣшеніемъ разнородныхъ идей, Зоннтагъ понимаетъ подъ вдохновеніемъ всякія дѣйствія Божественнаго Духа въ теистическомъ, пантеистическомъ и даже политеистическомъ смыслѣ. Вдохновеніе, по ученію Зоннтага, есть вѣчный актъ,

¹⁾ Vom Geiste des Christenthums. Werke der Theologie. Seit 112—116, 127.

²⁾ Ibiem. Werke. zur Theologie. XII. 135—136.

³⁾ Seit 157.

посредствомъ котораго Богъ, какъ бы удѣляя Себя Самому людямъ, открываетъ Себя божественной природѣ ихъ. Вдохновеніе можно назвать вѣчнымъ актомъ, потому что въ природѣ все вѣчно, но можно назвать и временнымъ актомъ, если имѣть въ виду самихъ вдохновляемыхъ людей ¹⁾. Въ ученіи о вдохновеніи нужно избѣгать двухъ опасностей: во-первыхъ, чтобы не впасть въ крайности супранатуралистовъ; во-вторыхъ, чтобы не разбиться о скалы фанатизма. Вдохновеніе, продолжаетъ Зоннтагъ, не есть актъ сверхъестественный, потому что Богъ не нарушаетъ и не дозволить нарушить тѣ самые законы, которые установлены Имъ Самимъ. Это совершенно согласно съ существомъ Бога, Который все производитъ вѣчнымъ и необходимымъ актомъ. Но вдохновеніе нельзя назвать и натуральнымъ актомъ, потому что такое сужденіе легко понять въ ложномъ смыслѣ. Скорѣе вдохновеніе можно назвать актомъ божественнымъ ²⁾.

Люди, которые получаютъ благодать вдохновенія, живутъ въ Богѣ и Богъ—въ нихъ. Нѣкоторые изъ нихъ называются сынами Бога, соучастниками вѣчнаго небснаго царства, людьми возрожденными свыше. Тотъ, кто вдохновенъ Божественною Силою, какъ бы перемѣняется въ другого человѣка, освобождается отъ всѣхъ тѣлесныхъ и земныхъ свойствъ, такъ сказать, отрѣшается отъ самого себя и предается всецѣло Духу Божію. Однако это не есть необходимое условіе вдохновенія, чтобы Духъ Божій восхищалъ вдохновляемыхъ людей въ изступленіе или же пользовался ими, какъ бездушными органами. Душа, находящаяся въ дѣйствительномъ общеніи съ Божественнымъ Духомъ, совершенно свободна отъ подобнаго экстаза. Совершеннѣйшая гармонія мыслей и истинное счастье царствуютъ въ душѣ вдохновеннаго человѣка, потому что вся она бываетъ восхищена отъ земли къ небу. Такого вдохновенія никто не можетъ достигнуть ни возбужденнымъ изступленіемъ, ни укрощеніемъ тѣла, ни воздержаніемъ отъ пищи ³⁾.

¹⁾ *Doctrina inspirationis ejusque ratio, historia et usus popularis. Heidelbergae. 1810 p. 178.*

²⁾ G. Fr. N. Sonntag. *Doctrina inspirationis. p. 179.*

³⁾ G. Fr. N. Sonntag. *Doctrina inspirationis. p. 180.*

Благодать вдохновенія, по ученію Зоннтага, простирается на всѣхъ достойныхъ людей и на всѣ возрасты. Онъ рѣшительно возстаетъ противъ той мысли, будто божественное вдохновеніе имѣло мѣсто только въ исторіи одного народа и притомъ только въ извѣстныя вѣка. Писаніе и разумъ будто бы согласно свидѣтельствуютъ, что тотъ, кто сознаетъ въ себѣ Бога, можетъ вдохновляться Божественнымъ Духомъ. Если же допустить, что благодать вдохновенія оставила людей во всѣ послѣдующіе вѣка, тогда мы должны отвергнуть всякую возможность и способность людей къ познанію Бога ¹⁾.

Изъ критеріевъ, на которыхъ основывается вдохновеніе св. Писанія, Зоннтагъ особенное значеніе придаетъ положительному свидѣтельству самого содержанія св. книгъ ²⁾.

XI.

Протестъ ортодоксіи (Гаманнъ, Гармсъ).

Среди множества раціоналистовъ, отрицавшихъ не только боговдохновенность, но и обыкновенную историческую достоверность св. книгъ, находились однако богословы, которые пытались возстановить старыя ортодоксальныя взгляды на Библію. Изъ такихъ богослововъ извѣстны въ XVIII вѣкѣ Гаманнъ, въ XIX—Гармсъ.

Иоганнъ Георгъ Гаманнъ (1730—1788), пользовавшійся за свои громадныя познанія и выдающіяся способности у современниковъ названіемъ „мага сѣвера“, былъ однимъ изъ выдающихся философовъ, богослововъ и филологовъ Германіи. Гаманнъ училъ, что Духъ Божій производитъ въ сердцахъ вдохновенныхъ людей неизреченныя дыханія и невыразимыя образы. Каждый рассказъ библейской исторіи есть боговдохновенное пророчество, которое относится ко всѣмъ вѣкамъ и исполняется въ душѣ каждого человѣка. Каждое слово, вышедшее изъ устъ Божіихъ, есть дивное соединеніе душевныхъ мыслей и чувствованій. Слово Божіе отличается отъ всѣхъ человѣческихъ произведеній именно своимъ чудеснымъ происхожденіемъ чрезъ божественное вдохновеніе. Поэтому-то оно

¹⁾ G. Fr. N. Sonntag. Doctrina inspirationis. p. 180.

²⁾ Ibidem pag. 181.

есть какъ бы пробный тончайшій камень всякой человѣческой критики, „тогда какъ всѣ научные методы—это только ходули и костыли для разума ¹⁾).

Другой извѣстный поборникъ за возвращеніе къ преданіямъ старой лютеранской ортодоксіи былъ *Клаусъ Гармсъ* (1778—1855). Онъ составилъ себѣ славу изданіемъ девяносто пяти тезисовъ, въ которыхъ пытался свергнуть разумъ съ того трона, на который онъ былъ возведенъ раціоналистами, и подчинить его вѣрѣ ²⁾.

Для исторіи ученій о вдохновеніи Библии не лишены значенія тѣ изъ тезисовъ Гармса, въ которыхъ онъ опредѣляетъ отношеніе разума къ Божественному Откровенію.

Въ III тезисѣ Гармсъ рѣшительно, но совершенно справедливо изображаетъ опустошенія, произведенныя раціонализмомъ въ области вѣры. „По идеѣ развитія реформаци“, говоритъ онъ, „въ той формѣ, какъ эту идею понимаютъ въ настоящее время, и какъ мы ее представляемъ себѣ, лютеранство должно преобразоваться въ язычество и изгнать христіанство изъ міра“ ³⁾.

Въ IX тезисѣ изображается господство разума и совершенная свобода совѣсти въ религіозно-нравственной области. „Какъ въ предметахъ вѣры разумъ, такъ по отношенію къ жизни—совѣсть могутъ быть названы папами нашего вѣка“.

Въ XVII тезисѣ Гармсъ указываетъ истинное призваніе разума и совѣсти въ томъ, чтобы съ благоговѣніемъ читать и принимать все то, что Духъ Святой отрылъ намъ въ словѣ Божіемъ.

Въ XXXII тезисѣ произносится смертный приговоръ надъ раціонализмомъ: „Такъ называемая религія разума лишена или разума или вѣры или обоихъ вмѣстѣ“.

Въ XCIV тезисѣ, въ противоположность самодержавному

¹⁾ I. G. Hamann. Schriften. Изд. Fr. Roth. Theil I (Berl. 1821). Seit 218. 50. 76. 91. 85. 118.

²⁾ Полное заглавіе этихъ тезисовъ: „Das sind die 95 Theses oder Streitsätze Luthers... und mit andern 95 Thes. als mit einer Uebersetzung aus 1517—1817. begleitet“. Kiel. 1817.

³⁾ 95 тезисовъ Гармса изданы въ Книгѣ (Kiel, Akad. Buchhandlung 1817) и въ его биографіи (Kiel. 1851. Beilage II p. 229).

господству разума и необузданной свободѣ совѣсти, указывается истинное основаніе лютеранской ортодоксіи въ словѣ Божіемъ ¹⁾).

Появленіе тезисовъ Гармса, составленныхъ въ духѣ ортодоксіи XVII вѣка, произвело необыкновенную сенсацію среди богослововъ и общества Германіи. Рѣдко какая-либо богословская тема производила такое возбужденіе въ ученыхъ кругахъ, какъ тезисы Гармса. Болѣе двухсотъ полемическихъ сочиненій было написано противъ тезисовъ Гармса. Не только среди богослововъ различныхъ партій, но даже въ частныхъ семействахъ вспыхнули раздѣленіе и вражда. Гармса обвиняли въ совершеніи неслыханнаго преступленія противъ лютеранства, даже въ служеніи планамъ самого сатаны!

На самомъ же дѣлѣ своими тезисами Гармсъ задержалъ, хотя только отчасти, на время дальнѣйшее развитіе отрицательныхъ теорій происхожденія Библии. Св. Писаніе въ этихъ тезисахъ изображается какъ „γραφὴ καθ' ἑαυτήν“, какъ *абсолютная истина, происшедшая отъ Духа истины*. Напротивъ, разумъ лишается своего верховнаго превосходства и объявляется врагомъ боговдохновеннаго слова Божія, коль скоро онъ не подчиняется вѣрѣ.

Д. С. Леонардовъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Opav. Kahnis. K. F. A. Der innere Gang des deutschen Protestantismus seit Mitte des vorigen Jahrhunderts. Leipzig. 1854.

Признавалъ ли Кантъ бытіе вещей въ себѣ?

(Окончаніе *).

II.

Гносеологическій анализъ познанія показалъ, что вся совокупность познаній раздѣляется на двѣ совершенно различныя части—познаніе апріорное—независимое отъ всякаго опыта—и апостеріорное—такое, которое возникаетъ въ процессѣ опыта. Гносеологическая дедукція установила степень и условіе правомѣрности того и другого вида познанія, но она не касалась процесса возникновенія (генезиса) ихъ,—какъ апріорное, такъ и апостеріорное познаніе въ гносеологическомъ отношеніи разсматривались какъ данныя. Генезисъ познанія есть задача психологическаго анализа. Объясненіе апріорнаго познанія съ его *психологической стороны* затрудненій не представляетъ—формы этого познанія (чистыя созерцанія и чистыя понятія) возникаютъ въ силу самодѣтельности познающаго субъекта и вполне объяснимы изъ нея. Но апостеріорное познаніе не есть результатъ одной самодѣтельности субъективныхъ познавательныхъ силъ (которая, правда, входитъ въ него); если бы дѣло было такъ, то апостеріорное познаніе ничѣмъ бы не отличалось отъ апріорнаго. Между тѣмъ апостеріорное познаніе потому именно и отличается отъ апріорнаго, что въ немъ къ чистымъ формамъ присоединяется опытное содержаніе—ощущеніе, образующее въ рамкахъ этихъ формъ эмпирическое созерцаніе, которое потомъ, вслѣдствіе

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 11.

самодѣятельности разсудка, становится объективнымъ воспріятіемъ. Что же составляетъ причину и условіе возникновенія ощущенія, какъ отличительнаго свойства апостеріорнаго познанія? Кантъ опредѣляетъ ощущеніе, какъ „дѣйствіе предмета на способность представленія, поскольку этотъ предметъ на насъ дѣйствуетъ“¹⁾. Слѣдовательно, психологическое возникновеніе ощущеній, въ силу такого опредѣленія ихъ, приписывается какому то постороннему воздѣйствію на чувственность, какъ способность воспримчивости. Вотъ основа, на которой покоится утвержденіе Канта, что для психологическаго объясненія апостеріорнаго познанія мы должны предполагать объекты, воздѣйствующіе на нашу чувственность,—чувственное познаніе, по словамъ Канта, возможно въ этомъ отношеніи „только потому, что способность представленія субъекта воспринимаетъ воздѣйствіе отъ объекта“²⁾. Этотъ объектъ, воздѣйствуя на чувственность, тѣмъ производитъ явленіе, какъ непосредственный предметъ познанія; самъ онъ, слѣдовательно, не есть явленіе, а существуетъ въ себѣ. Такъ развивается на психологической основѣ ученіе о вещи въ себѣ. Такъ какъ психологическій элементъ въ „критикѣ чистаго разума“ занимаетъ второстепенное и (въ большинствѣ случаевъ) случайное мѣсто, то такая форма ученія о вещи въ себѣ нигдѣ не излагается прямо и непосредственно, но вставляется отдѣльными положеніями въ различныхъ мѣстахъ „Критики“ (въ общемъ—немногихъ), гдѣ къ тому представляется поводъ. Въ качествѣ примѣровъ, кромѣ приведенныхъ цитатъ изъ трансцендентальной эстетики, можно указать на слѣдующія мѣста: безъ предположенія объектовъ въ себѣ „слѣдоваль бы нелѣпный выводъ, что существуетъ явленіе безъ того, что въ немъ является“ (Предисл. ко 2 изд. стр. 15); „считая, какъ и слѣдуетъ, предметы чувствъ за простыя явленія, мы, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ признаемъ, что въ основѣ ихъ лежитъ вещь сама по себѣ, хотя мы познаемъ не ее саму, а только ея явленіе, т. е. способъ, какимъ это неизвѣстное нѣчто дѣйствуетъ на наши чувства“ (Прологомены. Стр. 91 и др.).

¹⁾ Кр. ч. р. Стр. 49.

²⁾ Кр. ч. р. Стр. 73.

Въ отношеніи этой формы ученія Канта о вещи въ себѣ представляется вопросъ, считаетъ ли Кантъ психологическое предположеніе объекта въ себѣ, какъ причины воспріятій, имѣющимъ объективное значеніе, или же только субъективное. Форма выраженій, въ которыхъ Кантъ говоритъ о вещи въ себѣ, какъ причинѣ ощущеній, въ однихъ случаяхъ такова, что позволяетъ думать, что Кантъ признаетъ объективное значеніе за разсматриваемымъ понятіемъ (объектъ дѣйствительно существуетъ и воздѣйствуетъ на чувственность—по преимуществу въ трансцендентальной эстетикѣ), въ другихъ—напротивъ—выдвигаетъ на первый планъ допустимость и неизбежность понятія о вещи въ себѣ, какъ причинѣ ощущеній („представленіе такихъ сущностей, лежащихъ въ основѣ явленій, т. е., чистыхъ умственныхъ сущностей, не только допустимо, но и неизбежно“—цитирован. стран. 91 пролегоменъ). Если мы приложимъ къ данному понятію общій кантовскій критерій объективности, то, конечно, изъ этого понятія нельзя будетъ вывести существованія объектовъ въ себѣ,—„быть“—не есть предикатъ, который можно аналитически вывести изъ понятія, это положеніе вещи или извѣстныхъ опредѣленій ея ¹⁾, обусловленное функціей синтетическаго единства апперцепціи и данностію вещи или ея опредѣленій въ созерцаніи (временномъ или пространственномъ), какъ условіемъ самого трансцендентальнаго синтеза. Понятіе объ объектѣ въ себѣ не удовлетворяетъ этимъ условіямъ, такъ какъ объектъ въ себѣ никогда не можетъ быть созерцаніемъ. Независимо отъ этого, съ точки зрѣнія Кантовой гносеологіи никакъ не можетъ быть допущено приложеніе категоріи причинности къ вещамъ въ себѣ, такъ какъ всѣ категоріи могутъ быть прилагаемы только къ опыту. Въ критикѣ четвертаго парадоксизма трансцендентальной психологіи (по 1 изданію, стр. 648—651). Кантъ, между прочимъ, даетъ спеціальное выясненіе невозможности признавать за понятіемъ о вещахъ въ себѣ, какъ причинахъ нашихъ воспріятій, объективное значеніе. Когда на воспріятіе, говоритъ Кантъ, смотрятъ какъ на дѣйствія, которыя выз-

¹⁾ Ср. вр. ч. раз. стр. 429.

ваны въ насъ ихъ предметами, какъ вещами въ себѣ, находящимися внѣ насъ, то въ этомъ случаѣ умозаключаютъ отъ даннаго дѣйствія къ опредѣленной причинѣ ¹⁾. „А заключеніе отъ даннаго дѣйствія къ опредѣленной причинѣ его всегда непрочное, ибо дѣйствіе можетъ возникать и не изъ одной только причины. Поэтому въ отношеніи воспріятій къ ихъ причинѣ всегда остается сомнительнымъ, внутренняя ли это причина, или внѣшняя, и всѣ эти такъ называемыя внѣшнія воспріятія не игра ли только нашего внутренняго чувства, или же относятся къ внѣшнимъ дѣйствительнымъ предметамъ, какъ къ своимъ причинамъ“ ²⁾. Понятіе о вещахъ въ себѣ, какъ причинахъ воспріятій, допустимо и неизбежно, но безъ права на объективную реальность, вотъ, слѣдовательно, принципиальное отношеніе Канта къ психологическому предположенію объектовъ въ себѣ, какъ причинъ воспріятій. Что же касается тѣхъ случаевъ, когда Кантъ, повидимому, говоритъ о вещи въ себѣ, какъ причинѣ воспріятій, въ объективномъ смыслѣ (какъ въ эстетикѣ), то возможно понимать такія выраженія примѣнительно къ общему смыслу принципиальнаго отношенія Канта къ разсматриваемому психологическому предположенію и видѣть въ нихъ неточность языка (опущеніе ограничительнаго условія „въ понятіи“).

Такое рѣшеніе вопроса о дѣйствительности объектовъ нашихъ воспріятій, какъ вещей въ себѣ, не приводитъ Канта къ эмпирическому идеализму, признанію всего нашего внѣшняго опыта и внѣшнихъ воспріятій, призрачными (игрою внутренняго чувства). Напротивъ, Кантъ (въ критикѣ 4-го параграфа (1 изд.) и въ опроверженіи идеализма (2 изд.)) очень ясно настаиваетъ, что его трансцендентальный идеализмъ признаніе апріорности формъ ввѣшняго опыта—пространства и времени—и основъ его объективности—категорій—никогда не переходитъ въ идеализмъ эмпирической. Кантъ, напротивъ, утверждаетъ, что эмпирически—онъ реалистъ, т. е., признаетъ за внѣшней матеріей, какъ явленіемъ, непосредственную дѣйствительность, только онъ понимаетъ внѣшніе предметы, со-

¹⁾ Стр. 646.

²⁾ Стр. 643.

образно съ своимъ ученіемъ объ идеальности пространства и времени, не въ трансцендентальномъ смыслѣ (какъ вещи въ себѣ, отдѣльно отъ насъ существующія)—въ такомъ смыслѣ ихъ и невозможно понимать, потому что пространство—только представленіе и „внѣ насъ“ собственно есть въ насъ же, только понимаемое какъ „внѣ“—но въ смыслѣ эмпирически-внѣшнихъ предметовъ. Мы не измышляемъ сами себѣ ощущеній и воспріятій въ пространствѣ и времени, но дѣйствительно имѣемъ эти воспріятія и ощущенія. „Всякое внѣшнее воспріятіе, слѣдовательно, непосредственно доказываетъ нѣчто дѣйствительное въ пространствѣ или скорѣе оно само есть дѣйствительность“¹⁾, такъ какъ реальное въ нашихъ явленіяхъ дѣйствительно только въ воспріятіи и никакимъ другимъ способомъ дѣйствительнымъ быть не можетъ. Даже болѣе,—въ опроверженіи идеализма (2 изд. стр. 196—199) Кантъ доказываетъ, что дѣйствительность внѣшняго опыта (пространственныхъ воспріятій) необходима для возможности опыта внутренняго: послѣдній совершается во времени, а всякое опредѣленіе времени предполагаетъ нѣчто устойчивое въ воспріятіяхъ и именно въ пространственныхъ, такъ какъ въ смѣнахъ времени нѣтъ ничего устойчиваго; само же время воспринимается быть не можетъ (слѣдовательно, не можетъ быть и устойчивымъ); не можетъ имѣть значенія устойчиваго для опредѣленій времени и сознаніе себя самого въ представленіи „я“, потому что оно, какъ интеллектуальное, не есть созерцаніе. Только внѣшній опытъ, т. е., дѣйствительное пространственное представленіе внѣшнихъ вещей, обуславливаетъ возможность внутренняго опыта (во времени), т. е., эмпирически опредѣленнаго сознанія моего собственнаго существованія.

Познаніе въ гносеологическомъ отношеніи изслѣдовалось со стороны его возможности и правомѣрности; въ психологическомъ—со стороны его генезиса. Но кромѣ гносеологической и психологической возможна еще одна точка зрѣнія на познаніе,—точка зрѣнія идеальная, обнимающая разсудочное познаніе во всемъ его цѣломъ, во всей его совокупности. Эта точка

¹⁾ Кр. чист. р. Стр. 648.

зрѣнія принадлежитъ разуму. Участіе разума въ познаніи, говоря вообще, состоитъ въ объединеніи разсудочнаго познанія; подобно тому, какъ гносеологическая функція разсудка логически выражалась въ сужденіяхъ, такъ и объединительная функція разума, какъ способности принциповъ, выражается, въ его логическомъ примѣненіи, въ умозаключеніяхъ, значеніе которыхъ вообще въ томъ, что въ нихъ частное, посредствомъ понятій, познается въ общемъ, подъ которое оно подводится, или въ принципѣ („умозаключеніе разума есть форма выведенія познанія изъ принципа“¹⁾). Объединяя частныя познанія въ общихъ принципахъ, разумъ никогда не можетъ остановиться на положеніяхъ сравнительно общихъ, но постоянно стремится къ такимъ принципамъ, которые уже не допускаютъ высшихъ (по общности), но всецѣло объединяютъ все частное познаніе, т. е., разумъ всегда ищетъ „безусловнаго для обусловленнаго разсудочнаго познанія, чтобы единство его было законченнымъ“²⁾. Въ такомъ стремленіи къ безусловному разумъ необходимо предполагаетъ, что если дано обусловленное, то дается (т. е. заключается въ предметѣ и его соединеніи) и весь рядъ его условій, который самъ безусловенъ. Какъ въ основѣ сужденій—логическихъ функцій разсудка—лежали чистыя разсудочныя понятія—категоріи, такъ и въ основѣ умозаключеній—логическихъ функцій разума—лежатъ чистыя понятія разума—идеи, на основаніи которыхъ и происходитъ объединеніе въ разумѣ разсудочнаго познанія. Такъ какъ разумъ въ своей дѣятельности стремится къ безусловному, которое никогда не можетъ быть дано въ опытѣ, поскольку послѣдній всегда условенъ, то идеи разума, какъ безусловныя принципы (понятія о безусловной цѣлокупности условій къ данному обусловленному³⁾), превышаютъ возможность опыта. Идеи разума, будучи вообще принципами безусловнаго, различаются смотря потому, къ какому рода обусловленному они подыскиваютъ безусловное. Поэтому въ разумѣ существуютъ: 1) идея безусловнаго по отношенію къ субъекту, 2) идея бе-

¹⁾ Кр. ч. р. стр. 250.

²⁾ Кр. ч. р. стр. 255.

³⁾ Кр. ч. р. стр. 263—4.

зусловнаго по отношенію къ разнообразному объекта въ явленіи, 3) идея безусловнаго по отношенію ко всѣмъ вещамъ вообще. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ разумъ стремится къ безусловному синтетическому единству всѣхъ условій вообще и въ трансцендентальномъ примѣненіи своихъ идей создаетъ раціональную психологію, раціональную космологію и трансцендентальную теологію.

Изложенныя положенія составляютъ исходныя начала второго положительнаго отвѣта Канта на вопросъ о существованіи вещей въ себѣ (именно, какъ причины міра явленій въ его цѣломъ). Это положительное рѣшеніе развивается на основѣ второй—космологической—идеи слѣдующимъ образомъ.

Міръ явленій данъ въ эмпирическомъ познаніи какъ обусловленный (по категоріямъ) во всѣхъ отношеніяхъ синтезъ явленій, т. е., 1) какъ агрегатъ въ пространствѣ, всѣ части котораго являются границами (слѣдовательно, условіями) другъ друга, и какъ рядъ во времени, каждый моментъ котораго обусловленъ всѣми предыдущими и въ свою очередь обуславливаетъ моменты послѣдующіе, 2) какъ матерія, обусловленная суммою всѣхъ своихъ частей, 3) какъ безконечная цѣпь причинъ и слѣдствій, каждое звено которой обусловлено въ отношеніи къ предыдущему и послѣдующему причинной связью, 4) какъ синтезъ случайныхъ по своему существованію элементовъ, обусловленныхъ причинностью внѣшней. Для разсудка такая всеобщая обусловленность міра явленій не представляется во всей своей цѣлости, такъ какъ онъ только создаетъ фактъ познанія, но для разума, который обнимаетъ разсудочное познаніе во всемъ его цѣломъ съ цѣлію объединенія по идеямъ, какъ принципамъ безусловной цѣлокупности условій, міровая обусловленность открывается вполне и всецѣло. Разумъ ищетъ: 1) безусловной законченности міра, какъ агрегата въ пространствѣ и какъ ряда во времени, 2) безусловной законченности матеріи міра въ простыхъ субстанціяхъ, не разложимыхъ на части, 3) безусловной законченности цѣпи эмпирической причинности, 4) безусловнаго существованія, какъ необходимого завершения ряда міровыхъ условій. Но ни въ какомъ отношеніи разумъ не находитъ въ мірѣ безусловнаго.

Причина этого въ томъ, что міръ—только совокупность явленій (представленій), возникающихъ въ качествѣ элементовъ эмпирическаго синтеза. Поэтому въ мірѣ, какъ данномъ обусловленномъ, этимъ не дается еще вся полнота его условій (безусловное), а только *задается*, т. е., отъ каждаго условія задается переходъ къ другому условію въ неопредѣленную даль, возможный по мѣрѣ продолженія эмпирическаго синтеза. Отсюда—не можетъ быть и рѣчи о цѣлокупности условій въ синтезѣ міровыхъ явленій; послѣдняя была бы возможна только при объективномъ, независимомъ отъ эмпирическаго синтеза, существованіи міра, т. е., въ томъ только случаѣ, если бы міръ былъ вещью въ себѣ, а не явленіемъ. Поэтому въ стремленіи разума найти безусловное для міра, какъ обусловленнаго, въ немъ же самомъ, нужно признать діалектическое заблужденіе разума. Это заблужденіе вовлекаетъ разумъ въ безысходныя противорѣчія (антиноміи) разума съ самимъ собой: слѣдуя своимъ идеямъ, онъ утверждаетъ безусловное въ мірѣ (въ указанныхъ четырехъ отношеніяхъ), слѣдуя разуму, онъ долженъ съ такимъ же правомъ отрицать существованіе въ мірѣ безусловнаго (въ двухъ послѣднихъ отношеніяхъ) или объявлять, что міръ безусловенъ во всей своей цѣлокупности, т. е., безконеченъ (въ двухъ первыхъ отношеніяхъ). Послѣднее утвержденіе разума также не можетъ быть приложено къ міру, какъ явленію,—въ качествѣ явленія, міръ не можетъ быть ни конечнымъ, ни безконечнымъ, такъ какъ онъ не данъ во всей своей совокупности, а возникаетъ по мѣрѣ продолженія эмпирическаго синтеза. Слѣдовательно, тезисъ и антитезисъ первыхъ двухъ антиномій (относительно міра, какъ величины въ пространствѣ и времени и какъ матеріи)—оба ложные и не могутъ быть иными, такъ какъ рассматриваютъ міръ, какъ цѣлое (слѣдовательно, въ идеѣ); по категоріи величины, непременно требующей синтеза однородныхъ элементовъ,—міръ, какъ явленіе никогда не можетъ быть однороднымъ съ міромъ, какъ цѣлымъ, и соединенъ съ нимъ по категоріи величины. Двѣ послѣднихъ антиноміи (называемыя Кантомъ въ противоположность первымъ—математическимъ динамическими) рассматриваютъ міръ по категоріи

причинности (по взаимоотношенію элементовъ міра и вытекающей изъ этого взаимоотношенія условности ихъ существованія). Синтезъ по категоріи причинности не требуетъ однородности соединяемыхъ элементовъ, и потому здѣсь Кантъ находитъ возможнымъ примирить идею безусловнаго съ условностію міра, какъ явленія. Въ причинномъ отношеніи условность міра состоитъ въ томъ, что каждое состояніе соединяется съ предшествующимъ ему въ силу правила, по которому оно слѣдуетъ изъ него съ необходимостью. Такъ какъ общая форма, въ которой существуетъ міръ, какъ явленіе, есть время и сама причинность явленій основывается на условіяхъ времени (по второй аналогіи опыта), то предшествующее состояніе (причина), если бы оно существовало всегда, не производило бы никакого дѣйствія, которое возникаетъ во времени (*совершается*); слѣдовательно, и сама причина возникаетъ во времени, т. е., стоитъ въ причинной связи съ предшествующимъ ей состояніемъ и т. д. Такова условная міровая причинность. Идея безусловнаго, приложенная къ міру въ причинномъ отношеніи, требуетъ для міра причинности безусловной, т. е., такой, по которой состояніе начиналось бы *изъ себя*, нисколько не завися отъ предшествующаго, т. е., причинности въ формѣ свободы. Дѣйствіе изъ себя должно стоять внѣ условій времени, такъ какъ въ послѣднемъ событія совершаются, т. е., возникаютъ въ силу предшествующихъ условій; если бы дѣйствіе возникало изъ себя во времени, то необходимо предположить причину, по которой оно не возникло ранѣе или позднѣе даннаго момента; слѣдовательно, дѣйствіе изъ себя во времени или совсѣмъ никогда не можетъ возникнуть, или возникаетъ какъ дѣйствіе причины сторонней (и потому не изъ себя). Въ мірѣ, поскольку онъ—явленіе, свободы (какъ безусловной причинности), такимъ образомъ, нѣтъ и быть не можетъ. Но слѣдуетъ ли отсюда выводъ, что свободы и вообще не существуетъ? Кантъ отвѣчаетъ отрицательно. Если бы міръ, какъ мы его познаемъ, былъ бытіемъ въ себѣ (т. е. при трансцендентальномъ реализмѣ), тогда дѣйствительно свободы вообще не могло бы существовать совершенно. Но мы знаемъ, что міръ—только явленіе, т. е., обусловленъ функціями на-

шихъ познавательныхъ способностей, что онъ бытіе только въ познаніи, а наше познаніе не есть единственное возможное познаніе; слѣдовательно, бытіе въ нашемъ познаніи не есть единственно возможное бытіе. Какъ выше было показано, мы можемъ (въ понятіяхъ) противопоставить бытію въ явленіи бытіе въ себѣ. Слѣдовательно, мы можемъ отнести безусловную причинность (свободу) въ бытіе въ себѣ; именно потому, что оно (по отрицательному о немъ понятію) свободно отъ всѣхъ чувственныхъ условій и, значитъ, свободно отъ времени, въ которомъ не можетъ быть свободы. Но какъ соединить тогда эту свободу съ общими законами эмпирической необходимости, и не противорѣчатъ ли послѣдніе первой? Такое соединеніе, отвѣчаетъ Кантъ, возможно. Если всѣ дѣйствія въ міровыхъ явленіяхъ въ смѣнѣ времени предполагаютъ, говорить, онъ, причины, которыя, въ свою очередь, суть дѣйствія другихъ причинъ, то необходимо ли, чтобы *причинность* эмпирическихъ причинъ и сама была исключительно эмпирической? Нѣтъ, не необходимо; возможно мыслить, что сама эта эмпирическая причинность (*характеръ* причинной связи въ явленіяхъ) есть дѣйствіе причинности свободной (интеллигибельной, поскольку она относится къ области ноуменовъ), хотя, какъ членъ въ цѣпи природы, относится къ чувственному міру. Такое допущеніе не производитъ ни малѣйшаго перерыва въ причинномъ соотношеніи явленій, хотя бы даже оно было вымысломъ, потому что *дѣйствія* свободной причинности вполне соотвѣтствуютъ всѣмъ законамъ эмпирической причинности, и только по своему общему эмпирическому характеру относятся къ причинѣ интеллигибельной. Слѣдовательно, свобода не противорѣчатъ физической необходимости и вполне можетъ быть съ нею соединена. Но эта возможность—только мысленная, а не реальная, и Кантъ вполне признаетъ это („мы не можемъ узнать, говорить онъ, возможность а priori какой либо реальной основы и какой нибудь причинности только изъ понятій“¹⁾). Имѣетъ ли мысленное допущеніе интеллигибельной свободы, какъ безусловной причины эм-

¹⁾ Кр. ч. раз. стр. 400.

прической причинности, право на объективную реальность? Только въ понятіи такого права быть не можетъ, но Кантъ приходитъ къ признанію его другимъ путемъ. Человѣкъ, говоритъ онъ, есть одно изъ явленій чувственнаго міра, и, какъ такой, онъ долженъ имѣть эмпирической характеръ, какъ и всѣ другія вещи въ природѣ, т. е., всѣ дѣйствія его должны безъизъятно стоять въ цѣпи эмпирической причинности, быть взаимно обусловленными, и они дѣйствительно таковы, поскольку рассматриваются съ своей внѣшней стороны (наблюдаются). Но совершенно иначе обстоитъ дѣло съ внутренней стороны,—если мы будемъ тѣ же самыя дѣйствія человѣка рассматривать по ихъ отношенію къ разуму, поскольку онъ можетъ быть причиною, чтобы производить ихъ (въ *практическомъ* отношеніи). Здѣсь разумъ относится къ дѣйствіямъ съ совершенно особенной точки зрѣнія,—именно—*долженствованія*: относительно однихъ дѣйствій, хотя они еще не произошли, разумъ признаетъ, что они *должны* случиться, относительно другихъ, уже происшедшихъ, признаетъ, что они *не должны* были случаться, относительно третьихъ (настоящихъ) практической разумъ сознаетъ себя ихъ *производящей* причиной, хотя они опредѣляются предшествующими и сопутствующими эмпирическими условіями. Таковъ категорическій императивъ пракческаго разума. Его воздѣйствіе на поступки, какъ явленія, нужно отнести именно къ *свободному* причинному воздѣйствію, такъ какъ оно не возникаетъ во времени, но существуетъ независимо отъ него,—иначе оно не могло бы относиться къ уже совершившемуся какъ къ *недолжному* и—наоборотъ—къ будущимъ поступкамъ, какъ къ *должнымъ*. Воздѣйствіе разума, какъ свободное, опредѣляетъ самый эмпирической причинный рядъ во времени,—оно есть способность начинать изъ себя рядъ обстоятельствъ, осуществляющихся въ эмпирическомъ ряду послѣдовательныхъ дѣйствій во времени (почему Кантъ и называетъ въ этомъ отношеніи чистый практической разумъ формой времени). Въ самомъ практическомъ разумѣ по отношенію къ его причинности временной послѣдовательности нѣтъ. Такъ какъ эмпирической рядъ поступковъ есть дѣйствіе свободнаго разума,—хотя въ взаимоотношеніяхъ

своихъ элементовъ онъ связанъ строгой эмпирической необходимостью,—то разумъ, находясь, въ качествѣ безусловнаго условія послѣдовательнаго ряда событій внѣ зависимости отъ этого ряда, въ тоже время относится къ нему. Такимъ образомъ, въ практическомъ разумѣ дана безусловная причинность (свобода) по отношенію къ условной причинности (необходимости) явленій въ формѣ а) независимости отъ эмпирическихъ условій (времени) и б) способности начинать изъ себя рядъ обстоятельствъ (способности безусловной инициативы). А такъ какъ свобода, въ качествѣ безусловной причинности, въ силу выше изложеннаго понятія о ней, можетъ относиться только къ бытію въ себѣ, то въ свободѣ практическаго разума намъ дано бытіе въ себѣ (вещь въ себѣ). Данность практическихъ постулатовъ не то, что данность теоретическихъ—она имѣетъ характеръ непосредственный и объективный (всеобщій и необходимый); поэтому Кантъ и признаетъ за свободой практическаго разума объективную реальность, т. е., признаетъ *бытіе вещей въ себѣ*. Это—не выводъ изъ понятій, который не имѣлъ бы, какъ таковой, объективной реальности, но непосредственное—интуитивное—заключеніе изъ данныхъ нравственнаго сознанія. Если же вещи въ себѣ существуютъ, то (въ силу данныхъ того же нравственнаго сознанія, обнаруживающагося какъ сознаніе свободы въ качествѣ безусловной причины эмпирической причинности,—а не отдѣльныхъ элементовъ цѣпи явленій, какъ таковыхъ) онѣ существуютъ какъ *причины міра явленій въ его цѣломъ*. Такъ Кантъ совершаетъ признаніе объективной реальности вещей въ себѣ на практической почвѣ, при чемъ самое понятіе о вещахъ въ себѣ (какъ безусловной причинности по отношенію къ міру явленій) создается чистымъ (теоретическимъ) разумомъ въ его идеальномъ примѣненіи къ цѣлому разсудочнаго познанія.

Идея чистаго разума о вещи въ себѣ, какъ причинѣ міра явленій въ его цѣломъ сама по себѣ не имѣетъ, по Канту, правъ на объективную реальность и получаетъ объективное значеніе на практической почвѣ. Тѣмъ не менѣе Кантъ старается обезпечить нѣкоторую теоретическую возможность для пракческаго признанія реальности вещи въ себѣ. Наиболѣе

ясно стремится онъ къ этой цѣли въ §§ 57, 58, 59 Прологоменъ, хотя основы развивающейся здѣсь аргументаціи находятся и въ ученіи о свободѣ въ разрѣшеніи третьей антиноміи (въ „Критикѣ“).

Съ чисто гносеологической точки зрѣнія понятіе о вещи въ себѣ было признано отрицательнымъ понятіемъ, полагающимъ предѣлы чувственному познанію, какъ простирающемуся только на явленія; кромѣ ограниченія чувственнаго познанія оно не содержало ничего положительнаго. Разумъ въ своихъ идеяхъ обнимаетъ разсудочное познаніе во всемъ его цѣломъ, и соотвѣтственно съ этимъ для него измѣняется смыслъ расудочнаго понятія о вещи въ себѣ. Разумъ ставитъ себѣ задачей абсолютную полноту познанія, сведеніе его, какъ условнаго, на безусловное, но онъ не можетъ выполнить этой задачи съ помощью познавательныхъ средствъ разсудка, предназначенныхъ для эмпирическаго употребленія. При отвѣтѣ на вопросы разума опытъ (какъ цѣлое расудочнаго познанія) отсылаетъ разумъ къ бытію въ себѣ, такъ какъ только послѣднее, согласно всему выше сказанному, можетъ заключать въ себѣ безусловное, и слѣдовательно, удовлетворить стремленіе разума. Такимъ образомъ, разумъ совершенно не можетъ обойтись безъ понятія о бытіи въ себѣ; тогда какъ разсудокъ въ своемъ эмпирическомъ примѣненіи вполне могъ обходиться безъ него. Поэтому для разсудка понятіе о вещи въ себѣ было только *предѣломъ* (Schranke) по отношенію къ чувственному познанію, для разума же оно есть *граница* (Grenze), такъ, по опредѣленію Канта, предѣлы суть „простыя отрицанія, которымъ подлежитъ извѣстная величина, насколько она не имѣетъ абсолютной полноты“, границы же (напр. у протяжаемыхъ существъ) „всегда предполагаютъ нѣкоторое пространство, находящееся внѣ извѣстнаго опредѣленнаго мѣста и его заключающее“ ¹⁾. Всякая граница, слѣдовательно, есть нѣчто положительное. Разумъ въ своихъ трансцендентальныхъ идеяхъ, относящихся къ бытію въ себѣ, доходитъ до этого бытія, какъ необходимой границы опыта, слѣ-

1) Прологомены, стр. 147.

довательно, какъ чего-то положительнаго и необходимаго. Если разумъ отвергнетъ бытіе въ себѣ за міромъ явленій, то онъ долженъ будетъ, въ силу указанной необходимости для него мыслить бытіе въ себѣ вообще, признать самый міръ явленій за бытіе въ себѣ, что нелѣпо, потому что условное не можетъ быть бытіемъ въ себѣ (напротивъ, именно эмпирическая условность и требуетъ для своего объясненія отличнаго отъ нея бытія въ себѣ) ¹⁾. Если же такъ, то для разума необходимо мыслить связь и соединеніе области разсудочнаго познанія (опыта) съ его границей (бытіемъ въ себѣ). Сама граница, какъ она существуетъ, для разума совершенно непознаваема, и познаніе ея разумъ не имѣетъ никакого права. Но поскольку граница соприкасается съ ограничиваемымъ (міромъ явленій), постольку для разума возможно опредѣленіе ея отношеній къ этому міру. Такое опредѣленіе возможно только по *аналогіи* (опредѣляемой Кантомъ какъ совершеннаго подобія двухъ отношеній между совершенно неподобными вещами) и именно въ *причинномъ* смыслѣ, потому что единственное возможное средство довести употребленіе разума относительно всего возможнаго опыта до высочайшей степени внутренняго единства,—это признать разумную причинность, какъ причину всѣхъ связей въ мірѣ ²⁾. Поскольку это опредѣленіе касается лишь отношенія абсолютнаго бытія къ явленію, но не его сущности, постольку оно законно. Такъ Кантъ обосновываетъ теоретическую возможность признанія бытія вещей въ себѣ и причиннаго отношенія ихъ къ міру явленій (признанія, совершаемаго на практической почвѣ) посредствомъ пограничнаго понятія о вещи въ себѣ въ положительномъ смыслѣ. Такое понятіе, невозможное въ разсудкѣ, создается разумомъ въ его идеальномъ примѣненіи къ цѣлому разсудочнаго познанія.

III.

Непосредственной задачей нашего сочиненія было поставлено рѣшеніе вопроса о томъ, какъ понимать дѣйствительный смыслъ ученія Канта о вещи въ себѣ (какой именно изъ находящихся въ „Критикѣ чистаго разума“ отвѣтовъ на вопросъ

¹⁾ Пролег. стр. 145.

²⁾ Пролегом. стр. 157.

о существованіи вещей въ себѣ нужно признать въ качествѣ дѣйствительнаго убѣжденія Канта). Послѣ всѣхъ сдѣланныхъ изслѣдованій рѣшеніе поставленной задачи можетъ быть дано въ такомъ общемъ видѣ.

Понятіе о вещи въ себѣ имѣетъ три формы: 1) форму гносеологической антитезы бытія въ себѣ, какъ независимаго отъ условій всякаго возможнаго познанія, и бытія только въ познаніи (въ качествѣ явленій), 2) форму психологическаго допущенія вещи въ себѣ какъ причины чувственнаго познанія по его возникновенію, 3) форму постулятивнаго понятія (идеи) разума о бытіи въ себѣ, какъ, общей (безусловной) причинѣ міра явленій въ его цѣломъ (по отношенію къ его эмпирической причинности). Во всѣхъ своихъ формахъ понятіе о вещи въ себѣ вполне законно и неизбежно и имѣетъ свое гносеологическое значеніе: 1) какъ ограниченіе чувственнаго познанія предѣлами явленій, 2) какъ объясненіе факта познанія, 3) какъ регулятивный принципъ безконечности эмпирическаго синтеза въ познаніи. Но ни въ какой формѣ понятію о вещи въ себѣ не принадлежитъ право на объективную реальность, и никогда не можетъ принадлежать, потому что въ области теоретическаго познанія непремѣннымъ условіемъ объективности—въ смыслѣ подведенія подъ синтезъ трансцендентальной апперцепціи служить данность въ эмпирическомъ созерцаніи, а вещь въ себѣ никогда не можетъ быть предметомъ опыта. Поэтому Кантъ считаетъ невозможнымъ переходить отъ понятія о вещи въ себѣ къ признанію ея существованія. Но въ категорическомъ императивѣ практическаго разума намъ непосредственно дана нравственная свобода, какъ самодѣятельная причинность, независимая отъ всѣхъ чувственныхъ условій (времени и его послѣдовательности), выражающаяся въ прилагаемомъ нами къ нашимъ поступкамъ предикатѣ долженствованія и относящаяся къ бытію въ себѣ. Свидѣтельство практическаго разума какъ данное непосредственно (не чрезъ понятіе) и съ характеромъ всеобщности и необходимости, имѣетъ объективную цѣнность. На основаніи его Кантъ и признаетъ бытіе вещей въ себѣ, какъ общихъ причинъ міра явленій въ его цѣломъ, причемъ находитъ въ разумѣ, какъ способности принциповъ, обнимаю-

щихъ цѣлое разсудочнаго познанія и не находящихъ въ немъ своего удовлетворенія, теоретическую возможность признанія существованія вещей въ себѣ въ указанномъ смыслѣ (посредствомъ пограничнаго понятія о вещи въ себѣ въ положительномъ значеніи).

Въ такомъ видѣ представляется ученіе Канта о вещахъ въ себѣ. Слѣдовательно, изъ тѣхъ трехъ отвѣтовъ Канта на вопросъ о существованіи вещей въ себѣ, какіе можно находить (по ихъ внѣшнему выраженію) въ „критикѣ чистаго разума“, нужно приписать Канту въ качествѣ его дѣйствительнаго убѣжденія, утвердительный отвѣтъ въ той его формѣ, по которой вещи въ себѣ признаются общими причинами міра явленій какъ цѣлаго. При этомъ утвержденіе Кантомъ дѣйствительности вещей въ себѣ покоится на практической основѣ. Въ теоретическомъ же отношеніи Кантъ ни за одной формой понятія о вещи въ себѣ не признаетъ правъ на объективную реальность (что и выражается въ первомъ—отрицательномъ—отвѣтѣ Канта). Что же касается второго отвѣта (психологическаго) то, если брать его въ обособленномъ видѣ, въ ученіе Канта о вещи въ себѣ вносится серьезное и рѣшительное противорѣчіе. Но не говоря уже о случайности и сравнительной рѣдкости у Канта такой формы ученія о вещи въ себѣ (на психологической основѣ), нужно принять во вниманіе, во-первыхъ, то, что самъ Кантъ очень ясно и опредѣленно заявляетъ о невозможности придавать объективное значеніе разсматриваемой психологической аргументаціи, во-вторыхъ, то, что является полная возможность понимать приданіе объективности этой психологической аргументаціи (въ тѣхъ случаяхъ, когда оно не можетъ быть объяснено неточностію изложенія—опущеніемъ того, что признавать вещи въ себѣ причинами воспріятій необходимо лишь въ понятіи) какъ выводъ, сдѣланный изъ аргументаціи на практической основѣ (изъ того, что вещи въ себѣ—необходимыя причины міра явленій въ его цѣломъ, съ несомнѣнностію слѣдуетъ, что онѣ и объективныя причины воспріятій и, слѣдовательно, всего чувственнаго познанія).

Понятіе объ „utile“ (о полезномъ) во второй книгѣ сочиненія Цицерона „De officiis“ (Объ обязанностяхъ).

(Окончаніе *).

Указавши внѣшнія средства къ достиженію славы, Цицеронъ указываетъ еще другія качества въ человѣкѣ—благотворительность (*beneficentia*) и щедрость (*liberalitas*), какъ внѣшнія же средства къ поддержанію, или сохраненію славы. Въ этихъ качествахъ онъ усматриваетъ собственно два рода благотворительности: первый—отъ своего кошелька (*rescipia*), и второй—своимъ трудомъ (*opera*)¹⁾. Сначала Цицеронъ указываетъ на нихъ свой общій взглядъ, а потомъ рассуждаетъ о каждомъ порознь. Такъ же поступимъ и мы.

Изъ двухъ указанныхъ родовъ, благотворительность „*opera*“—гораздо благороднѣе, возвышеннѣе и достойнѣе доблестнаго и славнаго мужа²⁾. Ибо въ обоихъ видахъ есть желаніе дѣлать добро (*gratificandi liberalis voluntas*), но различіе въ томъ, что тамъ участвуютъ деньги (*argus*), а здѣсь—добродѣтель (*virtus*). А затѣмъ, кто благотворитъ первымъ способомъ, т. е. „*rescipia*“, тотъ исчерпываетъ самый источникъ благодѣяній, и чѣмъ болѣе онъ оказалъ услугъ, тѣмъ менѣе способенъ еще оказать ихъ. Между тѣмъ дѣлающій добро „*opera*“ приобретаетъ самыхъ преданныхъ друзей, которые въ свою очередь помогутъ ему оказать добро другимъ, и, слѣдовательно, такой

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1903 г. № 11.

1) Кв. II, гл. XV, стр. 476.

2) Ibid.: Illa (*beneficentia „opera“*) est lautior, splendidior, et viro forte claroque dignior.

человѣкъ способенъ помогать весьма большому числу людей (*plurimis*). Затѣмъ, источникъ этихъ благодѣяній не только не уменьшается, а, напротивъ, увеличивается все болѣе и болѣе — благодаря тому, что привычка сѣять такимъ способомъ добро отъ упражненія облегчаетъ путь къ благотворительности. Можно также согласиться съ мнѣніемъ Филиппа Македонскаго, который въ письмѣ къ сыну своему Александру назвалъ щедрость (*largitio*) порчею (*corruptela*). Въ самомъ дѣлѣ, получающій отъ другого денежную помощь всегда готовъ еще протянуть къ нему руку за помощію. Однако не слѣдуетъ совершенно воспретить этотъ родъ благотворительности: иногда находятъ въ нуждѣ честныхъ людей, которымъ должно помочь изъ своего кошелька, „*rescipia*“. Только помогать деньгами нужно сознательно и умѣренно (*deligenter et moderate*), а никакъ не съ безразсудною щедростью (*inconsulte largiendo*)¹⁾. „Ты любишь дѣлать добро, говоритъ Цицеронъ, и въ то же время стараешься поставить себя въ невозможность сдѣлать его; что можетъ быть безразсуднѣе этого?“²⁾ Кромѣ того, нерѣдко случается, что многіе, расточивши свои отцовскія наслѣдства, палагаютъ руку на чужое добро (*aliena bona*) и, такимъ образомъ, приобрѣтаютъ не столько благорасположеніе (*benevolentia*) тѣхъ, которымъ помогли, сколько ненависть (*odia*) тѣхъ, у которыхъ отняла ихъ имущество. Итакъ, общій принципъ которымъ должно руководствоваться при подачѣ денежной помощи, это — давай умѣренно и соотвѣтственно своимъ средствамъ³⁾. Лучше всего различать два вида щедрости (*largitio*): а) расточительность (*prodigalitas*) и б) истинную щедрость (*liberalitas*).

Расточительность состоитъ въ томъ, что человѣкъ, преданный ей, разоряется на пиры, общественныя ряздачи, на торжества и зрѣлища, игры гладіаторовъ и т. под. Руководствующимъ началомъ здѣсь является тщеславіе; а результатомъ всѣхъ этихъ безмѣрныхъ тратъ является только короткое воспоминаніе о нихъ, а иногда даже и того не бываетъ

1) Кн. II, гл. XV, стр. 477.

2) Ibid.

3) Ibid.: *modus adhibeatur isque referatur ad facultates.*

(*memoria brevis aut nulla omnino*) ¹⁾. Поэтому, распространенный въ то время обычай истрачиваться на народныя увеселенія никакъ не можетъ быть одобренъ. Ибо, по словамъ Аристотеля, всѣ подобныя траты не вызваны никакою необходимостью (*necessitate*), которая иногда можетъ требовать чрезвычайныхъ издержекъ,—не прибавляютъ никакого достоинства (*dignitatem*) тѣмъ, которые ихъ производятъ, доставляютъ народу удовольствіе (*delectationem*) только на весьма короткое время, а потомъ, когда наступитъ пресыщеніе (*Satietas*), память объ удовольствіи тотчасъ же исчезаетъ. Эти удовольствія нравятся только дѣтямъ, женщинамъ, рабамъ и тѣмъ, которые на нихъ похожи; но человѣкъ солидный, оцѣнивающий все по настоящей стоимости (*homo gravis et iudicio certo ponderans*) ²⁾ никогда не можетъ ихъ одобрить. Съ этой точки зрѣнія, нельзя одобрить тотъ вошедшій въ силу въ Римѣ обычай, по которому эдилы за свою должность должны были расплачиваться роскошными и великолѣпными празднествами, устраиваемыми для народа. Хотя противоположное расточительности качество—скупость (*avaritia*) не можетъ быть одобрено, однако же не слѣдуетъ и истощать свое состояніе, но должно ограничиваться мѣрою. Тѣмъ не менѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда щедрость (*largitio*), обращенная на народъ, можетъ принести какія-нибудь великія и серьезныя выгоды (*aliquam rem majorem atque utiliore*) ³⁾, тамъ не должно колебаться. Такъ, Эдилъ М. Сей достигъ величайшей славы и уваженія народа, когда, во время голода, продавалъ по одному ассу ⁴⁾ за четверикъ хлѣба. Вообще нельзя порицать щедрость (*largitio*) въ томъ случаѣ, когда она необходима, или полезна (*si aut necesse est, aut utile*) ⁵⁾. Такимъ образомъ, лучше всего употреблять деньги (*impensae*) на полезныя общественныя работы, какъ-то: стѣны городовъ, гавани, морскія верфи, водопроводы и т. под., потому что онѣ доставляютъ ихъ строителямъ благодарную память о нихъ въ потомствѣ (*in posterum gratiora*).

Другой видъ щедрости (*largitionis*) есть великодушіе, или

1) Кн. II, гл. XVI, стр. 477.

2) Кн. II, гл. XVI, стр. 478.

3) Кн. II, гл. XVII, стр. 478.

4) Мелкая римская монета.

5) Кн. II, гл. XVII, стр. 478.

истинная щедрость (*liberalitas*). Истинно щедрый человекъ употребляетъ свое богатство на то, чтобы, выкупать плѣнныхъ изъ рукъ пиратовъ, платить долги своихъ друзей; онъ помогаетъ имъ выдавать замужъ ихъ дочерей, приобрѣтаетъ какія нибудь новыя преимущества, или увеличивать тѣ, какія у нихъ есть. При оказаніи благодѣяній, необходимо обращать вниманіе на различныя положенія (*disparēs causae*) тѣхъ, которые требуютъ нашей помощи. Ибо иное состояніе человека, находящагося въ несчастьи (*qui calamitate premitur*), и иное состояніе человека, который старается сдѣлать свое положеніе лучшимъ (*qui res meliores quaerit*) ¹⁾. Хотя не должно отказывать и во второмъ случаѣ, но скорѣе и ближе всего помочь дѣйствительно несчастнымъ (*calamitosis*). Вообще съ щедростью всегда должно соединять благоразуміе (*prudētia*). Поэтому, истинны слова Энія: *bene facta male locata male facto arbitror*, т. е. неумѣстное благодѣяніе, на мой взглядъ, есть дурное дѣло ²⁾. Между тѣмъ какъ щедрость, употребленная съ благоразуміемъ, привлекаетъ благодарность не только въ человекѣ, на котораго она была излита, но и сохраняетъ эту благодарность въ его потомствѣ. Полезная для государства щедрость гораздо предпочтительнѣе блистательнѣйшихъ раздачъ. Затѣмъ, съ щедростью всегда необходимо соединять справедливость (*justitia*). Оказывая щедро благодѣянія народу, можно требовать и себѣ того, что принадлежитъ намъ, но безъ принужденія и жестокости. Иногда даже слѣдуетъ уступать нѣчто изъ своихъ правъ; и эта уступка не только требуетъ истинною щедростью; но иногда еще бываетъ полезна (*fructuosum*) для насъ самихъ. Общій выводъ, слѣдовательно, будетъ таковъ: нужно вездѣ, гдѣ только можно, употребить свое богатство, конечно, не растрачивая его неразумно, на пользу людямъ; такимъ-то образомъ, можно извлечь величайшую пользу изъ своего имущества ³⁾. Какъ частный видъ щедрости (*liberalitatis*), сюда можно отнести еще

¹⁾ Кн. II, гл. XVIII, стр. 479.

²⁾ Ibid.

³⁾ Кн. II, гл. XVIII, стр. 480: *Posse liberalitate uti non spoliāntem se patrimonio, nimirum is est pecuniae fructus maximus.*

одну добродѣтель—гостепрѣимство ((*hospitalitas*). Гостепрѣимство можетъ быть добродѣтелью какъ частнаго человѣка, такъ и цѣлаго государства. Польза отъ гостепрѣимства очевидна: гости могутъ быть преданными и надежнѣйшими друзьями для своего гостепрѣимнаго хозяина. Какъ на образецъ гостепрѣимства. Цицеронъ указываетъ на Кимона—аеивянина, который приказывалъ слугамъ въ своемъ загородномъ домѣ, чтобы, даже во время его отсутствія, всякаго гражданина изъ Лациума, слѣд., его соотечественника, они безпрекословно принимали и старались, какъ можно, лучше угостить его.

Услуги, оказанныя не изъ кошелька, не деньгами, „*rescipia*“, а отъ самого себя, своимъ трудомъ, „*opera*“, бываютъ также двухъ видовъ: однѣ относятся къ частнымъ лицамъ, а другія—къ цѣлому государству.

Сначала слѣдуетъ сказать объ услугахъ перваго вида. Среди подобныхъ услугъ весьма важное мѣсто занимаетъ помощь, оказываемая своимъ ближнимъ благодаря знанію законовъ, именно; имѣть заботу о нихъ на судѣ (*in iure cavere*), помогать имъ совѣтомъ (*consilio iuvare*) и этимъ знаніемъ приносить пользу какъ можно большому числу людей (*hoc scientiae genere prodesse quam plurimis*¹⁾). Подобная дѣятельность сильно увеличиваетъ значеніе оказывающаго такую помощь и вызываетъ къ нему благодарность: *ad opes augendas pertinet et ad gratias*²⁾. Затѣмъ, слѣдуетъ краснорѣчіе, или искусство говорить (*facultas dicendi*), которое оказываетъ великія услуги людямъ. Но о краснорѣчьи Цицерономъ сказано въ томъ отдѣлѣ его разсужденія, гдѣ онъ говоритъ о средствахъ къ пріобрѣтенію славы. Чтобы не повторяться въ другой разъ, мы опустимъ этотъ видъ услугъ, оказываемыхъ краснорѣчіемъ. Такъ какъ только небольшая часть людей могутъ быть законовѣдами, или адвокатами, то большинство людей оказываетъ услуги своимъ ближнимъ другими разнообразными способами: просятъ благодѣній несчастнымъ и другихъ (*beneficia petere*), одобряютъ ихъ предъ судьями и магистратами (*commendare iudicibus magistratibusque*), наблю-

1) Кя. II, гл. XIX, стр. 480.

2) Ibid.

даютъ интересы другого (*vigilare pro re alterius*), ходатайствуютъ за тѣхъ самыхъ, которые просятъ у нихъ совѣта, или которыхъ защищаютъ (*eos ipsos, qui aut consuluntur aut defendunt, rogare* ¹⁾). Но оказывая другимъ услуги, должно тщательно остерегаться того, какъ бы не оскорбить ихъ достоинство (*offendere*) и принести имъ огорченіе. Будетъ-ли это оскорбленіе обдуманное, или необдуманное, во всякомъ случаѣ, должно извиниться предъ потерпѣвшими обиду и постараться загладить всю вину и зло, какое было допущено, другими дѣлами и заслугами ²⁾).

Такъ какъ несомнѣнно, что не всѣмъ людямъ слѣдуетъ оказывать одинаковую помощь и услуги, по различію ихъ качествъ и состояній, то, естественно, возникаетъ вопросъ, чѣмъ руководствоваться при оказаніи своихъ услугъ и, въ частности, кому отдать предпочтеніе въ дѣлѣ помощи—богатому, или бѣдному. Въ принципѣ должно помогать всѣмъ людямъ; но если предстоитъ выборъ, то лучше оказать благодѣяніе бѣдному, но честному и скромному человѣку (*inopі, probo tamen et modesto*), нежели богатому и счастливому (*opulento fortunatoque*) ³⁾. Въ пользу бѣднаго, но честнаго человѣка можно привести слѣдующія два соображенія. Бѣдный человѣкъ, если онъ честенъ, положимъ, не будетъ въ состояніи заплатить за себя, но онъ будетъ благодаренъ; и эта благодарность у него останется даже послѣ того, когда онъ чѣмъ-нибудь засвидѣтельствуетъ ее: онъ всегда будетъ преданъ оказавшему услугу и, гдѣ понадобится его помощь и услуга, онъ употребитъ все свое мужество до истощенія. Напротивъ, богатые и счастливые не желаютъ быть обязанными чужими благодѣяніями; они даже думаютъ, что они-то и оказываютъ тебѣ услугу и доставляютъ тебѣ удовольствіе, когда принимаютъ отъ тебя услугу, какъ бы она велика ни была. Для нихъ—смерть подумать, что они какъ бы въ долгу предъ тобою и что ты рано, или поздно можешь потребовать отъ нихъ уплаты за оказанное имъ благодѣяніе. Во-вторыхъ если ты оказываешь помощь

¹⁾ Кн. II, гл. XIX, стр. 481.

²⁾ *Ibid.*: *Ceteris operis et officii erit id, quod violatum est, compensandum.*

³⁾ Кн. II, гл. XX, стр. 481.

богатому и могущественному человѣку, то онъ только одинъ, или еще его жена и дѣти будутъ тебѣ благодарны; а если ты оказываешь помощь бѣдному, но честному человѣку, то всѣ граждане, которые будутъ находиться въ подобномъ же состояніи (а такихъ большинство въ народѣ) будутъ смотрѣть на тебя, какъ на своего ангела—хранителя; такимъ-то образомъ, ты достигнешь величайшей славы. Богатство человѣка, однако, не можетъ служить препятствіемъ къ тому, чтобы ему помогали: только не слѣдуетъ помогать человѣку ради одного его богатства, а нужно смотрѣть на достоинство человѣка ¹⁾). Дѣйствительно, богатство оказываетъ весьма много услугъ тому, кто имъ владѣетъ; но дѣлаетъ-ли оно его лучшимъ? *Часто богатство только извращало нравы людей* ²⁾; а это не полезно (*non utile*), потому что полезно только то, что достойно уваженія (*honestum*). Слѣдовательно, и въ томъ случаѣ, когда предстоитъ выборъ между богатымъ и бѣднымъ, въ дѣлѣ заванія имъ благодѣянія, должно руководствоваться принципомъ справедливости (*justitia*), въ которой нѣтъ ничего достойнаго похвалы—*sine qua nihil potest esse laudabile* ³⁾).

Что касается до второго вида благодѣяній, то между ними есть такія, которыя, относясь ко всѣмъ гражданамъ (*ad universos cives*), въ то же время касаются каждаго въ частности (*partim singulares*); такія благодѣянія для народа суть наиболѣе пріятныя (*gratiora*) ⁴⁾. Но не должно думать только объ одномъ благѣ гражданъ, не обращая вниманія на интересы государства, какъ, напр., сдѣлалъ Кай Гракхъ, который произвелъ большія раздачи хлѣба, но истощилъ тѣмъ общественную казну. Но, съ другой стороны, заботясь о благѣ гражданъ, должно заботиться и о томъ, чтобы въ то же время быть полезнымъ для государства, или, по крайней мѣрѣ, не нарушать его интересовъ ⁵⁾. Слѣдовательно, самый лучший политикъ есть тотъ,

¹⁾ Кн. II, гл. XX, стр. 482: *Sit omne iudicium, non quam locuples, sed qualis quisque sit.*

²⁾ *Ibid.*: *Corrupti mores depravatique sunt admiratione divitiarum.* Это нравственное положеніе вполне оправдывается и историческимъ опытомъ и евангельскимъ откровеніемъ.

³⁾ Кн. II, гл. XX, стр. 482.

⁴⁾ Кн. II, гл. XXI, стр. 482.

⁵⁾ *Ibid.* *ut ea res aut prosit, aut certe ne obsit republicae.*

кто заботится вмѣстѣ и о пользѣ гражданъ, и о пользѣ государства (*utile civiumque reipublicae*); таковъ былъ М. Октавій, умѣреннѣйшій изъ людей. Заботѣ о сохраненіи пользы какъ частныхъ гражданъ, такъ и всего государства противоположны, прежде всего, усилія тѣхъ лицъ, которыя старались ввести въ римское законодательство аграрный законъ (*lex agraria*). Это, именно, имѣлъ въ виду трибунъ Филиппъ, когда говорилъ народу: *non esse in civitate duo millia hominum, qui rem haberent* ¹⁾, т. е. въ государствѣ нѣтъ и 2-хъ тысячъ чело-вѣкъ, которые имѣли бы свою собственность. Эта возмущительная рѣчь клонилась ни къ чему иному, какъ къ равенству въ имуществѣхъ (*ad aequationem bonorum*), которое есть величайшій бичъ для чело-вѣчества: *qua peste quae potest esse major?* Ибо государства и города для того, главнымъ образомъ, и учреждались, чтобы владѣть своею собственностью ²⁾. И если правда, что люди собрались, сначала, по естественному влеченію (*duce natura*), то все таки они искали себѣ убѣжища за городскими стѣнами: въ надеждѣ лучше сохранить свою собственность (*sive custodiae rerum suarum*). Другое, что должны наблюдать государственные люди,—это, чтобы не отягощать народъ податями (*tributum conferre*). Бываютъ такіе случаи, напр., продолжительныя войны, когда сама необходимость заставляетъ прибѣгать къ большимъ налогамъ на народъ; но чтобы этого не случилось, государственный мужъ долженъ предусматривать событія, задолго до ихъ появленія (*multo ante id erit providendum* ³⁾). А если бы, сверхъ ожиданія, случилось такое событіе, то, въ этомъ случаѣ, самое лучшее средство ко спасенію—всѣмъ поддерживать другъ друга въ этой нуждѣ: *necessitati est parendum*. Желаящіе сдѣлаться любезными народу (*populares*) высказываются на счетъ только что указанныхъ двухъ пунктовъ въ слѣдующемъ смыслѣ: во-первыхъ, они предлагаютъ аграрные законы, съ цѣлью выгнать законныхъ владѣльцевъ изъ ихъ владѣній—*ut possessores pellantur suis sedibus*; а во-вторыхъ они тре-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid. *Han enim ob causam maxime, ut sua tenerent, reipublicae civitatesque constitutae sunt.*

³⁾ Ibid.

буютъ, чтобы всѣ долги были прощены должникамъ—*ut pecuniae creditae debitoribus condonandae sunt* ¹⁾). Но то и другое одинаково вредно и можетъ произвести только разрушительныя послѣдствія для всего государства и для самихъ гражданъ. Люди, дѣлающіе такіе предложенія, подкапываютъ самое основаніе (*fundamenta*) всего государства, а именно: прежде всего, *согласіе* (*concordia*), которое не можетъ болѣе существовать, когда грабятъ однихъ, чтобы вознаграждать другихъ; затѣмъ, *справедливость* (*aequitas*), которая совершенно уничтожается съ того времени, когда каждый не можетъ сохранить свою собственность. Затѣмъ, эти люди, если бы и привели въ исполненіе свои планы, то, все таки, не достигли бы себѣ никакой благодарности отъ народа. Ибо тотъ, кого они ограбили, сдѣлался бы ихъ врагомъ; а тотъ, кого они вознаградили, постарался бы скрыть свое удовольствіе, чтобы не показать, что онъ прежде нуждался ²⁾). И во всякомъ случаѣ, обиженная часть будетъ сильнѣе и значительнѣе противоположной партіи своею нравственною силой. Особенно постыдно и отвратительно пользоваться государствомъ для своей личной выгоды ³⁾). Поэтому, завѣдующій общественными дѣлами долженъ тщательно избѣгать даже малѣйшаго подозрѣнія въ *корыстолюбіи* (*avaritia* ⁴⁾). Корыстолюбіе способно только разрушить государство. Такъ оракуломъ было предсказано Спартѣ, что она погибнетъ только отъ своего корыстолюбія (*avaritia*); но это предсказаніе относилось не только къ однимъ лакедемонянамъ: оно было изречено для всѣхъ богатыхъ народовъ. Посему-то, бекорыстные государственные люди пользуются величайшею славою среди своихъ согражданъ. Въ этомъ отношеніи особенно извѣстенъ Сципіонъ Африканскій, который вернулся домой съ пустыми руками, послѣ разрушенія Карфагена—богатѣйшаго изъ городовъ ⁵⁾). Государственные люди не только

1) Кн. II, гл. XXII, стр. 484.

2) Слѣдовательно, здѣсь будетъ дѣйствовать *мелочное тщеславіе*.

3) Кн. II, гл. XXII, стр. 483: *Habere quaestui rempublicam non modo turpe est, sed sceleratum etiam et nefarium.*

4) Кн. II, гл. XXI, стр. 483.

5) Кн. II, гл. XXII, стр. 483.

не должны употреблять государства для своихъ личныхъ выгодъ, но даже, въ случаѣ столкновенія интересовъ гражданъ и государства, должны отличаться безкорыстіемъ и вѣрностью (*abstinentia et continentia*) и должны сумѣть разрѣшить представившееся затрудненіе по справедливости, не нарушая ни интересовъ государства, ни интересовъ гражданъ. Благороднѣйшій образецъ государственной мудрости и справедливости можно видѣть въ Аратѣ Сикіонскомъ, правителѣ Аргоса. Обстоятельства, среди которыхъ ему пришлось дѣйствовать, были слѣдующія. До него въ Аргосѣ болѣе 50 лѣтъ господствовали тираны. Когда ему удалось изгнать тирановъ изъ Аргоса и сдѣлаться тамъ властителемъ, то онъ вызвалъ около 600 изгнанниковъ, которые были богатѣйшими гражданами государства. Но сейчасъ же для него представилось затрудненіе. Съ одной стороны, онъ смотрѣлъ какъ на весьма несправедливое, чтобы оставались въ нуждѣ тѣ, которыхъ онъ призвалъ и имуществами которыхъ владѣли другіе; а, съ другой стороны, онъ думалъ, что весьма несправедливо нарушать владѣніе, которое простиралось до 50 лѣтъ—тѣмъ болѣе, что большая часть этихъ имуществъ перешла по наслѣдству, или посредствомъ покупки, или въ качествѣ приданнаго въ руки людей, которые пользовались ими честно. Раздобывши денегъ, Аратъ оцѣнилъ имущества, о которыхъ шелъ споръ, по высшей цѣнѣ, какую могъ дать кто-нибудь изъ прежнихъ, или новыхъ владѣтелей и, послѣ того, однихъ убѣдилъ остаться владѣтелями имѣній, заплативши за нихъ деньги, другихъ—получить стоимость и отказаться отъ своихъ правъ на ихъ имущество. Такимъ образомъ, Аратъ сохранилъ интересы тѣхъ и другихъ; и согласіе было восстановлено ¹⁾. Подобно Арату, должны поступать и всѣ государственные люди, и при управленіи государствомъ они пусть преслѣдуютъ слѣдующія цѣли: чтобы законы и суды увѣряли каждого въ свободномъ владѣніи его имуществомъ; чтобы не притѣсняли бѣдныхъ гражданъ, не могущихъ защищаться; чтобы зависть не препятствовала богатымъ спокойно пользоваться ихъ богатствомъ и добиваться

¹⁾ Кн. II, гл. XXIII, стр. 484—485.

возвращенія ихъ денегъ, отданныхъ въ займы ¹⁾. Но для государственныхъ людей есть возможность приносить пользу своей странѣ еще другими способами. Въ военное и мирное время можно найти множество способовъ увеличить ея доходы, ея территорію ея владычество (*vectigales, agros, imperium*) ²⁾. Тѣ, которые оказываютъ такія услуги государству, доставляютъ ему самыя прочныя выгоды и сами достигаютъ вершины народнаго расположенія и славы ³⁾.

Къ полезнымъ предметамъ (*utiles res*) должно еще отнести: здоровье (*valetudo*) и богатство (*pecunia*) ⁴⁾. Но о нихъ Цицеронъ говоритъ кратко, какъ бы мимоходомъ, потому что польза ихъ для всякаго очевидна (*certe utiles*). Здоровье сохраняется знаніемъ нашего тѣлосложенія (*notitio sui corporis*), наблюденіемъ надъ тѣмъ, что ему можетъ быть благопріятно, или вредно (*observatione quae res phodesse soleant aut abesse*), воздержностью въ жизни и разными заботами, какія должно принимать о тѣлѣ (*continentia in victu omni atque cultu, corporis tuendi causa*), обузданіемъ страстей (*praetermittendis voluptatibus*) и, наконецъ, искусствомъ тѣхъ, къ знанію которыхъ это относится (*arte eorum, quorum ad scientiam haec pertinent*) ⁵⁾. А средства, какими должно приобрѣтать богатство, это только *честныя*. Именно: искать богатство должно только тѣми средствами, которыя не позорны, сохранять его должно бдительною и бережливостію, увеличивать—тѣми же самыми способами ⁶⁾.

Изъ изложеннаго нами можно видѣть, какіе предметы и какія средства Цицеронъ считаетъ полезными (*utiles*) и что онъ думаетъ объ этихъ предметахъ и средствахъ. Не вдаваясь въ

¹⁾ Кн. II, гл. XXIV, стр. 485: *ut juris et judicorum aequitate suum quisque teneat, et neque tenuiores propter humilitatem circumveniantur, neque locupletibus ad sua vel tenenda vel recuperanda obsit invidia.*

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid.: *Haec genera officiorum qui persequuntur, cum summa utilitate reipublicae magnam ipsi adipiscenturea t gratiam et gloriam.*

⁴⁾ Кн. II, гл. XXIV, стр. 486.

⁵⁾ Ibid.

⁶⁾ Ibid.: *Res familiaris quaeri debet iis rebus, a quibus abest turpitudine; conservari autem diligentia et parsimonia; eisdem rebus etiam augeri.*

подробный разборъ его положеній ¹⁾, мы замѣтимъ, съ своей стороны, что понятіе „utile“ у Цицерона, съ нравственной точки зрѣнія, очень высоко. Предлагая своимъ современникамъ кодексъ житейской мудрости и практической морали, основанной на естественной добродѣтели (стоическій принципъ: *homo res sacra homini*) Цицеронъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего правоученія разсматриваемой нами 2-ой книги его сочиненія „De officiis“, весьма близко подходитъ къ христіанскому ученію. Для примѣра можно припомнить и указать на его основной принципъ—согласіе понятій полезнаго и честнаго (*utile et honestum*), или его правила: а) достиженіе полезнаго одними лишь честными средствами; б) отвращеніе ко всякаго рода лжи и лицемерію; в) приобрѣтеніе расположенія другихъ людей любовью, а не страхомъ; г) предпочтеніе въ оказаніи помощи бѣднякамъ, чѣмъ богатымъ и проч. и проч. Вообще, какъ философъ—моралистъ, Цицеронъ долженъ быть поставленъ выше многихъ даже современныхъ представителей утилитаристическаго и эвдемоническаго ученія въ разныхъ направленіяхъ.

А. Покровскій.

¹⁾ Нѣкоторыя краткія замѣчанія, впрочемъ, сдѣланы нами въ соответствующихъ мѣстахъ изслѣдованія внизу текста.

Критическая замѣтка: „Необоснованныя „благопожеланія“

(ОТВѢТЪ Г. Е. М—В У).

Сектантская пропаганда въ Россіи всегда цѣлко держалась за темноту православной массы,—за ея неуждѣе „отъ Библіи“ постоять за православныя вѣрованія.

Съ темнотой народной усиленно боролась наша противосектантская миссія; но до послѣдняго времени у нея не было *цѣлесообразно* составленныхъ руководствъ и листковъ для народа, располагая которыми православные могли бы сектантскимъ соблазнамъ „*дать отвѣтъ въ своемъ упованіи*“ (I Петр. 3, 15).

Имѣя въ виду это обстоятельство, мы приляли на себя трудъ и смѣлость хотъ *отчасти* заполнить пробѣлы въ нашей противосектантской литературѣ. На основаніи своего почти десятилѣтняго служебнаго опыта мы составили „*Православный противосектантскій катихизисъ*“, въ который внесли все существующее изъ того, что намъ извѣстно по описанію сектантства и что раньше вошло въ издаваемую нами книгу— „*Миссіонерскія бесѣды съ шундо-баптистами*“.

Мы надѣялись, что своимъ послѣднимъ трудомъ—Катихизисомъ—принесемъ *дѣйствительную* помощь православному русскому народу, но г. Е. М—въ въ 21 № „*Церковн. Вѣстн.*“ за текущій годъ заявилъ, что „*польза отъ составленнаго (нами) катихизиса въ высшей степени проблематична*“.

Прочитавъ эти суровыя строки, мы заскорбѣли душой.. Потомъ принялись *буквально* изучать тѣ замѣчанія, какія нашли въ библиографіи г. М—ва о нашемъ Катихизисѣ,—и нѣсколько *ободрились*. Намъ показалось, что г. Е. М—овъ „*обозрѣвалъ*“ нашу работу *поверхностно*, съ маху, безъ разсужденія о миссіонерскихъ нуждахъ. И потому онъ напи-

саль много такого, съ чѣмъ нельзя согласиться и противъ чего, въ интересахъ миссіонерскаго дѣла, необходимо представить возраженія.

Прежде всего трудно понять—какъ слѣдуетъ смотрѣть на „критику“ г. М—ва: является-ли она „солиднымъ“ произведеніемъ ученаго богослова, или это—простое *упражненіе* въ стилѣ начинающаго литератора—пока библіографа?

Наше недоумѣніе опирается на данныя, представляемыя замѣткой г. М—ва. Онъ то утверждаетъ, что составленный нами Катихизисъ содержитъ въ себѣ „довольно солидную выборку соображеній и св. текстовъ“ въ защиту прав. вѣроученія и для обличенія сектъ, то подъ конецъ утверждаетъ, что польза отъ него „въ высшей степени проблематична“.

Сопоставленіе въ *одной* замѣткѣ такихъ взаимно *уничтожающихъ* себя мыслей разрѣшается грубымъ противорѣчіемъ ихъ. Этого не могъ бы не замѣтить и написать библіографъ изъ „ученыхъ“.

Съ другой стороны, несомнѣнно, что г. М—въ *много учился*; онъ знаетъ греч. языкъ и знакомъ съ приемами „научной экзегетики. По этому самому къ его „критикѣ“ мы считаемъ долгомъ отнестись серіозно, „со всякимъ разсмотрѣніемъ“...

Г. М—въ „критикуетъ“ насъ за первый же отвѣтъ на вопросъ: „что есть православн. противосектантскій катихизисъ?“—Ему не нравится, что *этотъ* катихизисъ мы опредѣляемъ, какъ „изложеніе въ вопросахъ и отвѣтахъ православно-христіанскихъ истинъ, основанныхъ на Библии“... Онъ спрашиваетъ: развѣ на Библии *только* основываются православныя истины?

Конечно, нѣтъ,—отвѣтимъ мы. Онѣ основываются *и* на Св. Преданіи. Но сектанты *не въярятъ* доказательствамъ отъ Преданія. И потому, обличая ихъ, православное вѣроученіе мы основывали *только* на чтимой *оснѣ* Библии.

Какъ видно, мы поступали осмотрительно. Г. М—въ напрасно упрекаетъ насъ въ томъ, за что слѣдовало бы хвалить...

Г. Е. М—въ „даже“ возмущается, зачѣмъ *русское* слово „православіе“ мы сбавляли съ ст. 1, Пс. 32?

Это сближеніе явилось у насъ само собой. Сектанты говорятъ, что во всей *Русской* Библии *нѣтъ* слова Православіе. Мы нашли изреченіе, откуда можно заимствовать это слово. И потому должны-ли были мы умолчать объ этомъ?..

Г. М—въ говоритъ, что въ Пс. 32, 1 ст. нѣтъ слова ἡ ορθοδοξία. Вѣрно. Но людямъ, желающимъ удариться въ научную филологію по поводу слова „православіе“, мы указывали иное библейское мѣсто.

Мы, так. обр., почитаемъ себя безусловно правами въ этомъ вопросѣ.

Г. М—въ возревновалъ, зачѣмъ въ отвѣтѣ о достоинствѣ каноническихъ книгъ Библии мы сослались на слова Ап. Павла, а не Христовы?

Считаемъ долгомъ заявить *orbi eturbi*, что того требовали миссіонерскія соображенія. Примѣръ Христа въ *данномъ* случаѣ нашихъ сектантовъ не убѣждаетъ. Они говорятъ, что ему надлежало исполнить *законную* правду... Вотъ, въ объясненіе ихъ, мы приводимъ одно *безспорное* доказательство изъ жизни Апостола...

Но особенно горячо упрекаетъ насъ г. М—въ за рѣчи о свящ. Преданіи. Въ этихъ рѣчахъ нашихъ онъ усматриваетъ „смутное“ представленіе дѣла...

Г. М—въ удивляется, что подъ преданіе мы подводимъ все Новозавѣтное ученіе. Такъ. Но Ап. Павелъ во 2 Сол. 2, 15 ст. *подтверждаетъ* наше пониманіе. Все ученіе Господа и Апостоловъ есть преданіе для христіанъ. *Часть* этого преданія вошла въ Новозавѣтн. канонъ, другая лишь послѣ Апостоловъ была записана ихъ учениками. Безъ Преданія попятъ Писанія правильно нельзя. Это—догматическая азбука. Ее мы и проповѣдуемъ въ Катихизисѣ.—Въ чемъ же наша вина предъ г. М—вымъ?

Несправедливо также „критикуетъ“ г. М—въ наше опредѣленіе Церкви. Въ Катихизисѣ мы говоримъ: „Церковь есть собраніе вѣрующихъ христіанъ, исповѣдующихъ *правую* Евангельскую вѣру“... Г. М—въ къ этому опредѣленію добавляетъ: „Церковь есть собраніе *православныхъ* христіанъ“... Конечно, но эту мысль *буквально* мы выражаемъ словами: „исповѣдующихъ *правую* евангельскую вѣру“...

Не понимаемъ, почему г. М—ву не нравится существительное „собраніе“ въ приложеніи къ Церкви! Употребивъ это существительное, мы пошли за Ап. Павломъ (Евр. X, 25) и за *традиціоннымъ* выраженіемъ о Церкви въ Большомъ Катихизисѣ. А г. М—въ написалъ, что данное нами опредѣленіе Церкви „неудовлетворительно!“...

Аттестация жестокая, но нами не заслуженная и потому *заслуженно* возвращающая на главу нашего безпощаднаго критика!..

Не будемъ утомлять вниманія читателей разборомъ другихъ „критическихъ“ вылазокъ г. М—ва противъ нашего Катихизиса. Уже изъ представленныхъ примѣровъ видно, что г. М—въ не пашелъ за нами серьезныхъ погрѣшностей. Так. обр. онъ не имѣлъ *строго-обоснованныхъ* данныхъ заключать, что „польза отъ (нашего) катихизиса весьма проблематична“...

Будемъ надѣяться, что изложенный нами Катихизисъ окажетъ серьезное подспорье миссіонерамъ въ ихъ борьбѣ съ сектантствомъ и при вразумленіи колеблющихся православныхъ въ родной вѣрѣ!...

Д. Боголюбовъ.

ЛИСТОКЪ

ЛИ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

30 Іюня № 12. 1903 года.

Содержаніе. Высочайшія награды.—Опредѣленія Святѣйшаго Синода: 1) Разъясненіе относительно сбора въ пользу казны съ причтовъ, не получающихъ казеннаго содержанія и 2) о льготѣ инословнымъ окончившимъ курсъ воспитанникамъ семинаріи, которые поступаютъ на должность учителей церковно-приходскихъ школъ.—Отъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ: разъясненіе нѣкоторыхъ недоумѣнныхъ вопросовъ въ церковно-школьной практикѣ.—Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.—Отъ Харьковского Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.—Отъ Правленія Братства Св. Великомученицы Варвары.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи за 1902—1903 уч. г.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Списокъ воспитанницъ Харьковского Епархіальнаго Женскаго Училища за 1902—1903 уч. г.—Краткій отчетъ о состояніи Харьковского Епархіальнаго Женскаго Училища за 1902—1903 уч. г.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшія награды.

Списокъ лицамъ, кои Всемилостивѣйше пожалованы, къ 6 мая 1903 г., медалями, съ надписью „за усердіе“.

Для ношенія на шеѣ, серебряною, на *Аннинской лентѣ* староста церкви с. Млинево, Ахтырскаго уѣзда, крестьянинъ Маркъ *Рахмановъ*.

Для ношенія на груди: золотымъ: на *Аннинской лентѣ* попечительница церковно-приходской школы г. Валокъ Марія *Синьсаревская*; на *Станиславской лентѣ*: староста церкви с. Янкова-Рога, Ахтырскаго уѣзда, крестьянинъ Тимофей *Кривошеевъ*, крестьянинъ с. Иванова, Богодуховскаго уѣзда, Семенъ *Зміевскій*, староста церкви слободы Котовой, Волчанскаго уѣзда, крестьянинъ Иванъ *Таволжанскій*, попечитель вольновской церковно-приходской школы и луговской школы грамоты, Богодуховскаго уѣзда, запасный унтеръ-офицеръ Янъ *Микасъ*, попечительница лебединской, при Николаевской церкви, церковно-приходской школы Евдокія *Лысикова*, староста церкви слободы Мерефы, Харьковского уѣзда, крестьянинъ Иванъ *Воронько*; серебрянымъ: на *Александровской лентѣ* учительницы церковно-приходскихъ школъ: Двурѣчанской, Купянскаго уѣзда, Антонина *Лукашева* и Березкой, Зміевскаго уѣзда, Наталья *Крутѣва*; на *Аннинской лентѣ*:

старосты церквей: села Быгородка, Духовщинскаго уѣзда, крестьянинъ Андрей *Тихоновъ*, с. Ивановки, Изюмскаго уѣзда, крестьянинъ Емельянъ *Носаковъ*, слободы Бѣлаго-Колодезя, Волчанскаго уѣзда, крестьянинъ Емельянъ *Погорѣлый*; на *Станиславской лентѣ*: староста церкви с. Журавнаго, Ахтырскаго уѣзда, крестьянинъ Емельянъ *Дубиненко*.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

I. Отъ 18 марта—5 мая 1903 года за № 1367, о разъясненіи нѣкоторыхъ вопросовъ относительно взиманія установленнаго Высочайше утвержденнымъ 3 іюня 1902 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта особаго въ пользу казны сбора съ причтовъ, не получающихъ казеннаго содержанія.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ: предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 7-го марта сего года № 7346 о разъясненіи нѣкоторыхъ вопросовъ относительно взиманія установленнаго Высочайше утвержденнымъ 3 іюня 1902 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта особаго въ пользу казны сбора съ причтовъ, не получающихъ казеннаго содержанія. Приказали: Разсмотрѣвъ настоящее предложеніе, Святѣйшій Синодъ, согласно отзыву Департамента Государственнаго Казначейства и заключенію Хозяйственнаго Управленія, признаетъ необходимымъ преподать по духовному вѣдомству на нвженриведенные вопросы слѣдующія разъясненія: 1) по вопросу: слѣдуетъ-ли производить установленный въ пользу казны сборъ со всѣхъ не получающихъ казеннаго содержанія причтовъ безъ исключенія, или же только съ тѣхъ членовъ причтовъ, которые занимаютъ штатныя мѣста. Въ виду того, что, по ст. 1 Высочайше утвержденнаго 3 іюня 1902 года устава о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ священнослужителямъ в псаломщикамъ епархіальнаго вѣдомства, право на полученіе пенсіи или пособія изъ казны имѣютъ лишь штатные священнослужители и псаломщики, слѣдуетъ производить взиманіе помянутаго сбора лишь съ членовъ причтовъ, занимающихъ штатныя мѣста. 2) Слѣдуетъ ли освобождать отъ сего сбора тѣхъ священноцерковнослужителей, которые получаютъ содержаніе изъ казны, но по смѣтамъ не духовнаго, а другихъ вѣдомствъ, напримѣръ Министерства Финансовъ, вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и пр., а также подлежатъ ли этому сбору священноцерковнослужители, занимающіе, кромѣ мѣсть (безъ казеннаго содержанія) при церквахъ различныхъ учебныхъ заведеній, еще законоучительскія должности въ тѣхъ заведеніяхъ и пользующіеся казеннымъ содер-

жаніемъ по этимъ послѣднимъ должностямъ. Въ виду того, что, по ст. 3 Высочайше утвержденнаго Устава, священноцерковнослужителямъ, выслужившимъ пенсію на епархіальной и на какой либо другой службѣ, предоставляется право получать ту пенсію, которая окажется для нихъ выгоднѣе, представляется необходимымъ, чтобы какъ служба епархіальная, такъ и служба по другому вѣдомству, съ особыми пенсіонными правами, была оплачена вычетами независимо одна отъ другой, какъ это, напримѣръ, установлено для гражданскихъ чиновниковъ, которые, въ случаѣ занятія нѣсколькихъ должностей съ правами на пенсію, уплачиваютъ вычетъ въ пенсіонный капиталъ по всѣмъ этимъ должностямъ. Посему священноцерковнослужители, получающіе содержаніе изъ казны по смѣтамъ не духовнаго, а другихъ какихъ либо вѣдомствъ и пользующіеся правомъ на пенсію по правиламъ этихъ послѣднихъ вѣдомствъ, равно и священноцерковнослужители, занимающіе мѣста при церквахъ учебныхъ заведеній (безъ содержанія) и, сверхъ того, законоучительскія должности въ тѣхъ же заведеніяхъ, помимо установленныхъ 0/0/0 по дѣйствующимъ въ тѣхъ вѣдомствахъ и заведеніяхъ пенсіоннымъ Уставамъ, должны уплачивать также и установленные закономъ 3-го іюня 1902 года вычеты съ священноцерковнослужителей епархіальнаго вѣдомства. 3) Слѣдуетъ-ли взимать помянутый сборъ съ священноцерковнослужителей, получающихъ жалованье отъ городскихъ думъ, напримѣръ, на столычныхъ загородныхъ кладбищахъ, отъ земствъ и т. п. источниковъ. Таковыя священноцерковнослужители обязаны вносить въ пользу казны сборъ въ размѣрахъ, установленныхъ закономъ 3 іюня 1902 года, т. е. священники по 6 р., діаконы по 3 р. и псаломщики по 2 р. въ годъ, независимо отъ того, производится ли изъ ихъ содержанія вычетъ въ городскія или земскія средства, такъ какъ пособіе или пенсія изъ средствъ городскихъ или земскихъ, какъ суммъ частныхъ, а не казенныхъ, могутъ быть назначаемы имъ независимо отъ казенной пенсіи за епархіальную службу. 4) Должны ли подлежать этому сбору тѣ священноцерковнослужители, которые, занимая мѣста при церквахъ и не получая по нимъ жалованья отъ казны, въ то же время получаютъ пенсію за прежнюю службу, напримѣръ, по духовно-учебному вѣдомству. По прежнему смыслу закона (п. II Высочайше утвержденнаго 3-го іюня 1902 года мнѣнія Государственнаго Совѣта), съ такихъ священноцерковнослужителей слѣдуетъ производить сборъ въ установленныхъ размѣрахъ. 5) Въ какомъ размѣрѣ слѣдуетъ взимать сборъ съ неполучающихъ содержанія

отъ казны: а) священниковъ на діаконскихъ вакансіяхъ, б) священниковъ на псаломщическихъ вакансіяхъ и в) діаконъ на псаломщическихъ вакансіяхъ. Въ виду того, что, согласно ст. 17-й Высочайше утвержденного пенсіоннаго устава, священники, состоящіе на діаконскихъ или псаломщическихъ вакансіяхъ, имѣютъ право на полученіе діаконскихъ или псаломщическихъ окладовъ пенсій, а діаконъ на псаломщической вакансіи — псаломщическихъ окладовъ, съ лицъ первой категоріи — надлежитъ взимать сборъ — какъ съ діаконъ, т. е. по 3 руб. въ годъ, а второй и третьей категоріи — какъ съ псаломщиковъ, т. е. по 2 р. въ годъ.

II. Отъ 2—13 мая 1903 г. за 2056, объ освобожденіи отъ уплаты долга духовному вѣдомству за обученіе въ семинаріи тѣхъ изъ окончившихъ курсъ инословныхъ воспитанниковъ семинарій, которые поступили на должности учителей церковно-приходскихъ школъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ: предложенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 28 минувшаго апрѣля № 632, журналъ Учебнаго Комитета за № 177, съ заключеніемъ Комитета, по возбужденному правленіемъ Рязанской духовной семинаріи вопросу объ освобожденіи отъ уплаты долга духовному вѣдомству за обученіе въ семинаріи тѣхъ изъ окончившихъ курсъ инословныхъ воспитанниковъ семинарій, которые поступили на должности учителей церковно-приходскихъ школъ. Приказали: Разсмотрѣвъ настоящій журналъ Учебнаго Комитета, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разъяснить правленіямъ Рязанской и прочихъ духовныхъ семинарій, что служба инословныхъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій въ должностяхъ учителей церковно-приходскихъ школъ подлежить зачету въ уплату долга таковыхъ воспитанниковъ духовному вѣдомству за обученіе въ семинаріяхъ на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ, по Синодальному опредѣленію 25 мая—8 іюля 1878 года, засчитывается таковая же служба семинарскимъ воспитанникамъ въ уплату долга за ихъ казенное содержаніе въ семинаріяхъ, т. е. чтобы каждый годъ службы въ означенныхъ должностяхъ засчитывался за два года обученія въ семинаріи.

Отъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ.

Нѣкоторые епархіальные училищные совѣты и совѣты церковно-учительскихъ школъ обратились въ Училищный при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣтъ съ ходатайствомъ о разъясненіи нижеслѣдующихъ вопросовъ, вызываемыхъ въ церковно-школьной практикѣ примѣ-

неніемъ Высочайше утвержденаго 1 апрѣля 1902 года положенія о церковныхъ школахъ: 1) должны ли быть производимы испытанія учащимся въ церковно-учительскихъ школахъ при переходѣ ихъ изъ одного класса въ другой, 2) должны ли производиться выпускныя испытанія учащимся въ церковно-учительскихъ школахъ изъ всего курса сихъ школъ, или же только изъ предметовъ, положенныхъ по программѣ послѣдняго курса школы, и 3) кого изъ учащихся въ церковно-учительскихъ школахъ нужно считать окончившимъ курсъ съ отлічіемъ (ст. 56 Высочайше утвержденаго 1 апрѣля 1902 года положенія о церковныхъ школахъ).

Въ разъясненіе означенныхъ вопросовъ, Училищный Совѣтъ при Святѣйшемъ Синодѣ, журнальнымъ опредѣленіемъ, отъ 24 марта — 22 апрѣля 1903 года за № 344, утвержденнымъ г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, постановилъ: преподать циркулярно чрезъ пропечатаніе въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, епархіальнымъ училищнымъ совѣтамъ и совѣтамъ церковно-учительскихъ школъ нѣжеслѣдующія указанія: 1) учащіеся въ церковно-учительскихъ школахъ, при переходѣ изъ одного класса въ другой, должны подвергаться по всѣмъ предметамъ переводнымъ испытаніямъ, производимымъ совѣтами сихъ школъ; 2) выпускныя испытанія учащимся въ церковно-учительскихъ школахъ должны производиться по программамъ послѣдняго курса школы, и 3) окончившими курсъ въ церковно-учительскихъ школахъ съ отлічіемъ слѣдуетъ признавать тѣхъ изъ учащихся, которые на переводныхъ и выпускныхъ испытаніяхъ получаютъ по всѣмъ предметамъ учебнаго курса баллы не ниже 4, а въ среднемъ выводѣ не менѣе $4\frac{1}{2}$.

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.

Въ виду нѣкоторыхъ соображеній Харьковская Духовная Консисторія объявляетъ для свѣдѣнія духовенства епархіи, что за печатные циркулярные указы, рассылаемые причтамъ, взимается Консисторію плата въ томъ размѣрѣ, въ какомъ таковая будетъ обозначена на первой страницѣ самаго циркуляра, ввиду текста.

Отъ Харьковского Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Харьковский Епархіальный Совѣтъ, согласно журнальному постановленію своему, утвержденному Ево. Высокопреосвященствомъ юня 9 дня сего 1903 года, опмъ объявляетъ лицамъ, желающимъ приобрѣсти званіе учителя или учительницы церковно-приходской

школы по установленному испытанію, чтобы они, предварительно явив на таковое испытаніе, въ теченіе потребнаго времени практически усвоили приемы начального обученія путемъ личнаго участія въ занятіяхъ съ учащимися въ мѣстныхъ церковно-приходскихъ школахъ и о времени, проведенномъ за этимъ дѣломъ, а равно и о степени практическаго усвоенія двдцативосьмихъ приемовъ доставляли удостовѣренія завѣдующихъ школамъ въ мѣста производства испытаній.

Отъ Правленія Братства Св. Великомученицы Варвары.

Правленіемъ Братства въ засѣданіи 5-го іюня с. г. сдѣлано слѣдующее постановленіе, утвержденное Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеіемъ Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ: О.о. благочиннымъ, протоіереемъ Василю Никольскому, Василю Алексѣевскому и Григорію Попову, съ особеннымъ усердіемъ потрудившимся въ сборѣ пожертвованій на пользу Братства, выразить глубокую благодарность за ихъ сочувственное отношеніе къ Братству.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи, составленный послѣ годовыхъ испытаній за 1902—1903 учебный годъ

6-го класса.

Окончившіе курсъ Семинаріи

Разрядъ 1. 1. Виталій Якубовичъ, Евгенийъ Богуславскій, Владиміръ Недохлѣбовъ — награждены медалями, Сергѣй Филиппенко — награжденъ книгою; 5. Викторъ Дмитровскій, Веніаминъ Платоновъ, Василій Бесѣда, Ильи Рахманъ, Георгій Ястремскій; 10. Василій Жуковъ, Григорій Артемьевъ.

Разрядъ 2. Леонидъ Лазаревъ, Сергѣй Крыжавовскій, Николай Любарскій; 15. Аристархъ Сильванскій, Викторъ Знаменскій, Яковъ Ромепскій, Иванъ Рубинскій, Стефанъ Давиденко; 20. Анатолій Яновскій, Ѳедоръ Гончаровскій, Стефанъ Любарскій, Константинъ Новицкій, Иванъ Заводовскій; 25. Василій Ладенковъ, Николай Залуговскій, Евгенийъ Сапухнъ, Иванъ Липицкій, Алексѣй Власовскій; 30. Ѳедоръ Вербницкій, Дмитрій Грызолубовъ Константинъ Косьминъ, Евгенийъ Нѣмчиновъ, Григорій Яновскій; 35. Иванъ Бравловскій, Алексѣй Воскобойниковъ, Александръ Колесниковъ, Александръ Молодыхъ, Петръ Рубянский; 40. Иванъ Власовъ, Михайлъ Капустинъ, Василій Стадниченко, Григорій Шишловъ; 44. Николай Хижвяковъ.

5-го класса.

Переведены въ 6 классъ.

Разрядъ 1. 1. Григорій Мьяшвинъ, Иванъ Паншинъ, Константинъ Шебатинскій—награждены книгами, Иванъ Власовскій; 5. Григорій Пипенко, Григорій Рождественскій, Яковъ Приходивъ, Петръ Поновъ, Борисъ Федоровскій; 10. Афанасій Капустянскій, Петръ Роменскій, Павелъ Горавинъ.

Разрядъ 2. Алексѣй Виноградовъ, Михайлъ Николаевскій; 15. Василій Григоревичъ, Веніаминъ Ревскій, Алексѣй Новицкій, Яковъ Артюховскій, Николай Эвенховъ; 20. Митрофанъ Вербицкій, Иванъ Лобковскій, Михайлъ Пантелеймоновъ, Федоръ Хорошковъ, Яковъ Христіановскій; 25. Сергѣй Якубовичъ, Яковъ Шебатинскій, Александръ Щербина, Левъ Яковлевъ, Яковъ Григорьевъ; 30. Савва Доброницкій, Митрофанъ Смирнскій, Пантелеймовъ Бутковъ, Іона Павловъ, Анатолій Чернявскій; 35. Павелъ Чефрановъ.

Допущены къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ: Александръ Анисимовъ, Николай Николаевскій, Иванъ Протопоповъ—по литургикѣ, Иванъ Петровъ—по латинскому языку; 40. Алексѣй Рубинскій—по практическому руководству для пастырей, Павелъ Четвериковъ—по церковной исторіи, Семенъ Корняльевъ—по литургикѣ и церковной исторіи.

Уволенъ изъ семинаріи по малоуспѣшности 43. Николай Михайловъ.

4-го класса.

Переведены въ 5 классъ.

Разрядъ 1. 1. Григорій Тичининъ—награжденъ книгою, Семенъ Василевскій, Яковъ Леткинъ, Алексѣй Николаенко; 5. Владиміръ Евѣмовъ, Владиміръ Кипріяновъ, Александръ Цигуль, Николай Юшковъ.

Разрядъ 2-й. Сергѣй Чернявскій; 10. Иванъ Цоцировскій, Гавріиль Поповъ, Данилъ Стесенко, Михайлъ Макаровскій, Евѣмій Золотаревъ; 15. Николай Ястремскій, Андрей Лѣвскій, Александръ Федоровъ, Алексѣй Петраковъ, Антоній Поповъ; 20. Дмитрій Ольякъ, Николай Федоровъ, Иванъ Жуковскій, Дмитрій Исиченко, Илья Кіяновскій; 25. Алексѣй Торавскій, Анатолій Шиповаловъ, Михайлъ Григоровичъ, Николай Матвѣенко, Семенъ Важенковъ; 30. Георгій Грековъ.

Допущены къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ: Автономъ Жуковъ, Сергѣй Лядскій, Иванъ Момировъ—по философіи, Константинъ Золотаревъ; 35. Стефанъ Петровъ—по латинскому языку, Сергѣй Анисимовъ—по литургикѣ и греческому языку, Сергѣй Васильевъ—по греческому и латинскому языкамъ, Иванъ Камышавъ,

Федоръ Босьминъ—по греческому языку; 40. Петръ Дорошенко—по церковной исторіи и философіи, Федоръ Бородаевъ—по философіи и сочиненію.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классѣ: Павелъ Красновутскій, Александръ Сапухинъ, Григорій Чугаевъ—по болѣзни; 45. Александръ Дьяковъ—по малоусвѣщенности.

Уволены изъ Семинаріи: Александръ Евецкій, Константинъ Землянскій; 48. Николай Чарторижскій.

3-го нормал. класса.

Переведены въ 4 классъ.

Разрядъ 1. 1. Арсеній Головачевскій, Николай Хорошковъ—награждены книгами.

Разрядъ 2. Василій Филиппченко, Владиміръ Бѣляевъ, 5. Владиміръ Михайловскій, Иванъ Федоровъ, Василій Алферовъ, Георгій Стевурскій, Виталий Толмачевъ, 10. Василій Крыжановскій, Тимонъ Смирновскій, Дмитрій Яновскій, Тихонъ Любицкій.

Допущены къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ: Владиміръ Согиць—по гражданской исторіи; 15. Александръ Сѣвирскій—по церковной исторіи, Михаилъ Хвѣняновъ—по сочиненію, Михаилъ Нарожный—по логикѣ и сочиненію, Михаилъ Соколовскій—по церковной исторіи и гражданской исторіи, Андрей Николаевскій—по сочиненію и церковному пѣнію; 20. Иванъ Поповъ—по логикѣ и церковному пѣнію, Иларіонъ Дьяковъ—по математикѣ, гражданской исторіи и церковному пѣнію.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классѣ 22. Илья Червопецкій.

3-го паралл. класса.

Переведены въ 4 классъ.

Разрядъ 1. 1. Михаилъ Черныкичъ—награжденъ книгою.

Разрядъ 2. Алексѣй Вардаевъ, Гавріиль Добрецкій, Леонидъ Якубовичъ; 5. Стефанъ Алексѣевъ, Павелъ Дейнеховскій, Василій Цетичъ, Иона Ладенко, Андрей Насѣдвинъ; 10. Сергѣй Федоровъ, Александръ Олейниковъ.

Допущены къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ: Захарій Стрѣльцовъ—по церковной исторіи, Андрей Добрецкій, Николай Никитичъ; 15. Александръ Эллинскій—по математикѣ, Борисъ Цыбулевскій—по церковной исторіи и греческому языку.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классѣ: Григорій Цыбулевскій—по болѣзни, Николай Грызодубовъ—по малоусвѣщенности.

Уволенъ изъ семинаріи по переводѣ въ 4 классъ 19. Александръ Торанскій.

2-го нормал. класса.

Переведены въ 3 классъ.

Разрядъ 1. 1. Леонидъ Любицкій, Александръ Базилевичъ, Александръ Запороженко, Петръ Лысенко; 5. Петръ Суховъ, Александръ Слюсаревъ.

Разрядъ 2. Павелъ Проскурниковъ, Александръ Инновъ, Николай Евтушенко; 10. Петръ Жебиневъ, Викторъ Бородаевъ, Владиміръ Добрецкій, Викторъ Сергѣевъ, Григорій Слоневскій; 15. Константинъ Архангельскій, Николай Инновъ, Павелъ Черниговскій, Григорій Выковцевъ, Дмитрій Селезневъ; 20. Петръ Измаиловъ, Николай Пономаревъ.

Допущены къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ: Флладельфъ Балаховскій, Андрей Кузнецовъ, Викторъ Рубинскій; 25. Павелъ Салухинъ,—по латинскому языку, Левъ Браиловскій—по священному писанію и латинскому языку, Георгій Твердохлѣбовъ—по математикѣ и церковному пѣнію, Александръ Тимошеевъ—по словесности и греческому языку.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классѣ: Иванъ Пантелеймоновъ—по болѣзни; 30. Николай Крыжановскій, Леонидъ Малиженевскій—по малоусидѣнности.

Уволены изъ Семинаріи: Андрей Ведринскій, Виталий Григорьевскій; 34. Аркадій Яблонскій.

2-го паралл. класса.

Переведены въ 3 классъ.

Разрядъ 1. 1. Константинъ Гревизарскій, Григорій Евелмовъ, Иванъ Стахевичъ.

Разрядъ 2. Константинъ Оглоблинъ; 5. Сергѣй Владыковъ, Стефанъ Лераднѣй, Константинъ Лядскій, Иванъ Матвѣевъ, Александръ Поповъ; 10. Александръ Семеновъ, Александръ Артюховскій, Иванъ Павловскій, Михайлъ Дзюбановъ, Владиміръ Андреевъ; 15. Александръ Гордѣенко, Александръ Полницкій, Василій Федоровъ.

Допущены къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ: Сергѣй Буткевичъ—по церковному пѣнію, Андрей Дзюбановъ; 20. Михайлъ Чугаевъ—по латинскому языку, Стефанъ Дзюбановъ, Василій Жуковскій, Петръ Соколовскій—по математикѣ, Владиміръ Мухинъ—по гражданской исторіи и латинскому языку; 25. Георгій Платоновъ—по греческому и латинскому языкамъ, Николай Скубачевскій—по математикѣ, словесности и церковному пѣнію.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по малоуспѣшности 27. Владиміръ Базилевичъ.

1-го нормал. класса.

Переведены во 2 классъ.

Разрядъ 1. 1. Александръ Стрѣльцовъ, Іосифъ Стефановъ—награждены книгами, Иванъ Гавриловъ, Николай Шебатинскій; 5. Геннадій Безугловъ.

Разрядъ 2. Стефанъ Горошко, Павелъ Безугловъ, Анатолій Сильванскій, Анатолій Шебатинскій; 10. Григорій Гораннъ, Семень Насѣдичъ, Дмитрій Рудинскій, Амвросій Краєнопольскій, Александръ Власовъ; 15. Яковъ Матвѣевъ, Николай Тугариновъ, Алексѣй Никитинъ, Василій Новицкій, Владиміръ Сѣвирскій.

Допущены къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ: 20. Николай Бородаевскій, Алексѣй Ильинскій—по священному писанію, Алексѣй Гусевъ, Дмитрій Крохатскій—по греческому языку, Павелъ Трегубовъ; 25. Ѳедоръ Сулима—по латинскому языку, Косма Щелоковскій—по латинскому языку, Иванъ Бородаевскій—по математикѣ, Владиміръ Бѣлогорскій—по священному писанію и гражданской исторіи, Василій Рудинскій—по греческому и латинскому языкамъ и церковному пѣнію.

Оставлены на повторительный курсъ: 30. Алексѣй Сильванскій—по болѣзни, Викторъ Андреевъ, Мвхалъ Косаговскій, Николай Петровичъ, Тихонъ Торанскій; 35. Михаилъ Чернявскій, Иванъ Энятскій—по малоуспѣшности.

Уволены изъ Семинаріи: Викторъ Дикаревъ; 32. Иванъ Рудинскій.

1-го паралл. класса.

Переведены во 2 классъ.

Разрядъ 1. 1. Николай Иванущенко, Сергѣй Иванущенко—награждены книгами, Иванъ Гилуновъ, Иванъ Касьяновъ; 5. Тимоѣй Дмитріевъ, Иванъ Ладный, Алексѣй Лонгиновъ, Данилъ Цантелеймоновъ.

Разрядъ 2. Евгеній Жуковъ; 10. Александръ Мигуличъ, Василій Платоновъ. Тимоѣй Артюховскій, Михаилъ Яновскій, Яковъ Евтушенко; 15. Николай Матвѣевъ, Петръ Рубинскій, Михаилъ Торанскій, Данилъ Ястремскій, Николай Вербицкій; 20. Павелъ Новицкій, Ѳедоръ Степурскій.

—Допущены къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ: Глѣбъ Голяво-Захаржевскій, Гаврилъ Ѳедоровскій—по гражданской исторіи, Александръ Крыжановскій; 25. Василій Рубинскій—по греческому языку, Сергѣй Ильинскій, Иванъ Лукашевъ—по сочиненію, Владиміръ Браиловскій—по греческому и латинскому языкамъ, Андрей

Новомірскай—по математикѣ в латинскому языку; 30. Ипполитъ Шипловъ—по священному писанію, гражданской исторіи и церковному пѣнію, Гавріиль Грузовъ—по греческому и латинскому языкамъ.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по малоуспѣшности: Киріонъ Алексѣевъ, Алексѣй Басанскій, Леонтій Жуковский; 35. Николай Молочковский, Николай Подлукскій; 37. Алексѣй Татаринъ.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

I.

Правленіе Семинаріи доводитъ до свѣдѣнія родителей в опекуновъ воспитанниковъ Семинаріи, а также всѣхъ вновь поступающихъ въ Семинарію слѣдующее:

1. Приемные экзамены для поступленія во всѣ классы Семинаріи и переводные для воспитанниковъ Семинаріи, неудостоеенныхъ перевода въ слѣдующіе классы, будутъ начаты въ настоящемъ году 20, а классныя занятія 31 августа.

2. Окончившіе курсъ въ духовныхъ училищахъ Харьковской Епархіи, желающіе поступить въ первый классъ Семинаріи, должны подать о семъ прошеніе къ 15-му августа на имя о. Ректора Семинаріи и будутъ подвергнуты повѣрочному испытанію устному по церковно-славянскому языку, катихизису, греческому языку и арифметикѣ и письменному по русскому языку, а не окончившіе курса въ сихъ училищахъ будутъ экзаменуются по всѣмъ предметамъ 4 класса духовныхъ училищъ. (См. росписаніе).

3. Всѣ поступающіе въ Семинарію лица свѣтскаго званія обязаны внести плату за обученіе впередъ за весь годъ 40 руб. или за полугодіе 20 руб., безъ чего не будутъ приняты въ Семинарію.

4. Всѣ воспитанники Семинаріи, желающіе быть принятыми на казенное содержаніе, или получить пособіе изъ епархіальныхъ суммъ, кромѣ сиротъ духовнаго званія, уже состоящихъ на казенномъ содержаніи, должны подать о семъ прошеніе на имя о. Ректора Семинаріи непременно къ 1 августа сего года съ приложеніемъ благочынническаго удостовѣренія о бѣдности, въ коемъ должно быть описано имущественное состояніе отца и составъ его семейства съ указаніемъ, сколько дѣтей и на чей счетъ воспитываются въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

5. Воспитанники, не принятые на казенное содержаніе, должны быть помѣщены въ семинарскомъ общежитіи со взносомъ 120 р., а вносословные 180 руб. въ годъ. Эта плата должна быть вноси-

ма по третямъ: въ 1 сентября, въ 15 ноября и въ 1 марта кажды́й разъ по 40 руб., а отъ вносословныхъ—по 60 руб.; кромѣ того всѣ вновь поступающіе своекоштные ученики обязаны внести эконому Семинаріи одновременно на все время обученія въ Семинаріи 15 р. на первоначальное обзаведеніе и 5 руб. на приобрѣтеніе учебниксвъ.

6. Всѣ воспитанники Семинаріи обязаны имѣть форменную одежду установленнаго образца безъ всякихъ отступленій. При заказѣ для казеннокоштныхъ воспитанниковъ суконная форменная пара обходится въ 17 р., будничная въ 7 р. 75 к., фуражка въ 1 р.; по этой же цѣнѣ можетъ быть заказываема одежда и для желающихъ своекоштныхъ воспитанниковъ.

II.

Ростписаніе приемныхъ экзаменовъ и переэкзаменовокъ, въ Харьковской Духовной Семинаріи въ августъ 1903 года.

Переэкзаменовки для воспитанниковъ Семинаріи и приемные экзамены для поступающихъ въ старшіе классы Семинаріи.	Приемные экзамены для поступающихъ въ первый классъ Семинаріи.
20 августа. Русское сочиненіе.	Письменная работа по русскому языку (диктантъ).
21 — Священное Писаніе, церковная исторія и библейская исторія.	Церковно-славянскій языкъ.
22 — Латинскій языкъ, словесность и исторія русской литературы.	Катихизисъ.
23 — Математика, физика, естественная исторія, философія, психологія, логика и дидактика.	Греческій языкъ.
24 — Гомилетика, литургика, руководство для пастырей, греческій языкъ и гражданская исторія.	Арифметика.
26 — Богословіе основное, догматическое и нравственное, исторія и различіе раскола, обличительное богословіе и церковное пѣніе.	Церковный уставъ, латинскій языкъ, географія, русскій языкъ и церковное пѣніе (для неокончившихъ курсъ въ духовныхъ училищахъ Харьковск. епархіи).

Списокъ воспитанницъ приготовительнаго, перваго, втораго, третьяго, четвертаго и пятаго классовъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго училища, составленный послѣ годичныхъ испытаній за 1902—1903 учебный годъ.

Приготовит. нормал. класса.

а) Удостоены перевода въ первый классъ.

1. Бородаева 1-я Серафима, Быкова Елена, Быковцева Анна, Букасова Татіана—нагр. похв. листомъ; 5. Веселовская Александра, Войтова Ольга, Гладкова Екатерина, Горбачевская Зинаида, Грекова Наталія—нагр. похв. листомъ; 10. Дюкова Елисавета, Загурская Зинаида, Зайцева Варвара, Знаменская Вѣра—нагр. похв. листомъ, Ильинская Валентина; 15. Капустина Ефросинія, Ковалева Елена, Ковалевская 1 Ларисса, Ковалевская 2 Равса, Козьменко Нина; 20. Крутьева Вѣра—нагр. похв. листомъ, Лавденцова Галина, Ладухина Ксенія, Любарская 1 Александра—нагр. похв. листомъ, Любарская 2 Анна; 25. Мартынова Зинаида—нагр. похв. листомъ, Матвѣева Антонина, Мухина 1 Антонина, Мураховская Анна, Насѣдкина Александра; 30. Нивитина Марія, Николаевичъ Серафима, Петрова Анастасія—нагр. похв. листомъ, Пипенко Александра, Пономарева Ксенія; 35. Протопопова Александра, Розова Марія—нагр. похв. листомъ, Сидоренко Евгенія, Станкова Анна, Стрѣльцова Антонина; 40. Сукачева 1 Вѣра, Сукачева 2 Лидія—нагр. похв. листомъ, Сулима Любовь, Уманцева Лидія—нагр. похв. листомъ, Черепашкина Марія; 45. Чернявская Евгенія, Шапошниковка Александра, Яковлева Нина, Якубовичъ Марія и Федоровская Елена.

б) Будутъ переведены въ первый классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ канюулъ: 50. Мухина 2 Валентина, Петровская Антонина—по русск. языку, Попова Марія—по арифметикѣ и Твердолѣбова Ольга—по русск. языку и арифметикѣ.

в) Оставляются въ приготовительномъ классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности: Арястова Елена; 55. Бородаева 2 Юлія, Ветухова Марія и Черняева Зинаида.

Приготовит. паралл. класса.

а) Удостоены перевода въ первый классъ.

1. Антоновская Марія, Базилевская Анастасія, Бородаевская 1 Екатерина, Бородаевская 2 Лидія; 5. Бортникова Марія, Буханенко Валентина, Бѣликова Вѣра, Быковцева Евдокія, Васильева Ксенія; 10. Венедиктова Наталія, Грызодубова Евгенія—нагр. похв. листомъ, Дикарева 1 Анна—нагр. похв. листомъ, Дикарева 2 Ксенія, Дорошенко Вѣра—нагр. похв. листомъ; 15. Залетова Анна, Иванова Антонина, Климентова Неонила, Кривцунъ Лидія,

Кривницкая Гульня; 20. Ливко-Парафіевская Александра, Лисенко Анна, Диткевичъ Екатерина, Любичская Варвара—нагр. похв. листомъ, Матвѣева Валентина; 25. Мигулина Антонина, Мощенко Зинаида, Наумова Анастасія, Николаевская Наталія, Огулькова Юлія; 30. Павлова Елена, Павловская Евдокія, Радонежская Екатерина, Рубинская Анастасія, Семейкина Марія; 35. Сиромахина Евгенія, Ситенко Елисавета—нагр. похв. листомъ, Соколовская Людмила, Сокальская Анастасія—нагр. похв. листомъ, Стаховская Антонина; 40. Толмачева 1 Клавдія—нагр. похв. листомъ, Толмачева 2 Наталія, Третьякова Екатерина, Хижнякова Марія, Чаговцева Марія; 45. Черняева Елисавета, Щербина Марія, Яблоновская Софья и Ѳедорова 1 Александра.

б) Будутъ переведены въ первый классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ: Краснокутская Елена—по арифметикѣ; 50. Рожкова Наталія, Ѳедорова 2 Марія—по русск. языку и арифметикѣ.

в) Григоросуло Аннѣ, какъ не державшей экзамена по всѣмъ предметамъ по болѣзни, предоставляется держать таковой послѣ каникулъ.

г) Остаются въ приготовительномъ классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности: Бугуцкая Анна, Елпінская Марія; 55. Николпщева Нина, Ефимова Евгенія, Лазаревская Марія, Сулима Наталія и Тетивяникова Елена.

Перваго нормал класса.

а) Удостоины перевода во второй классъ.

1. Антонова Ольга, Виноградская Александра—нагр. похв. листами, Волобуева Марія, Гревизерская, Лидія; 5. Грекова Марія, Давидовская Евгенія, Дегиренко Елена, Евфимова Евгенія, Касьянова Нина—нагр. похв. листомъ; 10. Кипустина Лидія, Клячнова Марія, Ковальская Зоя, Кривницкая Ѳевла, Куницына Елена; 15. Леонтьева Серафима, Ломакина Антонина, Мадншевская Елена, Мильская Лидія, Мураховская Ирина—нагр. похв. листомъ; 20. Навродская Клавдія, Николаевская Елена, Орлова Анна, Платонова Александра, Пономарева Глафира; 25. Пономарева Юлія, Пузакова Елена, Раевская Софья—нагр. пох. листомъ, Ревская Елена, Согина Евгенія; 30. Сѣверинова Галина, Сѣрая Елена, Титова Зинаида, Торанская Александра, Ушаклова Лидія; 35. Ушаклова Надежда, Филипповичъ Раиса, Чебакова Зинаида—нагр. похв. листомъ, Шебатинская Валентина, Щедоковская Серафима; 40. Ястремская Евгенія и Ѳаворова Елена—нагр. похв. листомъ.

б) *Будутъ переведены во второй классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:* Квитковская Марія—по русск. языку, Руднева Марія—по русск. языку, Маслова Неонила—по ариметикѣ.

в) 45. Дикаревой Александрѣ и Федоровой Александрѣ, какъ недержавшимъ экзамена по всѣмъ предметамъ по болѣзни, предоставляется держать таковой послѣ каникулъ.

г) *Оставляются въ первомъ классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности:* Сибсаревская Надежда и Чижевская Анна.

Перваго паралл. класса.

а) *Удостоены перевода во второй классъ.*

1. Брайловская Валентина, Вучакчійская Вѣра, Веселовская Марія, Грекова Анна; 5. Гумилевская Анна, Жебко Вѣра, Заводовская Зинаида, Иванова Серафима, Калмыкова Екатерина—нагр. похв. листомъ; 10. Кяшкѣ Александра—нагр. похв. листомъ, Киряллова Ксенія, Колосовская Наталія, Краснокутская Лвдія, Краснопольская 2 Іульвія; 15. Крыжановская 1 Серафима, Лободина Евгенія, Лядская Анна, Матвѣева Ольга, Назаревская Александра; 20. Оглоблина Любовь, Огулькова Раиса, Орловская Анна, Пономарева Анна, Рубицкая 1 Александра; 25. Рубицкая 2 Нина, Руднева Евдокія, Сапухина Валентина, Сильванская Екатерина, Соколовская Елена; 30. Солодухина Вѣра, Трипольская Вѣра, Тугаринова Елена, Фенева Тавсія, Шебатинская Екатерина; 35. Щепицкая Антонина, Яновская Марія и Фаворова Марія.

б) *Будутъ переведены во второй классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:* Навредская Екатерина—письм. по русск. языку, Михайликъ Марія—по русск. языку; 40. Кустовская Антонина по ариметикѣ, Медяникъ Марія—по ариметикѣ, Краснопольская 1 Анна—по русск. языку и аримет.

в) Крыжановской 2 Галпнѣ, какъ не державшей экзамена по всѣмъ предметамъ по болѣзни, предоставляется держать таковой послѣ каникулъ.

г) *Оставляется въ первомъ классѣ на повторительный курсъ, по просьбѣ отца* Гревизирская Ольга.

д) *Оставляются въ первомъ классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности:* 45. Жуковская Анна, Мирожина Серафима, Новицкая Марія и Федорова Любовь.

Второго нормал. класса.

а) *Удостоены перевода въ третій классъ.*

1. Александрова Марія, Андреевкова Наталія, Артюховская Нина, Базилевичъ Иван—нагр. похв. лист.; 5. Бѣлогорская Елисавета, Ва-

сидьевская ВѢра, Виноградская Анна — нагр. похв. лист., Головкова Гулянія, Греввзпрская Марія; 10. Дашкіева Зинаида — нагр. похв. листомъ, Звильковская Елена, Ивашина-Надтоко Александра, Ковалевская Анна, Конькова Марія; 15. Косьмина Любовь, Кулыжная Ольга, Лойко Надежда, Люткевичъ Александра, Мартынова Анфиса; 20. Мартынова Анастасія, Николаевская Екатерина, Петрова Марія, Попова Варвара (Андр.), Попова Варвара (Феоф.); 25. Пропова Параскева — нагр. похв. листомъ, Протопопова Пелагія, Розова Лидія, Руднева Елена, Сапухина Анна; 30. Сидоренко Дарія, Созоптьева Марія, Спѣсавцева Марія, Стесенко Людмила, Стефанова Галина; 35. Стрижакова Екатерина — нагр. похв. листомъ, Туранская Марія, Филевская Леонила, Филиппова Евгения, Хорошкова Наталія; 40. Яковлева Галина, Федорова 1 Антонина и Федорова 2 Марія.

б) Будутъ переведены въ третій классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ: Леонтьева Юлія — по русск. языку, Павловская Неонила — по арифметикѣ; 45. Шапошникова Ольга — по арифметикѣ, Григоровичъ Марія — по русск. яз. и арифметикѣ, Евфименко Анна — по рус. языку и арифметикѣ.

в) Басьяновой Еленѣ и Доброславской Ольгѣ, какъ недержавшимъ экзамена по всѣмъ предметамъ по болѣзни, предоставляется держать таковой послѣ каникулъ.

г) Оставляется во второмъ классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности: 50. Войкова Елена.

Второго паралл. класса.

а) Удостоены перевода въ третій классъ.

1. Башинская Наталія, Борискова Агафія, Вородаевская Райса, Васильева Александра; 5. Вертеловская Лидія, Гладкова Евгения, Горлова Марія, Еллинская Райса, Жуковская Александра; 10. Земборская Марія, Кіановская Екатерина — нагр. похв. листомъ. Коренева Лидія, Коростовцева Марія, Краснопольская Зоя; 15. Кремповская Елена, Крохатская Валентина, Бузьменко Зинаида, Курская Анна, Лещинская Евгения; 20. Лубарская Клавдія, Лидская Аполлинарія — нагр. похв. листомъ. Мазанкина Марія, Мураховская Марія, Новикова Александра; 25. Полянская Зои, Пономарева Анна, Пономарева Ольга, Рубинская Елена, Ставрова Марія; 30. Сулима Антонина, Трегубова Ольга, Фролова Марія, Цыкунова Гулянія, Черняева Марія; 35. Федоровская Лидія.

б) Будутъ переведены въ третій классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ: Вербицкая Зинаида, Труфанова Евлампія, Чебанова Наталія, Чивлева Лидія — по ариф-

метвѣ; 40. Николаенко Вѣра — по географіи, Грекова Людмила — по русск. яз. и географіи.

в) Любянской Аниоллиаріи, какъ не державшей экзамена по всѣмъ предметамъ по болѣзни, предоставляется держать таковой послѣ каникулъ.

г) Оставляется во второмъ классѣ на повторительный курсъ по просьбѣ отца Квитковская Анна.

д) Оставляются во второмъ классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности: Безпятаина Екатерина; 45. Антоновская Евдокія, Васманова Александра, Горбунова Евдокія и Толмачева Надежда.

Третьяго нормал. класса.

а) Удостоены перевода въ четвертый классъ.

1. Вашинская Марія, Бендиктова Марія — нагр. похв. листомъ, Горбунова Меланія, Грагоросухо Марія; 5. Дахова Екатерина, Дегиренко Екатерина, Дзюбанова Елена, Дикарева Ольга, Ефремова Анна; 10. Зефирова Анна — нагр. похв. листомъ, Иванова Вѣра — нагр. похв. листомъ, Капустянская Евгенія, Коваленко 1 Валентина, Коваленко 2 Зинаида; 15. Литовкина Лариса, Логвинова Анна, Лонгинова Антонина, Макаровская Варвара, Назимко Антонина; 20. Нестеренко 1 Наталія, Нестеренко 2 Антонина, Нячевичъ Анна, Ольховская Анна, Павловская Ксенія; 25. Попомарева Александра, Попова Екатерина, Протопопова Зинаида, Приходькова Вѣра, Рыбалова Анна; 30. Солянцева Варвара, Стефанова Неонила, Твердохлѣбова Галина, Томашевская Евгенія, — нагр., похв. листомъ, Филевская Елисавета — нагр. похв. листомъ; 35. Царевская Марія, Оедоровская 1 Лидія — нагр. похв. листомъ, Теокистова Марія и Попова 3-я Галина — переводится безъ экзамена.

б) Будутъ переведены въ четвертый классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ: Крохатская Наталія — по русск. языку; 40. Гумплевская Варвара — по русск. языку — устн. и письменный, Попова 2 Вѣра — по славянскому языку, Сильванская Александра — по русск. языку, Ситенко Наталія — по русск. языку письмен. Шошина Марія — по русск. языку; 45. Юшкова Наталія — по арифметикѣ.

в) Поповой 1 Аниѣ и Петрусенко Викторіи, какъ не державшимъ экзамена по всѣмъ предметамъ по болѣзни, представляется держать таковой послѣ каникулъ.

г) Оставляется въ третьемъ классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности: Пантелеимонова Екатерина.

Третьяго паралл. класса.

а) Удостоены перевода въ четвертый классъ.

1. Васильева Александра, Ганжа Александра, Грекова Екатерина, Григоровичъ Людмила; 5. Жукова Викторія, Захарьева Елена, Кириллова Зоя, Корнѣенко Евгенія—нагр. похв. листомъ, Курѣва Марія—нагр. пох. листомъ; 10. Котляревская Елисавета, Краснокутская Анна, Краснопольская Татіана, Лисенковская Зинаида, Любичская Марія; 15. Лядская Александра, Насѣдкина Валентина, Николаевская Олимпіада, Павлова Ксенія, Пономарева Татіана; 20. Полова Антонина, Протопова Евгенія, Раевская Елисавета, Савченко Надежда, Соболева Екатерина; 25. Солодухина Евгенія, Степурская Таисія, Торанская Марія, Чернявская Екатерина, Шереметьева Ольга—нагр. похв. листомъ; 30. Шишлова Александра, Шишлова Антонина, Шокотова Анна, Щеголева Анна, Яблоновская Елена; 35. Яновская Лидія, Ястремская Лидія и Тимофѣева Анна.

б) Будутъ переведены въ четвертый классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ: Базилевичъ Анна—по русскому языку—устный и письменный. Фотинская Клавдія—по сочиненію; 40. Чиркѣва Евдокія—по русскому языку—устный и письменный, Жукова Целагія, Крушедольская Анна—по русскому языку, Жуковская Лидія, Иваненко Валентина, Попова Анна—по арифметикѣ и Черепанина Зинаида—по русскому языку и арифметикѣ.

в) Оставляется въ третьемъ классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности: Руднева Агrippина.

Четвертаго нормал. класса.

а) Удостоены перевода въ пятый классъ.

1. Антонова Антонина, Артюховская ВѢра, Брайловская Анастасія, Ветухова Анна; 5. Ведринская Аннмаиса, Грызодубова Марія, Добрецкая Елисавета, Жуковская Тамара, Касьянова Ольга; 10. Крыжановская Анастасія, Литовкина Марія—нагр. похв. листомъ, Маслова Лидія, Мазанкина ВѢра, Мартынова Елена; 15. Мельникова Ольга, Мураховская Евфросинія, Нивульцева Марія, Петрусенко Анна, Раевская Елена—нагр. похв. листомъ; 20. Рубинская Анастасія, Сильванская Ольга—нагр. похв. листомъ, Сидорова Анастасія, Ставрова Юлія—нагр. похв. листомъ, Сукачева Серафима; 25. Троицкая 1 Анна, Троицкая 2 Анна, Туранская Анастасія, Турбина Варвара—нагр. похв. листомъ, Флейснеръ Надежда; 30. Чугаева Антонина—нагр. похв. листомъ, Шапошникова Лидія, Федорова 1 Анна и Федорова 2 Марія.

б) Будутъ переведены въ пятый классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ: Булгакова Дарія; 35. Лиманская Елисавета, Рубинская Вѣра, Санухина Екатерина—по русскому языку, Сокологорская Елена—по арифметикѣ и Иванова Надежда—по русск. языку.

Четвертаго паралл. класса.

а) Удостоены перевода въ пятый классъ.

1. Андреева Лидія, Артюховская Елена, Бучакчійская Надежда, Васютинская Лидія; 5. Верещунъ Ксенія, Гладкова Раиса, Дикарева Евгенія, Дорошенко Нина, Дюкова Екатерина—нагр. похв. листомъ; 10. Касьянова Анастасія, Ключнова Наталія, Бунцына Валентина, Навродская Ольга, Попова 1 Ольга; 15. Попова 2 Лидія, Раевская Марія, Романенко Дарія, Рубинская Людмила, Соколова Зинаида; 20. Слѣсивцева Людмила, Старченко Марія, Ткаченко Капитолина, Труфанова Антонина, Холодова Антонина; 25. Царевская Варвара, Чебанова Раиса—нагр. похв. листомъ, Чиркина Марія, Чулкова Марія, Шебатинская Раиса; 30. Шемигонова Ольга, Ѳедорова 1 Евгенія, Ѳедорова 2 Дарія—нагр. похв. листомъ, Ѳедоровская Валентина.

б) Будутъ переведены въ пятый классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ: Константинова Анна; 35. Щелаковская Лидія—по исторіи, Копѣйчикова Александра—по русск. языку, Климашова Марія—по русск. яз. и исторіи, Ѳомпа Клавдія—по русск. яз. и сочиненію.

в) Кяпріановой Маріи, какъ не державшей по болѣзни экзаменовъ: по славянск., русск. языкамъ и по сочиненію, предоставляется право держать ихъ послѣ каникулъ.

Пятаго нормал. класса.

а) Удостоены перевода въ шестой классъ.

1. Андреецкова Анна, Бѣльева Марія—нагр. похв. листомъ, Ветухова Елена, Войтова Марія; 5. Григорьева Олимпіада, Дахова Матрона, Драцкина Раиса, Жуковская 1 Антонина, Жуковская 2 Ольга; 10. Иванова Надежда, Балюжная Марія, Климентова Елена, Коваленко Марія—нагр. похв. листомъ, Крестовникова Ольга—нагр. похв. листомъ; 15. Луценко Лидія, Македонская 1 Александра, Македонская 2 Софья—нагр. похв. листомъ, Мальцева Вѣра, Мансурова Ольга; 20. Матвѣева 1 Александра, Москалева Евгенія, Николаевская Ольга, Петина Анна, Петрусенко 1 Ларисса—нагр. похв. листомъ; 25. Подлуцкая Ольга—нагр. похв. листомъ, Пономарева 1 Марія, Самойлова Елисавета, Семейкина Марія, Соболева Евдокія; 30. Сулима Александра, Шошина Анна, Ярцева

Любовь, Оаворова Марія, Оедорова Анастасія и 35. Оедоровская Елена.

б) Будутъ переведены въ шестой классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ: Макаровская Анна, Матвѣева 2 Варвара, Михайлевская Марія—по исторіи, Метлицкая Марія—по двѣдтиѣвъ; 40. Сергѣева Елена—по словесности.

в) Ооставляются въ пятомъ классѣ на повторительный курсъ по просьбамъ родителей: Петрусенко Елена и Кузьменко Лидія.

г) Ооставляются въ пятомъ классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности Пономарева 2 Марія.

Пятаго паралл. класса.

а) Удостоены перевода въ шестой классъ:

Антоновичъ Наталія, Бакланова Марія, Буткова Евдокія—нагр. похв. листомъ, Бѣляева Ранса; 5. Васильевская 1 Марія, Васильевская 2 Неонвля, Вербицкая Лидія, Григоросуло Софья, Грузова Галина; 10. Жадановская Ксенія, Знаменская Екатерина, Каунъ Дарія, Квитницкая Клавдія, Кирше Александра; 15. Кіяновская Татіана—нагр. похв. листомъ, Колесникова Анна—нагр. похв. листомъ, Кравцова Анна, Краснопольская Пелагія, Любарская Надежда; 20. Марченко Евгенія, Маслова Антоновна, Машина Леонвля, Николаевская Валентина, Ростовцева Евренія; 25. Скларова Марія, Соколова Лидія, Ходская Евгенія—нагр. похв. листомъ, Холодовичъ Анна—нагр. похв. листомъ, Элиянская Елена; 30. Ярцева Александра и Оедюшвина Валентина.

б) Будутъ удостоены перевода въ шестой классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ: Грекова Домника, Ястремская Марія—по сочиненію, Давидовичъ ВѢра; 35. Дмитровская Ранса—по арифметикѣ, Оедорова Анна—по физикѣ, Гладкова Елена—по арифметикѣ и географіи.

в) Ооставляются въ пятомъ классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности: Бородаева Евдокія, Капустина Антоновна Крыжавовская Калерія, Анисимова Любовь, Бухаченко Людмила.

г) Увольняется изъ числа воспитанницъ училища за неякою: Занченко Варвара.

Краткій отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища за 1902—1903 учебный годъ.

1. Въ 1902—1903 учебномъ году Совѣтъ училища составляли: а) Предсѣдатель Совѣта, профессоръ богословія въ Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ, докторъ богословія, протоіерей Тимофей Буткевичъ, б) начальница училища, окончившая курсъ въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, дворянка дѣвица Евгенія Нико-

лаевна Гейцыгъ, в) инспекторъ классовъ, кандидатъ богословія, священникъ Іоаниъ Котовъ, г) члены Совѣта отъ духовенства: магистръ богословія священникъ Іоаниъ Филевскій и священникъ Павелъ Тимоѣевъ, д) почетная попечительница училища, жена дѣйствительнаго статскаго Совѣтника, Дарія Діевна Оболенская и е) почетный блюститель по хозяйственной части училища, потомственный почетный гражданинъ Николай Осиповичъ Лещинскій.

2. Въ отчетномъ году въ училищѣ было: шесть нормальныхъ классовъ, подготовительный классъ, семь параллельныхъ отдѣленій: въ подготовительномъ, первомъ, второмъ, третьемъ, четвертомъ, пятомъ и шестомъ классахъ и одна образцовая церковно-приходская школа.

3) Учебный персоналъ состоялъ: изъ 19 преподавателей, 17 учительницъ, 14 старшихъ воспитательницъ, 14 младшихъ воспитательницъ и одной учительницы образцовой церковно-приходской школы.

4. Къ началу занятій 1902—1903 учебнаго года въ училищѣ числилось—496 воспитанницъ.

Въ Августѣ 1902 года, по журнальному опредѣленію Совѣта, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, принято вновь въ число воспитанницъ училища—158 дѣвицъ: именно—въ подготовительный классъ—117, въ первый 35, въ 4—3 и въ пятый—3.

Вслѣдствіе этого 1902—1903 учебный годъ начался при шестидесяти пятидесяти четырехъ (654) воспитанницахъ, которыя по классамъ распредѣлены были такъ:

—	Въ пригот. норм. классѣ	60	воспит.
—	— парал.	62	—
—	I норм.	48	—
—	I парал.	48	—
—	II норм.	50	—
—	II парал.	50	—
—	III норм.	49	—
—	III парал.	48	—
—	IV норм.	39	—
—	IV парал.	39	—
—	V норм.	43	—
—	V парал.	43	—
—	VI норм.	33	—
—	VI парал.	42	—

Итого во всѣхъ классахъ 654 воспит.

5. Въ теченіе 1902—1903 учебнаго года принято было въ число воспитанницъ училища—3 дѣвицы.

Въ пригот. парал. классѣ 1 дѣвица
и — 3 парал. — 2 дѣвицы.

Въ отчетномъ учебномъ году вышло изъ училища пять воспитанницъ, а именно:

Изъ пригот. норм. класса	2	воспит.
— II парал.	1	—
— III норм.	1	—
— парал.	1	—

6. Къ началу годовыхъ испытаній числилось:

Въ пригот. норм. классѣ	58	воспит.
— парал.	63	—
— I норм.	48	—
— I парал.	63	—
— II норм.	50	—
— II парал.	48	—
— III норм.	49	—
— III парал.	49	—
— IV норм.	39	—
— IV парал.	39	—
— V норм.	43	—
— V парал.	43	—
— VI норм.	33	—
— VI парал.	41	—

Итого во всѣхъ классахъ 652 воспитанницъ.

7. После годовыхъ испытаній, произведенныхъ въ апрѣлѣ, маѣ и юнѣ мѣсяцахъ настоящаго года, по постановленію училищнаго Совѣта отъ 21 мая и 5 июня н. г.

а) Удостоены перевода въ слѣдующіе классы:

Изъ пригот. норм. класса	въ I классѣ	49	воспит.
— парал.	I	48	—
— I норм.	II	41	—
— I парал.	II	37	—
— II норм.	III	42	—
— II парал.	III	36	—
— III норм.	IV	37	—
— III парал.	IV	37	—
— IV норм.	V	33	—
— IV парал.	V	33	—
— V норм.	VI	36	—
— V парал.	VI	31	—

б) Оставлено въ тѣхъ же классахъ на повторительный курсъ по просьбамъ родителей и по малоуспѣшности — 35 воспитанницъ.

в) Семидесяти четыремъ воспитанницамъ, не державшимъ экзаменовъ по уважительнымъ причинамъ, равно, какъ и получившимъ неудовлетворительный отбѣтъ по нѣкоторымъ предметамъ, дозволено подвергнуться переводному испытанію и перенести экзаменовъ послѣ канкулы.

Въ пригот.	норм.	классъ	4	воспит.
—	—	парал.	—	4
—	I	норм.	—	5
—	I	парал.	—	6
—	II	норм.	—	7
—	II	парал.	—	7
—	III	норм.	—	9
—	III	парал.	—	9
—	IV	норм.	—	6
—	IV	парал.	—	6
—	V	нормал.	—	5
—	V	парал.	—	6

г) Уволены изъ училища 9 воспитаницъ за неявку.

д) Окончили полный курсъ училища 75 воспитаницъ, которымъ, на основаніи III § устава Епархіальныхъ женскихъ училищъ, выдаются аттестаты съ званіемъ домашнихъ учительницъ.

8. Изъ числа переведенныхъ изъ младшихъ въ старшіе классы и окончившихъ курсъ воспитаницъ за отличные успѣхи и благонравіе, по опредѣленію Совѣта, удостоены награжденія похвальными листами в книгамъ:

Въ пригот.	норм.	классъ	10	воспит.
—	—	парал.	—	7
—	I	норм.	—	7
—	I	парал.	—	2
—	II	норм.	—	5
—	II	парал.	—	2
—	III	норм.	—	6
—	III	парал.	—	3
—	IV	норм.	—	6
—	IV	парал.	—	3
—	V	норм.	—	6
—	V	парал.	—	5
—	VI	норм.	—	12
—	VI	парал.	—	5

Описокъ воспитаницамъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища, которыя за отличные успѣхи и отличное благонравіе, по опредѣленію Совѣта, награждаются похвальными листами.

Приготовит. нормал. класса.

1. Букасова Татіана, Грекова Наталія, Знаменская Вѣра, Крутьева Вѣра; 5. Любарская І Александра, Мартынова Звизада, Петрова Анастасія, Розова Марія, Сукачева 2 Лидія; 10. Уманцева Лидія.

Приготовит. паралл. класса.

1. Грыздубова Евгенія, Дикарева І Анна, Дорошенко Вѣра, Любичая Варвара; 5. Сятенко Ельсавета, Сокольская Анастасія, Толмачева І Клавдія.

Перваго нормал. класса

1. Антонова Ольга, Виноградская Александра, Касьянова Нина, Мураховская Ирина; 5. Раевская Софья, Чебанова Зинаида, Фаворова Елена.

Перваго паралл. класса.

Калмыкова Еватерина, Кашикъ Александра.

Второго нормал. класса

1. Базилевичъ Нина, Виноградская Анна, Дашкиева Зинаида, Попова Параскева; 5. Стрижкова Еватерина.

Второго паралл. класса.

1. Кіиновская Екатерина, Лядская Аполлиарія.

Третьяго нормал. класса.

1. Венедиктова Марія, Зефирова Анна, Иванова ВѢра, Томашевская Евгения; 5. Филевская Елисавета и Федоровская 1 Лидія.

Третьяго паралл. класса.

1. Барѣева Марія, Корнѣенко Евгения, Шереметьева Ольга.

Четвертаго нормал. класса.

1. Литовкина Марія, Раевская Елена, Сильванская Ольга, Ставрова Юлія; 5. Турбина Варвара, Чугаева Антонина.

Четвертаго паралл. класса.

1. Дюкова Екатерина, Чебанова Раиса, Федорова 2 Дарія.

Пятаго нормал. класса.

1. Бѣляева Марія, Коваленко Марія, Крестовникова Ольга, Македонская 2 Софья; 5. Петрусенко 1 Ларисса, Подлуцкая Ольга.

Пятаго паралл. класса.

1. Буткова Евдокія, Кіиновская Татіана, Колесникова Анна, Ходская Евгения; 5. Холодовичъ Анна.

Списокъ воспитанницъ VI классовъ Харьковскаго Епархіального Женскаго Училища, окончившихъ курсъ и получившихъ аттестаты съ правами на званіе домашнихъ учительницъ; при чемъ нѣкоторые изъ нихъ, за отличные успѣхи и благонравіе, награждаются книгами.

Шестаго нормал. класса.

1. Андреевкова Евфросинія, Бобина Ксенія—нагр. книгами, Богославская Серафима, Брезницкая Зинаида; 5. Выковцева ВѢра, Бѣляева Марія, Веселовская Александра, Горайва Елена—нагр. книгою, Доброничкая Марія; 10. Квитковская Евгения, Корнутаенко Анна, Ковушкина Раиса—нагр. книгою, Любарская Анна,—нагр. книгою, Моголянская Таисія—нагр. книгою; 15. Мураховская Таисія—нагр. книгою, Нечаева Анна, Никулищева Варвара, Пономарева Варвара, Петровская Зинаида—нагр. книгою; 20. Попова

Анна—нагр. книгою, Платонова Софья, Раевская Александра—нагр. книгою, Раевская Ларисса, Руденко Равса; 25. Сапухина Зинаида, Соколовская Софья, Страхова Вѣра—нагр. книгою, Строевская Евдокія—нагр. книгою, Торанская Елена; 30. Тимоѣева Олимпіада, Школьницкая Надежда, Эйнатская Дарія и Ѳедорова Надежда.

Шестаго паралл. класса.

1. Алексѣева Марія, Бахматьева Екатерина, Богданова Марія, Бѣляева Викторина—нагр. книгою; 5. Власова Евгенія, Войтова Елисавета, Ганжа 1 Ольга, Ганжа 2 Лидія, Гревизурская Марія; 10. Грекова Елена, Евецкая Варвара, Житецкая Ольга, Жуковская Марія—нагр. книгою, Иванцкая Анна; 15. Кириллова Лидія, Краснокутская Теокиста, Кохановская Лидія, Кремневая Наталія, Куницына Вѣра; 20. Лукьяничкова Наталія—нагр. книгою, Любарская Софья, Николаевская Марія, Оглоблина Надежда, Петрова Ольга; 25. Попова 1 Варвара, Попова 2 Марія, Попова 3 Александра, Полянская Анастасія, Пономарева Теофанія; 30. Преображенская Елисавета—нагр. книгою, Преходина Лидія, Протопопова Марія, Спидорова Анеія, Спльванская Александра; 35. Синельникова 1 Ольга, Синельникова 2 Зинаида, Соболева Марія, Ставславская Людмила—нагр. книгою, Толмачева Анна; 40. Филевская Татіана, Щеголева Марія и Ѳедоровская Наталія.

Примѣчаніе. Аттестаты двѣнадцати сиротъ—окончившихъ курсъ училища Совѣтомъ имѣютъ быть обмѣнены на свидѣтельства, выдаваемые изъ канцелярїи г. Апопечителя учебнаго округа, съ покрытіемъ всѣхъ расходовъ по сему предмету изъ спеціальныхъ училищныхъ средствъ.

Епархіальныя извѣщенія.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА.

Священническія:

- 1. Рождество-Бородичная церковь с. Шуликиной, Старобѣльскаго уѣзда.
- 2. Георгіевская церковь сл. Поповки, Изюмскаго уѣзда.
- 3. Петро-Павловская церковь сл. Павловки, Старобѣльскаго уѣзда.
- 4. Троицкая церковь с. Мироновки, Харьковскаго уѣзда.
- 5. Кресто-Воздвиженская церковь с. Крючича, Богодуховскаго уѣзда.
- 6. Рождество-Бородичная церковь с. Княжина-Димана, Изюмскаго уѣзда.

Діаконскія:

- 1. Георгіевская церковь с. Бѣловода, Сумскаго уѣзда.
- 2. Успенская церковь сл. Рублевки, Богодуховскаго уѣзда.
- 3. Казанская церковь с. Басовки, Сумскаго уѣзда.
- 4. Покровская церковь с. Огульцовъ, Валковскаго уѣзда.

Цсаломцинкія:

- Троицкая церковь с. Монсеевки, Старобѣльскаго уѣзда.
 Покровская церковь с. Городища, Старобѣльскаго уѣзда.
 Николаевская церковь с. Ново-Александр., Старобѣльскаго уѣзда.
 Георгіевская церковь, города Ахтырск.
 Петро-Павловская церковь с. Княжнаго, Валковскаго уѣзда.
 Митроф. церковь с. Демьяновки, Старобѣльскаго уѣзда.
 Воскресенская церковь с. Боголюбовки, Купянскаго уѣзда.
 Покровская церковь Харьковскаго Благотворительнаго Общества.
 Иоанно-Предтеченск. церковь с. Ново-Ивановки, Зміевскаго уѣзда.
 Воскресенская церковь с. Надеждовки, Изюмскаго уѣзда.
 Александро-Невская церковь сл. Александровки, Валковскаго уѣзда.
 Николаевская церковь с. Гіевки, Харьковскаго уѣзда.
 Покровская церковь с. Глазуновки, Зміевскаго уѣзда.
 Пророко-Осіевская церковь, Харьковскаго Реальнаго Училища.
 Свято-Духовская церковь с. Кононовки, Старобѣльскаго уѣзда.
 Успенская церковь с. Коломака, Валковскаго уѣзда.
 Николаевская церковь с. Наугольповки, Купянскаго уѣзда.
 Влад.-Богородич. церковь с. Должика, Харьковскаго уѣзда.
 Арханг.-Михайловск. церковь г. Краснокутскя.
 Род.-Богородич. церковь с. Сѣнной, Богодуховскаго уѣзда.
 Введенская церковь с. Студенка, Изюмскаго уѣзда.
 Николаевская церковь с. Царкуновъ, Харьковскаго уѣзда.
 Троицкая церковь с. Чернокаменки, Зміевскаго уѣзда.
 Георгіевская церковь с. Павловки, Богодуховскаго уѣзда.
 Еватерпийская церковь сл. Политковки, Богодуховскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Арсеніемъ педагогическихъ курсовъ. — Необходимое разъясненіе — Некрологъ.

Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ архіепископомъ педагогическихъ курсовъ. Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, вторично посѣтилъ педагогическіе курсы при духовномъ училищѣ. При входѣ въ зданіе училища Владыка былъ встрѣченъ ректоромъ семинаріи прот. о. Знаменскимъ, руководителемъ курсовъ г. епархіальнымъ наблюдателемъ В. Ф. Давиденко и преподавателями. Въ это время слушатели курсовъ въ полномъ составѣ занимались въ залѣ, подъ руководствомъ преподавателя пѣнія о. І. Петровскаго, пѣніемъ. По желанію Владыки, курсы исполняли хоромъ молитвы, причемъ управляли пѣніемъ свящ. Петровскій, г. Вута и г-жа Нестеренко попеременно. Высокопреосвященный Арсеній бесѣдовалъ съ присутствовавшими, сожалѣлъ о забытомъ „Знаменномъ“ пѣньѣ и говорилъ о глубо-

комъ значеніи церковнаго пѣнія, а также пѣнія гимновъ, различныхъ пѣсенъ патріотическихъ и народныхъ. Вслѣдъ за этимъ Владыка освѣдомился, сколько въ числѣ слушателей курсовъ регентовъ и въ какихъ церквахъ, подъ ихъ руководствомъ, организованы хоры; причемъ въ поощреніе за церковное пѣніе управлявшей хоромъ г-жѣ Нестеренко подарилъ прекрасный камертонъ. Стройнымъ и дружнымъ пѣніемъ „Свѣтъ тихій“ и „Исъ полла атя, деспота“ закончилась бесѣда Владыки. Оставляя аудиторію и благословляя курсистовъ, Архипастыръ общалъ при слѣдующемъ посѣщеніи раздать имъ книжки о житіи св. Серафима, Саровскаго чудотворца, и его святыхъ изображенія.

— *Необходимое разъясненіе.* Въ „Нов. Вр.“ подъ заглавіемъ „Необходимое разъясненіе“ напечатано слѣдующее: „Недѣли три тому назадъ по Петербургу усилено распространялись гектографированные листки отъ какого то „союза борьбы съ православіемъ“, которое объявлено вреднымъ для блага русскаго народа. Въѣсть съ симъ заявлялось, что союзъ принялъ на себя во исполненіе долга своего передъ истинною и русскимъ народомъ разслѣдованіе дѣла о мощахъ Серафима Саровскаго и не остановится въ случаѣ надобности и передъ вскрытіемъ содержимаго гроба. Не знаю, существуетъ ли дѣйствительно такой союзъ борьбы съ православіемъ, или листки эти суть плодъ досужихъ занятій какою либо любителя смуты, во всякомъ случаѣ, распространенные въ громадномъ количествѣ они заставили говорить о себѣ, петербургскую публику, а возможно и провинціальную, и самую захолустную, если проникли туда. Будь въ листкахъ только оговѣщеніе объ образованномъ союзѣ, о нихъ и говорить-бы не стоило, утверждать, какъ это дѣлаетъ союзъ, что православіе вредно для блага русскаго народа, значитъ обнаруживать полное невѣжество и совершенное непониманіе русской исторіи. Но въ листкахъ грубо затронуто дѣло о мощахъ святаго старца Серафима съ неприличнымъ намекомъ на содержимое въ гробу, да еще, во исполненіе долга предъ истинною... Какъ будто истина была тутъ вѣдь-либо поправа. Не осуждаю этой грубости, какъ я Господь, не осудилъ Ѳому невернаго. Притомъ и помимо листковъ о мощахъ старца Серафима много легкомысленныхъ разговоровъ даже между людьми образованными, благонамѣренными и вѣрующими. Есть сомнѣнія, — есть для многихъ мучительный вопросъ: что въ гробу? Не осуждаю и этихъ легкомысленныхъ сомнѣній, по дадимъ прямой отвѣтъ на вопросъ, „что же въ гробу“. Въ гробу обрѣтенъ ясно обозначив-

шійся подъ остатками пстлѣвшей монашеской одежды остовъ почившаго старца. Тѣло предалось тлѣнію, кости-же его и волосы головы в бороды совершенно сохранялись. Таково содержимое гроба. Но тутъ то начинается для многихъ камень преткновенія. „Есть у насъ люди,—справедливо говоритъ профессоръ Е. Голубинскій,—имѣющіе ревность Божію не по разуму, которые утверждаютъ, будто мощи святыхъ всегда и непремѣнно суть совершенно нетлѣвныя, т. е. совершенно цѣлыя, нисколько неразрушенныя и неповрежденныя тѣла⁴. Мѣжду тѣмъ такое утвержденіе совершенно неправильное и не согласуется съ всецерковнымъ сознаніемъ, по которому нетлѣвіе мощей вовсе не считается общимъ непремѣннымъ признакомъ для православія святыхъ угодниковъ. Довзательствомъ святости святыхъ составляютъ чудеса, которыя творятся при ихъ гробахъ, или отъ ихъ мощей,—цѣлы-ли эти тѣла или только кости одиѣ. Нетлѣвіемощей, когда оно есть, есть чудо, но только дополнительное къ тѣмъ чудесамъ, которыя творятся черезъ ихъ посредство *). И святость старца! Серафима опредѣлялась не свойствомъ его останковъ, а вѣрою народа в многочисленными чудесами, которыя по обследованію ихъ надлежащимъ образомъ, не представляли никакого сомнѣнія въ своей достовѣрности. По свойству своему относясь къ событіямъ, являющимъ чудодѣйственную силу Божію ходатайствомъ и заступленіемъ отца Серафима и только послѣ такого удостовѣренія въ святости и молитвенномъ дерзновеніи отца Серафима передъ Богомъ, постановлено, чтобы всечестныя останки его были предметомъ благоговѣйнаго чествованія отъ всѣхъ притекающихъ къ его молитвенному предстательству, ибо „не ставятъ свѣтальника подъ спудомъ“. Больно было бы для вѣрующаго сердца сокрыть эти останки преподобнаго подъ землю. У святого человѣка все свято и чудодѣйственно даже тѣнь, даже одежда, а не одно только тѣло⁵ или кости. Такъ, тѣнь⁶ апостола Петра, головниа повязки апостола Павла исцѣляли больныхъ отъ болѣзней, отъ прикосновенія къ костямъ пророка Елисея воскресъ мертвый. Даже прахъ, по которому ступали ноги святого человѣка, пріобрѣтаетъ цѣлебную силу. Такъ послѣ старца святого Серафима земля съ его могилы, камень, на которомъ, онъ молился, вода изъ источника, который онъ вырылъ, почитаются какъ святини и по частямъ разбираются и разносятся вѣрующими⁷ по домамъ, какъ чудодѣйственныя и дающія цѣленіе въ разныхъ недугахъ,⁸

*) Смори объ этомъ прекрасное разслѣдованіе въ статьѣ „Нетлѣвіе мощей“, въ № 12 Церк. Вѣд. за текущій годъ.

гахъ. Останки-же его тѣла, кости его, для вѣрующаго суть драгоценная святыня, истинное сокровище, черезъ которое подается почитающимъ его и помощь. Итакъ отъ старца Серафима остались въ гробу только кости, остовъ тѣла, но какъ останки угольника Божьяго, челоуѣка святого, они суть мощи святыя и вносятся нынѣ при торжественномъ его прославленіи въ нѣдръ земли для благоговѣйнаго чествованія ихъ всѣми притекающимъ къ молитвенному предстательству его, преподобнаго старца Серафима“.

Митрополитъ Антоній.

С.-Петербургъ, іюля 20.

НЕКРОЛОГЪ.

24-го апрѣля сего 1903 года, въ три часа ночи, напутствуемый св. таинствами, на 73 году своей жизни, скончался заштатный священникъ Михайлъ Колосовскій.

Покойный—сынъ священника, родился 11 іюля 1830 года въ селѣ Рубежномъ, Волчанскаго уѣзда. Еще въ первомъ классѣ Харьковскаго духовнаго училища оставшись сиротой съ двумя своими братьями и сестрой, много онъ претерпѣлъ горя и бѣдности. Воспитывался о. Михайлъ какъ въ духовномъ училищѣ, такъ и въ Харьковской семинаріи на казенный счетъ и по окончаніи курса въ ней онъ 22 января 1855 года былъ рукоположенъ во священника къ Рождество-Богородичной церкви, слободы Каплуновки, Богодуховскаго уѣзда, гдѣ пробылъ одинъ годъ и мѣсяць. Покойнаго тянуло въ родной уѣздъ и къ родной семьѣ, почему онъ переехалъ 20 февраля 1856 года къ Вознесенской церкви, слободы Кѣрмовки, Волчанскаго уѣзда; но бѣдность прихода и большая семья заставили его перейти 22 сентября 1857 года къ Рождество-Богородичной церкви, слободы Волоховки, того же уѣзда, гдѣ онъ и священствовалъ, безъ 4 дней, 25 лѣтъ, и наконецъ 18 сентября 1882 года онъ перешелъ къ Успенской церкви, слободы 2-й Николаевки, того же уѣзда.

Съ первыхъ же годовъ своего священства онъ былъ обремененъ большой семьей, состоявшей изъ матери, двухъ братьевъ и сестры (мать и сестра всегда жили при немъ), а потомъ и собственныхъ дѣтей: двухъ сыновей и двухъ дочерей. Какъ къ братьямъ, такъ и къ собственнымъ дѣтямъ о. Михайлъ питалъ одинаковую родственную любовь; съ глубокимъ почтеніемъ всегда относился къ своей матери и съ нѣжной любовью къ братьямъ и сестрѣ. Эту родственную любовь прекрасно охарактеризовалъ при погребеніи родной его брать, священникъ Іоаннъ Колосовскій, сказавши съ глубокою признательностью, что онъ и братья всѣми обязаны почившему, припомнилъ съ какою радостію встрѣчалъ ихъ, пріѣзжавшихъ изъ училища на святки или каникулы, какъ заботился о нихъ и когда одинъ изъ нихъ былъ лишень казеннаго содержанія, то содержалъ его на свой счетъ до окончанія курса семинаріи. Такое отношеніе его къ братьямъ лучше всего говорить о его прекрасныхъ качествахъ души.

Прихожане, гдѣ онъ священствовалъ, относились къ нему съ полнымъ уваженіемъ и любовью за его благоговѣйное служеніе, за ласковое и оте-

ческое обращеніе съ ними и за безкорыстіе. За исправленія требъ опредѣленной платы о. Михаилъ не назначалъ и довольствовался тѣмъ, что даютъ. При самыхъ скромныхъ личныхъ потребностяхъ покойному едва хватало получаемыхъ доходовъ на воспитаніе сначала братьевъ и сестры, а потомъ собственныхъ дѣтей, почему и состоянія послѣ своей смерти не оставилъ никакого.

Покойный о. Михаилъ, поступивши на приходъ, никогда не довольствовался однимъ исправленнымъ требъ, но съ первыхъ же годовъ своего священства сталъ учить дѣтей своихъ прихожанъ грамотѣ, для чего открылъ на своей квартирѣ въ слободѣ Волоховкѣ школу въ 1861 году, которую и велъ, какъ учитель, до 1872 года, т. е. 10 лѣтъ, не получая ни откуда никакого вознагражденія.

Нужно было удивляться энергіи о. Михаила: вездѣ посѣввалъ и нячѣмъ не тяготился, никакая погода на была ему помѣхой, хотя послѣдній ого приходъ во 2 й Николаевкѣ состоялъ изъ 5 хуторовъ, разстояніемъ отъ 3 до 10 верстъ. Кромѣ обязанностей по приходу, онъ находилъ еще время заниматься уроками Закона Божія въ 4-хъ школахъ, изъ которыхъ двѣ—Софійевская и Скалоповская—находились въ хуторахъ. И при такой разбросанности прихода и школъ, требы имъ исполнялись безотлагательно, занятія въ школахъ вались неопустительно и успѣшно, что доказывается множествомъ благодарностей Волчанскаго Училищнаго Совѣта и Волчанскаго земскаго собранія въ 1876, 1883, 1893, 1895, 1896, 1897, 1899 и 1900 годахъ, какъ видно изъ его формулярнаго списка. Какъ Волчанское Замство, такъ и Общество высоко цѣнило его, какъ общественнаго дѣятеля, почему онъ нѣсколько трѣхлѣтій былъ гласнымъ Волчанскаго Земскаго Собранія, гдѣ не безъ успѣха ратовалъ за народное здравіе и образованіе.

Епархіальное начальство тоже цѣнило его, какъ образцоваго священника, и поощряло наградами: въ 1865 году—набедренникомъ, въ 1872—скуфіей, 1881—камилавкой, 1896—орденомъ Анны III степени и 1899 году—наперснымъ золотымъ крестомъ; покойный имѣлъ еще крестъ въ память Севастопольской войны.

Послѣ его смерти у него остались дѣтя: Яковъ Михайловичъ—преподаватель Харьковскаго Епархіальнаго училища, Сергѣй—свободный художникъ, Александра—вдова и Марія—въ замужествѣ за преподавателемъ Харьковскаго Коммерческаго училища, и родная сестра его Анна Васильевна—послѣдняя безъ всякихъ средствъ къ жизни.

Въ 1883 году 26 марта умерла его жена, Маріамна Васильевна. Лишеніе жены—друга жизни такъ поразило его и нравственно потрясло, что при всемъ его желаніи скрыть свое душевное страданіе и заглушить его то парочитымъ богослуженіемъ, то безотлагательнымъ исполненіемъ требъ, то аккуратнымъ посѣщеніемъ школъ не могъ этого сдѣлать. Страданіе это выражалось иногда въ задумчивости, иногда въ слезахъ и вздохахъ. Съ этого времени силы его, съ каждымъ годомъ, стали болѣе и болѣе упадать, видимо онъ сталъ какъ бы угасать. По совѣту врачей, въ особенности же по совѣту своихъ дѣтей, онъ выпалъ за штатъ и переѣхалъ на жительство въ Харьковъ къ дочери своей—вдовѣ, Александрѣ Михайловнѣ Закиной, имѣющей маленькій домакъ въ концѣ Москалевки. Здѣсь

хотя, повидному, здоровье его нѣсколько улучшилось, но никогда уже не возвращалось къ нему. Опасность своего положенія онъ сознавалъ и смерти не боялся, а напутствуемый таинствами покаянія, причащенія и елеосвященія, мирно отошелъ во Господу.

Погребеніе совершено было 24 апрѣля н. г. въ Харьковской Николаевской церкви о. протоіереемъ Александромъ Федоровскимъ при участіи восьми священниковъ, при пѣніи превосходнаго хора сей церкви и при массѣ молящихся, привлеченныхъ дивнымъ чинномъ священническаго погребенія.

Ближайшій его сосѣдъ по приходу, дѣлвшій съ нимъ приходскія радости и скорби, священникъ Василій Самойловъ, законоучитель Харьковской Торговой школы, сазалъ при погребеніи его рѣчь слѣдующаго содержания:

«Всѣмъ явится намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ, да приметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага или зла» (2 Коринѣ. 5, 10). — Каждый гробъ, братіе, поучителемъ для насъ. Онъ ясно говоритъ намъ, что никому изъ насъ не мновать тѣснаго гроба да темной могилы, рано или поздно, но всѣмъ намъ суждено разстаться съ жизнью. Если и необлеченному высокимъ саномъ священства страшно явиться къ Царю Небесному, праведному Судіи, то еще страшнѣе предстать предъ Нимъ священнику, обязанному дать Богу отвѣтъ не за себя только, а и за каждую душу, ввѣренную его попеченію.

Велика обязанность лежала на тебѣ, собрать пашъ, какъ на пастырѣ стада Христова. Ты долженъ былъ молиться за себя и за другихъ, — долженъ былъ итти прямой дорогой на небо самъ и за собой вести другихъ, долженъ былъ совершать таинства и приносить страшную безкровную жертву Богу за себя и за другихъ, — долженъ быть образцомъ для другихъ по своей жизни и по вѣрѣ. Такова была твоя обязанность предъ Богомъ — велика и отвѣтственна она.

Намъ нѣтъ нужды разбирать твою жизнь, оцѣнивать твои дѣла и то, какъ ты сослужилъ свою великую службу, ты теперь предъ лицемъ праведнаго Судіи, которому вѣдомы не только наши дѣла, но и помысленія. Мы собрались сюда не оцѣнивать твою жизнь, а проводить тебя въ лучшую загробную жизнь и, какъ путнику, оставляющему насъ, высказать тебѣ наши лучшія пожеланія. Итакъ — вѣчная память тебѣ! Вѣчной памяти и блаженной жизни на небѣ желаетъ тебѣ прежде всѣхъ Святая православная церковь, встрѣчающая тебя радостною пѣснію о воскресеніи Спасителя; вѣчнаго покоя со святыми желаетъ тебѣ сонмъ твоихъ братій, провожающихъ тебя въ далекую загробную жизнь; вѣчнаго упокоенія въ царствѣ небесномъ отъ всего сердца своего желаютъ тебѣ твои сыны и дочери и вси знаеміи.

Молимъ милосердаго Господа услышать сіе наше святое желаніе и упокоить тебя въ Своемъ небесномъ царствіи. Мы высказали тебѣ, пріснопамятный братъ нашъ, іерей Михайлъ, наше искреннѣйшее желаніе; можетъ быть, и ты при послѣднемъ своемъ прощаніи пожелаешь намъ чего нибудь?!

Отвѣта нѣтъ... Уста безмолвствуютъ...

Но мы сами можемъ угадать его желаніе.

Разставившись съ міромъ и вполнѣ узнавши ничтожество и суетность всего земного, онъ могъ бы только сказать намъ: Друзья мои! всѣмъ вамъ придется быть тамъ, гдѣ теперь я. Помните это и живите такъ, чтобы вамъ перейти на небо съ чистою душою и перенести туда истинную вѣру въ Бога и обильный запасъ добрыхъ дѣлъ.

А теперь, достопочтенные отцы и братія, сродницы и други, молитесь за меня. Приидите и цѣлуйте меня послѣднимъ цѣлованіемъ... Се различаемся. Аминь.

Священникъ Василій Самойловъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Учитель пѣнія и регентъ

Озургетскаго Духовнаго Училища г. Кунда, имѣющій свидѣтельство объ окончаніи курса въ Придворной капеллѣ, желаетъ перемѣнить мѣсто.

Адресъ: Великій Бобринъ, Сумскаго уѣзда, Харьковской губ. Филарету Яблоновскому.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ

ИКОНОСТАВНАЯ И ЦОВОЛОТНАЯ

МАСТЕРСКАЯ

Алексѣя Петровича ПЕТРОВА съ С-ми

— Существуетъ съ 1869 года. —

МОСКВА, 1-я Мѣщанская, домъ № 98.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ

НА ХУДОЖЕСТВЕННО-РѢЗНЫЕ, ЖИВОПИСНЫЕ и ИКОНОПИСНЫЕ РАБОТЫ,

какъ-то: Церковные иконостасы (я военно-походные) въ разныхъ строго выдержанныхъ стиляхъ, мѣстные и запрестольные киоты, балдахины надъ престолами, гробницы подъ плащаницу, запрестольные кресты и рамы съ тумбами, кресты съ предтоящими съ рѣзной горой, аналои, престолы, жертвенники, свѣчные ящики и зеркала для присутственныхъ мѣстъ,

А ТАКЖЕ ПРОИЗВОДИТСЯ РЕСТАВРАЦІЯ ИКОНОСТАВОВЪ, ИКОНЪ, ВНУТРЕННЕЙ и НАРУЖНОЙ ЖИВОПИСИ въ ХРАМАХЪ и пр И ЗОЛОЧЕНІЕ ГЛАВЪ и КРЕСТОВЪ.

Рисунки, смѣты и чертежи высылаются по первому требованію.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые десять лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Пиннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованіе евреевъ въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство во времени земной жизни Господа нашего Іисуса Христа“. Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевского.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“? В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождественна.—„О церковныхъ плодоприношеніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ новѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свѣд. Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровазаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отлчїи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Омирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кирилловича.—„Православенъ-ли intercommunion, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Омирнова.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, С. Глаголева, А. Зеленогорскаго, В. Кудравцева, П. Ливницкаго, М. Остроумова, В. Онегирева, П. Соколова, Г. Струве и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро. Жана и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресъ лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ ВНАЖЕНОНІИ
и Дѣйстви. Статск. Совѣтникъ Константинъ ИСТОМИНЪ.